РУССКІЙ ВѢСЪ

ЕГО РАЗВИТІЕ И ПРОИСХОЖДЕНІЕ

ВЪ СВЯЗИ

СЪ ИСТОРІЕЮ РУССКИХЪ ДЕНЕЖНЫХЪ СИСТЕМЪ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

ОПЫТЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

И. И. Кауфмана

Орд. проф. И. Спб. Унив.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1906.

РУССКІЙ ВѢСЪ

ЕГО РАЗВИТІЕ И ПРОИСХОЖДЕНІЕ

ВЪ СВЯЗИ

СЪ ИСТОРІЕЮ РУССКИХЪ ДЕНЕЖНЫХЪ СИСТЕМЪ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

ИЗЪ КНИГЪ И. И. КАУФМАНА.

ОПЫТЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

И. И. Кауфмана

Орд. проф. И. Спб. Унив.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1906.

Отдѣльный оттискъ изъ I тома Записокъ Нумизматическаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
396
29

ИЗЪ КНИГЪ И. И. КАУФМАНА.

РУССКІЙ ВѢСЪ, ЕГО РАЗВИТІЕ И ПРОИСХОЖДЕНІЕ ВЪ СВЯЗИ СЪ ИСТОРІЕЮ РУССКИХЪ ДЕНЕЖНЫХЪ СИСТЕМЪ СЪ ДРЕВНѢЙШАГО ВРЕМЕНИ.

Историческій опытъ о русскомъ вѣсѣ, помѣщаемый здѣсь, напечатанъ въ томъ видѣ, въ которомъ онъ былъ приготовленъ для собщенія въ Нумизматическомъ Отдѣленіи И. Археологическаго Общества. Въ окончательномъ видѣ онъ вмѣстѣ съ приготовленными къ печати, пятью другими опытами[1]) войдетъ въ составъ предположенной авторомъ къ выпуску книги подъ заглавіемъ: «*Русскія денежныя системы, древнѣйшія и новѣйшія*».

Въ выпускаемомъ въ настоящее время первомъ изъ этихъ опытовъ доказываются нижеслѣдующіе выводы изъ изслѣдованій автора.

I. Нумизматическій матеріалъ (въ видѣ вѣса дошедшихъ до насъ монетъ) доказываетъ, что въ XVIII, XVII и XVI столѣтіяхъ основная единица вѣса въ Россіи была тождественна съ тою, которая въ ней остается въ употребленіи до нашихъ дней: въ первой половинѣ XVIII в. и въ XVII ст. монеты Россіи чеканились на основѣ нынѣшняго фунта, а въ XVI ст. на основѣ скаловой гривенки, составлявшей половину нынѣшняго фунта.

II. Изученіе рубля и «денги» XV и XIV ст., ихъ взаимнаго отношенія и ихъ связи съ вѣсомъ, требуетъ изслѣдованія двухъ денежныхъ счетовъ, московскаго и новгородскаго, которые были въ употребленіи съ половины XV в. до конца XVI в. Они возникли вслѣдствіе перемѣнъ, происшедшихъ при Василіи Темномъ въ монетной стопѣ, по которой «денга» чеканилась

1) О древнерусскихъ денежныхъ единицахъ до XV в.; 2) о мѣховыхъ и кожаныхъ деньгахъ въ древней Руси; 3) о русскихъ деньгахъ при Петрѣ В. и его преемникахъ до Екатерины II; 4) о металлическихъ и бумажныхъ деньгахъ въ Россіи отъ Екатерины II до ихъ преобразованія при Николаѣ I, въ 1839—1843 гг. и 5) о металлическихъ и бумажныхъ деньгахъ въ Россіи отъ ихъ преобразованія при Николаѣ I до нашихъ дней.

въ Москвѣ и въ Новгородѣ, и въ связи съ татарскимъ денежнымъ счетомъ, къ которому примкнулъ Дмитрій Донской, начиная чеканку московской денги, а потомъ примкнулъ и Новгородъ, начиная чеканку новгородской денги. Первоначально (въ XIV и первой половинѣ XV в.), не только рубль и денга были одинаковы въ Москвѣ и въ Новгородѣ, но въ нихъ одинаково тождественны были рубль и гривенка, составляя «рублевую гривенку» въ 48 нынѣшнихъ золотниковъ. Это доказывается, какъ вѣсомъ монетъ Дмитрія Донского и Василія Дмитріевича, такъ и вѣсомъ древнѣйшихъ новгородскихъ монетъ. Только съ половины XV в. рубль и гривенка отдѣляются другъ отъ друга и становятся: рубль только денежною (счетною) единицею, а гривенка—вѣсовою (скаловою) единицею. Происхожденіе рубля и гривенки въ слитномъ видѣ рублевой гривенки совершенно аналогично однородному явленію, ранѣе происшедшему на Западѣ Европы, и объясняется одинаковыми причинами.

III. Домонгольская гривна, какъ вѣсовая единица, которая одновременно была и денежною единицею, представляетъ явленіе, многократно повторявшееся въ другихъ странахъ. Мнѣніе, что въ древнѣйшей Руси, въ Новгородѣ и въ Кіевѣ, былъ въ употребленіи различный вѣсъ, опровергается тѣмъ, что древняя письменность не знаетъ никакого различія между новгородскою и кіевскою гривною. Объясненія вѣса гривны заимствованіями у Византіи и у Запада Европы ошибочны: въ Византіи и на Западѣ Европы былъ въ употребленіи вѣсъ, ничего общаго не имѣющій съ тѣмъ, который употреблялся въ Кіевѣ, Новгородѣ и въ сѣверо-восточной Руси. Вѣсъ куфическихъ монетъ одинъ только правильно указываетъ, откуда произошелъ вѣсъ гривенныхъ слитковъ, совпадающій съ вѣсомъ, по которому у насъ всегда чеканились монеты съ XIV в. до настоящаго времени. Въ основѣ куфическихъ монетъ лежитъ иракскій фунтъ, тождественный съ нынѣшнимъ русскимъ фунтомъ; этотъ иракскій фунтъ былъ занесенъ въ древнѣйшую Русь вмѣстѣ съ куфическими монетами; по нему отливались гривенные слитки и онъ лежитъ въ основѣ монетъ, чеканившихся Владиміромъ Святымъ и Ярославомъ Мудрымъ. Связь иракскаго фунта съ вѣсовыми единицами, бывшими въ употребленіи въ птолемеевской Александріи, и съ вавилоно-ассирійскими вѣсовыми единицами — указываетъ на весьма значительную древность употребляемаго нами до сихъ поръ вѣса. Въ Москвѣ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в. знали, что русскій вѣсъ восточнаго происхожденія и его существенно отличали отъ западнаго и греческаго вѣса.

Авторъ считаетъ необходимымъ предпослать своему изложенію еще одно объясненіе, почему исторія нашего вѣса излагается здѣсь не въ естественномъ порядкѣ всякаго историческаго развитія, начиная съ самаго отда-

леннаго времени, котораго приходится касаться, и постепенно приближаясь къ новѣйшему времени,—а въ противоположномъ направленіи: начиная отъ времени къ намъ ближайшаго и постепенно отъ него удаляясь въ прошлое, все болѣе и болѣе отъ него удаленное. Авторъ поставленъ въ необходимость такъ поступать, потому что 1) онъ совсѣмъ не имѣетъ претензіи излагать полную и исчерпывающую исторію всѣхъ вѣсовыхъ единицъ, которыми въ разное время пользовалось русское населеніе; онъ ставитъ себѣ гораздо болѣе скромную задачу объяснить, *откуда взялся нынѣшній нашъ вѣсъ*, 2) относительно этого же вѣса еще необходимо предварительно *доказать*, что онъ *принадлежитъ исторіи*, *имѣетъ исторію*, что онъ дѣйствительно существовалъ не только въ теченіи всего XIX в., но и въ теченіи всего XVIII в., и въ теченіи всего XVII в. и т. д. столѣтій, или если имъ пользовались въ разныхъ видахъ, то въ какихъ именно и какія причины вызывали эти видоизмѣненія? Только посредствомъ такого осторожнаго движенія можетъ быть выяснена связь между каждымъ историческимъ періодомъ и періодомъ, ему предшествовавшимъ, а когда это сдѣлано, то пріобрѣтается прочная почва для новаго шага, которымъ вводится новое звено въ изслѣдуемую цѣпь, чтобы по возможности выяснить всѣ ея звенья.

I.

Въ точности мы знаемъ, что вѣсъ, который мы нынѣ употребляемъ, имѣетъ основаніемъ «извѣстный золотой фунтъ С.-Петербургскаго монетнаго двора, сдѣланный въ 1747 г. и служащій *съ того времени* основаніемъ Россійской монетной системы»[1]). Только съ этого времени, съ 1747 г., мы знаемъ въ точности, что въ XVIII ст. былъ въ употребленіи нынѣшній нашъ вѣсъ, представляемый образцовымъ фунтомъ, который теперь хранится въ Палатѣ мѣръ и вѣсовъ. Но о первой половинѣ XVIII вѣка мы уже этого не знаемъ. Хотя древняя Русь въ XVI ст. хорошо знала «пятенныя» (штемпелеванныя) мѣры и вѣсы и съ самаго ранняго времени оберегала особенно вѣсы, — но даже Петръ Великій не ранѣе 1722 г. усмотрѣлъ необходимость въ изготовленіи образцовыхъ гирь. Распоряженіе объ этомъ было сдѣлано 5 апрѣля 1722 года въ артикулѣ 30 главы 12-ой Регламента объ учрежденіи адмиралтейства и верфи: «надлежитъ имѣть вѣсы правдивые; а для повѣрки ихъ хранить особливые вѣсы, освидѣтельствованные и запечатанные, которыми ничего не вѣсить, кромѣ повѣрки, дабы не смололись или не испортились, и ими повѣрять и исправлять прочіе вѣсы

1) Указъ 11 октября 1835 г. См. приложеніе къ ст. 2747 Устава Торг. Св. Зак. т. XI ч. 2. изд. 1857 г.

дважды въ годъ» [1]). Это распоряженіе Петра, однако, очень долго не исполнялось и въ 1735 году пришлось его повторить: «вслѣдствіе открытыхъ въ Москвѣ на монетныхъ дворахъ неправильностей въ храненіи металловъ, того ради повелѣно нашей Монетной Канцеляріи принять нижеслѣдующее: о разности въ вѣсахъ разсмотрѣть подробно и *учредить* вѣсы вѣрные и правдивые и оные велѣть освидѣтельствовать къ тому искусными мастерами при членахъ той канцеляріи; изъ тѣхъ освидѣтельствованныхъ одни вѣсы, для повѣрки другихъ, имѣть запечатанные въ Монетной Канцеляріи, которыми ничего не вѣсить кромѣ повѣрки, дабы не смололись и не испортились, и съ ними исправлять и повѣрять прочіе всѣ вѣсы по дважды въ годъ» [2]). Но и это распоряженіе осуществилось лишь въ 1747 г. и слѣдовательно мысль Петра Великаго была исполнена только чрезъ 25 лѣтъ послѣ того, какъ она была выражена.

Такимъ образомъ даже о первой половинѣ XVIII в. неизвѣстно въ точности, какого рода были тогда вѣсы, такъ точно, какъ это неизвѣстно для XVII и предшествовавшихъ столѣтій.

Наиболѣе испытанный и дѣйствительно лучшій путь для изученія вопросовъ этого рода заключается въ изученіи вѣса монетъ и стопы, по которой монеты чеканились, т. е., сколько ихъ чеканилось на вѣсовую единицу. Этотъ путь имѣетъ большое значеніе даже тогда, когда до насъ дошли старинныя гири, служа повѣркою показаній, даваемыхъ этимъ археологическимъ матеріаломъ. Извѣстно, какое огромное значеніе имѣло изученіе вѣса древнегреческихъ и древнеримскихъ монетъ именно для повѣрки показаній дошедшихъ до насъ гирь классическаго міра. Еще большее значеніе имѣетъ изученіе вѣса монетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда до насъ старинныхъ гирь совсѣмъ не дошло, или имѣющійся археологическій матеріалъ этого рода слишкомъ недостаточенъ и недоступенъ пониманію въ данномъ его состояніи. Тогда приходится волею-неволею всѣ надежды возлагать на изученіе вѣса монетъ.

Къ счастью, нумизматическій матеріалъ первой половины XVIII в., всего XVII в. и всего XVI в. отличается достаточною полнотою и ясностью; намъ хорошо извѣстенъ вѣсъ монетъ этихъ столѣтій и вполнѣ извѣстно, по какой стопѣ монеты чеканились съ начала XVI в.

Вотъ почему для указанныхъ $2^1/_2$ столѣтій даже нѣтъ надобности входить въ очень большія подробности для рѣшенія занимающаго насъ вопроса о томъ, существуетъ ли связь, и какая именно, между нашимъ нынѣшнимъ вѣсомъ и вѣсомъ XVI, XVII и [illegible]ой половины XVIII в.

1) П. П. С. З. VI, № 3927, стр. 568.

2) Тамъ же, IX, № 6672, ук. 21 янв. 1735 г.

Для первой половины XVIII в. достаточно ограничиться монетами Петра Великаго, даже лишь тѣми, которыя онъ чеканилъ въ началѣ XVIII в. Очевидно, что, если ими доказывается тождественность лежащаго въ ихъ основаніи вѣса съ тѣмъ вѣсомъ, который съ 1747 г. до нашихъ дней лежитъ въ основаніи русскихъ монетъ, то тождественность можно считать доказанною для всей первой половины XVIII в.

Какъ извѣстно, указъ 20 августа 1711 г. впервые у насъ ясно установилъ пробу серебряной монеты, узаконивъ 70-ю пробу и назначивъ цѣну серебру по 15 к. за лигатурный золотникъ серебра этой пробы. Отсюда лигатурный вѣсъ серебрянаго рубля $= {}^{96}/_{15} \times 100 = 640$ долей; фунтъ лигатурнаго серебра этой пробы стоитъ 15 к. $\times$ 96 зол. $=$ 14 р. 40 к. Повѣркою нынѣшними гирями эти равенства такъ точно подтверждаются, что на Монетномъ Дворѣ никогда не возникало сомнѣнія въ тождественности Петровскаго вѣса съ нынѣшнимъ. Монетный Дворъ всегда давалъ въ этомъ смыслѣ справки Министерству Финансовъ.

Для XVII в. достаточно ограничиться монетами царей Алексѣя Михайловича и Михаила Ѳеодоровича. Какъ извѣстно, собираніе и разработка нумизматическаго матеріала этихъ обоихъ царствованій находится еще въ весьма первобытномъ состояніи и приходится поэтому довольствоваться тѣмъ, что имѣется. О копѣйкахъ Алексѣя Михайловича всѣ нумизматы повторяютъ, что онѣ чеканились по $921^2/_3$ штуки изъ фунта, то есть, ихъ вѣсъ долженъ былъ составлять 10 долей. Этотъ вѣсъ копѣйки Алексѣя Михайловича дѣйствительно и имѣютъ по каталогамъ Рейхеля и Шуберта, т. е. $921^2/_3$ штуки этихъ копѣекъ прямо указываютъ на нынѣшній нашъ фунтъ въ 9216 долей. Дополнительное подтвержденіе даетъ вѣсъ рублей Алексѣя Михайловича, штампованныхъ на ефимкахъ. Вѣсъ этотъ составляетъ не менѣе 630 долей, т. е. приближается къ Петровскимъ рублямъ въ 640 долей.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ первые годы (1613—20) чеканилъ по прежней нормѣ, установленной съ дѣтства Ивана Грознаго, въ 1535 г., по 600 копѣекъ изъ фунта; съ 1620 г. царь Михаилъ Ѳеодоровичъ чеканилъ 877 копѣекъ изъ фунта, или по $10^1/_2$ долей вѣса въ каждой копѣйкѣ. Шубертъ приводитъ вѣсъ 612 штукъ, общій вѣсъ которыхъ составляетъ 6746,7 долей. Это даетъ въ среднемъ 11,02 долей, какъ и слѣдуетъ ожидать вслѣдствіе того, что копѣйки чеканились по двумъ различнымъ стопамъ. Результатъ этихъ взвѣшиваній нельзя не признавать вполнѣ удовлетворительнымъ и совершенно достаточно подтверждающимъ одинаковость вѣса XVII и XVIII, а слѣдовательно и XIX ст. Впрочемъ въ этой одинаковости никогда не возникало сомнѣній еще и потому, что къ XVII ст. отно-

сятся извѣстія о нашемъ вѣсѣ различныхъ иностранцевъ, бывавшихъ тогда въ Россіи; они тоже всегда указывали на ту же одинаковость. Я поэтому на ней и не буду останавливаться, а перейду къ XVI ст., которое обыкновенно предъ нами является въ болѣе отодвинутомъ видѣ. Съ него собственно начинается то, что у насъ кажется и считается древностью и дѣйствительно покрыто довольно густымъ мракомъ.

Говоря о вѣсѣ монетъ царей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича, я приводилъ данныя нумизматовъ о *копѣйкахъ*, потому что у нумизматовъ принято говорить только о копѣйкахъ, когда рѣчь идетъ о монетахъ со времени Ивана Грознаго. Это находится въ связи съ ихъ взглядами на перемѣну, которая произошла съ 1535 г., когда началась чеканка копейныхъ денегъ или копѣекъ. Ниже мы остановимся на подробномъ разсмотрѣніи этихъ взглядовъ, но какіе бы ни были наши результаты, во всякомъ случаѣ внѣ всякаго сомнѣнія, что съ 1535 г. началась чеканка копѣекъ, которыхъ и должно было чеканиться по 300 штукъ изъ «скаловой гривенки». Эта норма не измѣнялась не только въ царствованіе Грознаго, но и при его преемникахъ вплоть до 1620 г. Очевидно, что вѣсъ 300 копѣекъ, чеканенныхъ по нормѣ 1535 г., долженъ намъ раскрыть, какую вѣсовую единицу представляла скаловая гривенка. Въ коллекціяхъ Рейхеля, Круга и Шуберта взвѣшены 614 монетъ царствованій Грознаго, Ѳеодора Іоанновича, Бориса Годунова и перваго Самозванца; ихъ общій вѣсъ составляетъ 9383 доли, т. е. въ среднемъ вѣсъ копѣйки составляетъ 15,28 долей. Такихъ 300 монетъ имѣютъ вѣсъ $300 \times 15{,}28 = 4584$ долей $= 47^3/_4$ золотниковъ; 600 такихъ монетъ имѣютъ вѣсъ $95^1/_2$ золотниковъ. Слѣдовательно дошедшимъ до насъ 300 монетамъ скаловой гривенки недостаетъ лишь 24 доли $= {}^1/_4$ золотника, чтобы она совпадала съ нынѣшнимъ нашимъ полуфунтомъ въ 48 золотниковъ, а 600 такихъ монетъ, представлявшимъ двѣ гривенки, недостаетъ лишь 48 долей или $^1/_2$ золотника, чтобы онѣ совпадали съ нашимъ фунтомъ. Въ какой мѣрѣ различіе ихъ отъ нынѣшняго нашего вѣса совершенно ничтожно и лишено значенія, можно судить по слѣдующему указанію. Нашъ современный гривенникъ содержитъ чистаго серебра $20^1/_4$ долей на $40^1/_2$ долей его лигатурнаго вѣса; слѣдовательно его стоимость порядочно больше копѣйки 1535—1620 гг. (въ размѣнной нынѣшней монетѣ 1 копѣйка $= 2{,}025$ долямъ чистаго серебра и поэтому 1 копѣйка 1535—1620 гг., даже если вѣсъ ея 15,68 долей былъ чистымъ серебромъ, имѣла стоимость $7^1/_2$ копѣекъ въ нынѣшней размѣнной серебряной монетѣ), а въ его вѣсѣ допускалась до новѣйшаго монетнаго устава 1899 г. терпимость въ 2 доли $= 0{,}05$ или 5% лигатурнаго вѣса. Изъ фунта лигатурнаго серебра чеканятъ $227^5/_9$ гривенниковъ и, слѣдовательно, до конца XIX в. у

насъ допускалось, чтобы на фунтъ гривенниковъ не хватало 455 долей или $4^3/_4$ золотника, почти въ 10 разъ больше, чѣмъ недостаетъ 600 монетамъ 1535—1620 гг. до 96 золотниковъ или полнаго нынѣшняго фунта. Даже по монетному уставу 1899 г., по которому терпимость для серебряной монеты очень сильно понижена (до 0,015 вѣса монеты на 1000 рублей, т. е. до $607^1/_2$ долей на 405000 долей вѣса размѣнной монеты на 1000 руб.), все еще на фунтъ серебра въ размѣнной монетѣ, а потому и на фунтъ монеты въ гривенникахъ, терпимость составляетъ 138 долей, т. е. почти втрое больше тѣхъ 48 долей, которыхъ не хватаетъ до полнаго совпаденія 600 монетъ или двухъ гривенокъ съ нынѣшнимъ нашимъ фунтомъ.

Мы можемъ изъ этого заключить, что монеты 1535—1620 гг. доказываютъ совпаденіе скаловой гривенки съ нашими нынѣшними 48 золотниками съ максимальною точностью, которую можно ожидать отъ нумизматическаго доказательства.

II.

Въ тѣсной связи съ только что выясненнымъ заключеніемъ о равенствѣ вѣса скаловой гривенки 48 нынѣшнимъ золотникамъ находятся свѣдѣнія, которыя намъ сообщаетъ «*Торговая книга, книжка описательная, како молодымъ людямъ жизнь вести и знать всему цѣну*».

Торговая книга повидимому составлялась между 1575 г. (въ ней въ одномъ мѣстѣ сказано: о сесь 83 годъ, т. е. 7083 г.) и 1610 г. (въ другомъ мѣстѣ говорится: а нынѣ де было въ 118 г., т. е. въ 7118 г.) и слѣдовательно ея свѣдѣнія относятся къ послѣдней четверти XVI и началу XVII в. Она даетъ чрезвычайно полныя свѣдѣнія о системѣ вѣсовыхъ единицъ этого времени и не столь полныя свѣдѣнія о денежныхъ единицахъ. Изъ свѣдѣній о вѣсовыхъ единицахъ видно, что всѣ тѣ единицы, которыя сохранились до нашихъ дней, не только существовали уже и въ тѣ времена, но что онѣ представляли тогда болѣе расчлененную систему и рядомъ съ собою допускали еще остатки очень древняго времени. Такъ, въ видѣ крупныхъ единицъ существовали: не только берковецъ въ 10 пудовъ, но еще вощаная четверть въ 12 пудовъ. Различались 2 «ансыря»: старый, бухарскій, въ $^4/_3$ фунта или 128 золотниковъ и «нынѣшній», равный фунту или 96 золотникамъ. Центральное положеніе въ системѣ вѣсовыхъ единицъ занимаетъ гривенка или гривна: то и другое слово употребляется въ Торговой книгѣ, какъ и въ другихъ документахъ, безразлично, но всегда съ обозначеніемъ, идетъ ли рѣчь о большой или малой гривнѣ или гривенкѣ. Большая гривна или гривенка составляетъ фунтъ въ 96 золотниковъ, тождественный съ *нѣнѣшнимъ ансыремъ*, указывая этимъ, что въ XVI ст. еще ежедневно у всѣхъ

на виду была связь этого вѣса съ востокомъ, отъ котораго очевидно былъ взятъ ансырь. «А малыхъ въ фунтѣ 2 гривенки», гривна малая называется скаловой и въ ней 48 золотниковъ. «Въ пудѣ гривенокъ большихъ 40, а малыхъ въ пудѣ 80 гривенокъ». Въ золотникѣ почекъ 25; слѣдовательно, въ скаловой гривенкѣ 1200 почекъ, а въ большой гривенкѣ или фунтѣ 2400 почекъ.

Дополненіемъ этихъ свѣдѣній являются показанія Торговой Книги о денежныхъ единицахъ. Въ «московскомъ» рублѣ десять гривенъ, въ гривнѣ 10 новгородокъ, въ новгородкѣ 2 денги, въ алтынѣ 6 денегъ, въ рублѣ 2 полтины, въ гривнѣ 20 денегъ, въ денгѣ 2 полуденги.

Между свѣдѣніями о вѣсовыхъ и денежныхъ единицахъ находится тѣсная связь, потому что Торговая Книга даже опредѣляетъ вѣсовыя единицы, выражая ихъ въ денежныхъ единицахъ. Такъ какъ по закону 1535 г. изъ скаловой гривенки денегъ чеканили три рубля, то Торговая Книга подчеркиваетъ, что эти рубли — московскіе, и беретъ ихъ основаніемъ для своихъ перечисленій. О гривенкѣ малой Торговая Книга говоритъ, что она *денгами вѣситъ* три рубля, а фунтъ *денгами вѣситъ* 6 рублей. «Берковецъ 10 пудъ, а денгами московскими вѣситъ 2400 рублей, вощаная четверть денгами вѣситъ 2880» рублей (если фунтъ вѣситъ 6 рублей, то пудъ — 240 рублей). Такъ какъ малая гривенка или 48 золотниковъ вѣситъ денгами 3 рубля, то одинъ рубль или 200 денегъ вѣсятъ 16 золотниковъ и, такъ какъ 6 денегъ составляютъ алтынъ, а потому рубль или 200 денегъ составляютъ $^{200}/_{6}=33$ алтына и 2 денги, а золотникъ составляетъ $^{1}/_{16}$ этой суммы или 2 алтына съ полденгою, какъ показываетъ и Книга сошного письма 7137 (1629) года [1]). Такъ какъ въ золотникѣ 25 почекъ, а денгами онъ вѣситъ $12^{1}/_{2}$ денегъ, то «почка тянетъ полушку» или полденги.

Выраженіе вѣса въ денежныхъ единицахъ не составляетъ древнерусской особенности, а встрѣчается у всѣхъ народовъ въ ранніе періоды ихъ исторіи. Такъ въ Англіи въ XIII столѣтіи въ Assisae panis et cerevisiae вѣсъ хлѣба еще выражается въ ливрахъ, шиллингахъ и пенсахъ. Но въ XVI и XVII ст. едва ли гдѣ либо, кромѣ древней Россіи, выраженіе вѣса въ денежныхъ единицахъ въ Европѣ еще было въ употребленіи.

Если монеты 1535—1620 гг. доказываютъ, что скаловая гривенка представляетъ вѣсъ нынѣшнихъ нашихъ 48 золотниковъ или нынѣшняго нашего полуфунта, то одновременно доказано, что всѣ древнерусскія вѣсовыя единицы, о которыхъ съ такою полнотою намъ говоритъ Торговая

---

1) $^{1}/_{16}$ (33 алт. + 2 ден.) $= {}^{33}/_{16}$ алт. $+ {}^{2}/_{16}$ денги $= 2$ алт. $+ ({}^{6}/_{16} + {}^{2}/_{16})$ денги $= 2$ алт. $+ {}^{1}/_{2}$ денги $= 12{}^{1}/_{2}$ денегъ.

Книга, имѣютъ одинаковое значеніе съ нынѣшнимъ вѣсомъ, въ которомъ онѣ являются лишь въ упрощенномъ видѣ главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что въ нынѣшней нашей системѣ вѣсовыхъ единицъ полуфунтовая единица или малая гривенка въ 48 золотниковъ потеряла значеніе *самостоятельной* единицы, а также вслѣдствіе того, что десятичная форма берковца окончательно вытѣснила соперничавшую съ нимъ древнюю 12-ричную форму вощаной четверти; излишнимъ оказался и бухарскій ансырь въ $^4/_3$ фунта или 128 золотниковъ. Но вмѣсто раздѣленія золотника на 25 почекъ мы теперь имѣемъ его раздѣленіе на 96 долей.

Независимо отъ монетъ, чеканившихся по 3 московскихъ рубля изъ скаловой гривенки, мы имѣемъ еще нѣкоторыя другія указанія, подтверждающія одинаковость вѣса XVI в. съ нынѣшнимъ. Такъ Никоновская лѣтопись подъ 1558 г. сообщаетъ, что передъ Ливонскою войною при переговорахъ окольничаго Адашева съ посольствомъ магистра рѣшено было, чтобъ «дати за прошлые залоги и за нынѣшней подъемъ полпятьдесятъ тысячъ ефимковъ, а московская 18000 рублей». Здѣсь уравниваются 45000 ефимковъ и 18000 рублей, т. е. на рубль приходится $2^1/_2$ ефимка, слѣдовательно, на малую гривенку, изъ которой чеканилось 3 рубля, приходилось $3 \times 2^1/_2 = 7^1/_2$ ефимковъ, а на фунтъ 15 ефимковъ. Если фунтъ XVI в. былъ одинаковъ съ нынѣшнимъ, то это должно дать возможность опредѣлить вѣсъ ефимка такъ, чтобъ онъ совпадалъ съ вѣсомъ талера той эпохи, переведеннымъ въ нынѣшній русскій вѣсъ. То есть: если фунтъ XVI вѣка и нынѣшній русскій были одинаковы и, слѣдовательно, составляли 9216 долей, то частное, получаемое отъ раздѣленія этого вѣса на 15 (число ефимковъ), или $9216 : 15 = 614^2/_3$ долей, должно совпадать съ вѣсомъ талера той эпохи, вычисленнымъ на нынѣшній русскій вѣсъ. Какъ извѣстно [1]), чеканка крупной серебряной монеты талернаго типа въ Германіи начата была эрцгерцогомъ Сигизмундомъ Австрійскимъ въ 1484 г. по 8 штукъ изъ Кельнской марки чистаго серебра; но лишь въ 1517 г. началась въ Богеміи въ Іоахимсталѣ чеканка тѣхъ монетъ, которыя по имени мѣста чеканки начали сокращенно называться въ Германіи талерами, а въ Россіи ефимками. Эти монеты чеканились уже не изъ чистаго серебра, а изъ лигатуры, въ которой на 16 лотовъ Кельнской марки шло чистаго серебра 15 лотовъ; поэтому на марку чистаго серебра ихъ шло уже $^{16}/_{15} \times 8 = 8^8/_{15}$. Въ такомъ видѣ талсры чеканились въ первую половину XVI в. не только въ Богеміи, но также въ Гамбургѣ и Любекѣ, а такъ какъ вѣсъ Кельнской марки состав-

1) Praun, Gründliche Nachricht v. d. Münzwesen insgemein, 3 Aufl., Leip. 1784, Cap. IV.

лялъ 5262 доли, то содержаніе чистаго серебра въ талерѣ составляло $5262 : 8^{8}/_{15} = 616^{5}/_{8}$ долей. Сравнивъ это число съ выведеннымъ выше числомъ, выражающимъ вѣсъ ефимка, какъ $^{1}/_{15}$ части фунта (на основаніи равенства, что 1 рубль $= 2^{1}/_{2}$ ефимкамъ $= ^{1}/_{6}$ фунта), мы видимъ, что оба числа тоже вполнѣ совпадаютъ. Изъ этого совпаденія мы должны заключить двоякое: 1) что совѣтники Грознаго довольно точно знали содержаніе чистаго серебра въ ефимкѣ и 2) что вѣсъ, на основаніи котораго выведено отношеніе между талеромъ и рублемъ второй половины XVI в., — тотъ же вѣсъ, который у насъ сохраняется до нынѣ.

Такимъ образомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что фунтъ XVI вѣка тождественъ съ нынѣшнимъ нашимъ фунтомъ, а малая гривенка тождественна съ нынѣшнимъ нашимъ полуфунтомъ. А такъ какъ фунтъ въ XVI в., какъ и въ настоящее время, состоялъ изъ 96 золотниковъ, а малая гривенка подобно нашему полуфунту состояла изъ 48 золотниковъ, то на основаніи математической аксіомы, что когда цѣлыя равны, то и одинаковыя ихъ части тоже неминуемо равны — мы можемъ имѣть математическую увѣренность въ томъ, что золотникъ XVI в. тождественъ съ золотникомъ слѣдующихъ столѣтій и нашего времени.

Конечно, не излишне имѣть подтвержденіе показаній Торговой Книги о вѣсовыхъ и денежныхъ единицахъ, подобно тому, какъ лѣтописное извѣстіе 1558 г. о равенствѣ рубля $2^{1}/_{2}$ ефимкамъ даетъ намъ возможность подтвердить вѣсомъ иностранной монеты то заключеніе, которое мы первоначально вывели изъ вѣса русской монеты, чеканившейся по распоряженію 1535 г.

Подтвержденія правильности приведенныхъ показаній о вѣсовыхъ и денежныхъ единицахъ можно привести въ совершенно достаточномъ числѣ. Что пудъ состоялъ изъ 40 фунтовъ или большихъ гривенокъ, а большая гривенка состояла изъ двухъ малыхъ гривенокъ, что большая и малая гривенка состояла изъ золотниковъ и что вѣсъ предметовъ выражался въ гривенкахъ и золотникахъ, — на это указываютъ очень многіе изъ дошедшихъ до насъ документовъ, какъ публичнаго, такъ и частнаго характера.

Всего важнѣе изъ этихъ подтвержденій то, которое намъ наглядно показываетъ, что пудъ въ XVI в., какъ въ наши дни, состоялъ изъ 40 фунтовъ или большихъ гривенокъ. Это подтвержденіе даетъ намъ Разрядный и розметный списки о сборѣ съ Новгорода и съ Новгородскихъ пятинъ ратныхъ людей и пороха по случаю Казанскаго похода. Въ этомъ документѣ 1545 г. устанавливается, между прочимъ, «на пищаль по 12 гривенокъ безмѣнныхъ зелья, да по 12 гривенокъ безмѣнныхъ же свинцу на ядра»;

при этомъ полагается собирать съ 20 дворовъ пудъ зелья. Эти безмѣнныя гривенки — тѣ же большія гривенки, которыхъ идетъ 40 на пудъ. Нашъ документъ это совершенно ясно показываетъ, допуская замѣну натуральной повинности — поставки зелья — денежнымъ платежемъ; для этого устанавляется: «впредь зелья съ дворовъ государь имати не велѣлъ, а велѣлъ имати съ 20 дворовъ за пудъ зелья по 2 рубля и по 10 алтынъ, со двора за двѣ гривенки по 4 алтына безъ деньги». Такъ какъ въ рублѣ было 200 денегъ, а въ алтынѣ 6 денегъ, то два рубля и 10 алтынъ съ 20 дворовъ за пудъ зелья составляли $2 \times 200 + 10 \times 6 = 460$ денегъ, а взимаемые съ каждаго изъ 20 дворовъ за 2 гривенки 4 алтына безъ деньги составляли $4 \times 6 - 1 = 23$ деньги. Если за 2 гривенки зелья взимали 23 денги, то за 1 гривенку взимали вдвое менѣе или $11\frac{1}{2}$ денги. Такимъ образомъ за пудъ зелья взимали 460 денегъ, а за 1 гривенку $11\frac{1}{2}$ денги; отсюда мы получаемъ возможность въ точности узнать, сколько на пудъ шло гривенокъ посредствомъ раздѣленія 460 на $11\frac{1}{2}$. Дѣленіе 460 на $11\frac{1}{2}$ даетъ въ частномъ ровно 40, то есть гривенокъ безмѣнныхъ шло на пудъ 40, какъ 40 большихъ гривенокъ шло на пудъ по Торговой Книгѣ и какъ 40 фунтовъ на пудъ идетъ у насъ до сихъ поръ. Очевидно, что счетъ фунтовъ *сороками* для образованія пуда — очень древній счетъ, когда счетъ сороками у насъ былъ въ большемъ употребленіи, чѣмъ нынѣ; а что о пудѣ въ памятникахъ нашей древней письменности упоминается уже очень рано, хорошо извѣстно всякому, занимавшемуся означенными памятниками.

До насъ дошли относящіяся къ 1584 г. большіе отрывки изъ Расходной книги объ отпускѣ изъ казеннаго двора вещей по царскимъ указамъ: въ этихъ записяхъ мы на каждомъ шагу встрѣчаемся съ упоминаніями о пудѣ, о большой и малой гривенкѣ и о золотникѣ. Обширный матеріалъ этого же рода даютъ напечатанные въ Актахъ, относящихся до юрид. быта древней Россіи, отрывки изъ Книги Денежнаго Двора. До насъ дошло также достаточно духовныхъ завѣщаній и закладныхъ, въ которыхъ упоминаются вещи съ указаніемъ ихъ вѣса въ гривенкахъ и золотникахъ. Такъ какъ они общеизвѣстны, то достаточно ссылки на нихъ, чтобъ напомнить, какъ многократно подтверждаются свѣдѣнія Торговой Книги о вѣсовыхъ единицахъ.

Что касается приведенныхъ выше свѣдѣній той же Торговой Книги о денежныхъ единицахъ, строившихся на почвѣ вѣсовыхъ единицъ, то они подтверждаются еще болѣе многочисленными свѣдѣніями, до насъ дошедшими и содержащими въ себѣ упоминанія о денежныхъ суммахъ. Въ сущности, каждый случай упоминанія этого рода содержитъ такое подтвержденіе. Такъ, мы только что приводили изъ документа 1545 г., что тогда

вмѣсто пуда пороха съ 20 дворовъ взималось два рубля 10 алтынъ, а съ каждаго изъ этихъ 20 дворовъ по 4 алтына безъ денги. Здѣсь вторая сумма составляетъ $^1/_{20}$ часть первой суммы. И это вполнѣ соотвѣтствуетъ показанію Торговой Книги, что рубль содержалъ 200 денегъ, а алтынъ содержалъ 6 денегъ; потому что въ такомъ случаѣ 20 рублей 10 алтынъ составляютъ 460 денегъ, а 4 алтына безъ денги составляютъ 23 денги, которыя дѣйствительно составляютъ $^1/_{20}$ 460 денегъ. Въ видѣ другого примѣра, подтверждающаго показанія Торговой Книги о системѣ денежныхъ единицъ, укажемъ на приведенное уже тоже извѣстіе изъ Софіевскаго Временника подъ 1535 г., что съ этого года чеканили изъ скаловой гривенки 300 новгородскихъ денегъ, а по московскому счету три рубля; до этого же года при великомъ князѣ Василіи Іоанновичѣ изъ той же скаловой гривенки чеканили 260 новгородскихъ денегъ, а по московскому счету $2^1/_2$ рубля съ гривною. Если 300 новгородскихъ денегъ составляли по московскому счету три рубля, то очевидно на московскій рубль шло сто новгородскихъ денегъ, а если 260 новгородскихъ денегъ составляли по московскому счету $2^1/_2$ рубля съ гривною, то ясно, что на московскій рубль шло 100 новгородскихъ денегъ, на московскую полтину шло 50 новгородскихъ денегъ, а на московскую гривну шло десять новгородскихъ денегъ. Эти примѣры имѣютъ существенное значеніе для дальнѣйшаго нашего изложенія, показывая, что если Торговая Книга въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в. опредѣляла московскій рубль считая его въ 100 новгородскихъ денегъ, то по показанію лѣтописи этотъ счетъ имѣлъ практическое значеніе во все продолженіе XVI столѣтія, всегда оставаясь въ составѣ основаній, на которыхъ чеканилась монета, какъ при Василіи Іоанновичѣ, такъ и при Грозномъ, и при его преемникахъ. Но Торговая Книга опредѣляетъ московскій рубль, алтынъ и гривну и еще иначе: исходя изъ того, что новгородская деньга равнялась двумъ московскимъ денгамъ; поэтому московскій рубль равнялся 200 московскимъ денгамъ, алтынъ = 6 московскимъ денгамъ, а московская гривна равнялась 20 московскимъ денгамъ. И это подтверждается очень многими дошедшими до насъ свѣдѣніями о денежныхъ суммахъ. Напримѣръ, въ царской грамотѣ двинскимъ таможеннымъ цѣловальникамъ 29 марта 1588 г. говорится, между прочимъ, что съ 1000 пудовъ взимать по 2 рубля и по 2 гривны, а съ 100 пудовъ по 7 алтынъ и по 2 деньги. Здѣсь вторая сумма составляетъ $^1/_{10}$ первой суммы и дѣйствительно — 2 рубля и 2 гривны составляютъ $2 \times 200 + 2 \times 20 = 440$ денегъ, а 7 алтынъ и 2 денги составляютъ $7 \times 6 + 2 = 44$ денги или десятую часть 440. Въ одной платежной 1588 года показывается: ямскихъ денегъ 8 рублевъ и 25 алтынъ, да полоняничныхъ денегъ 29 алтынъ съ денгою и обоего ямскихъ и поло-

няничныхъ денегъ 9 рублевъ 20 алтынъ и 5 денегъ [1]). Эти примѣры не трудно увеличить.

На основаніи всего изложеннаго мы имѣемъ полное право заключить, что за время съ начала XVI в. или съ царствованія Василія Іоанновича до насъ дошло достаточно и письменныхъ документовъ, и монетъ, чтобы мы по нимъ могли имѣть достаточно ясное представленіе, какъ о денежной системѣ и о системѣ вѣсовыхъ единицъ, на которыхъ она строилась, такъ и о томъ, чтобы считать это вѣсовое основаніе чеканившихся монетъ совершенно тождественнымъ съ тѣмъ вѣсомъ, на почвѣ котораго чеканка русскихъ монетъ производится у насъ до нашихъ дней.

III.

Отодвигаясь назадъ, чтобы перейти ко второй части нашего сообщенія, намъ теперь придется сосредоточить вниманіе на извѣстіяхъ, относящихся къ XV и XIV ст., т. е. на времени, когда въ нашей денежной системѣ происходитъ коренной и глубокій переворотъ.—Еще въ началѣ XIV в. мы встрѣчаемся съ извѣстіями о суммахъ, выраженныхъ въ гривнахъ серебра и гривнахъ кунъ, т. е. такъ, какъ денежныя суммы выражались въ XIII и XII столѣтіяхъ [2]). И нѣкоторымъ образомъ вдругъ, въ началѣ 1320-хъ годовъ, появляется рубль, просто, или рубль серебра, а «гривна серебра» и «гривна кунъ» *совершенно исчезаютъ* и въ русскихъ, новгородскихъ и низовыхъ, документахъ съ этого времени уже *никогда не упоминаются*. Если изрѣдка мы въ XIV ст. еще встрѣчаемся со старою гривною, то лишь въ западно-русскихъ земляхъ, примкнувшихъ къ Литвѣ. Въ коренныхъ же русскихъ земляхъ вмѣстѣ съ рублемъ является «новая гривна», которая отличается очень сильно отъ гривны XIII, XII и болѣе раннихъ столѣтій. Эта старая гривна была всегда *главною* и *самою крупною* денежною единицею. И какъ таковую, въ этой роли главной и самой крупной денежной единицы

1) Руб. 8×20=1600 д.
Алт. 25× 6= 150 »
Алт. 29× 6= 174 »
Съ денгою 1 »
Денегъ 1925

руб. 9×200=1800 ден.
алт. 20× 6= 120 »
ден. 5 »
денегъ 1925

2) «Заратися вел. князь Михайло Ярославичъ съ Новгородомъ и обиліе въ Новгородъ не пусти... и иде Владыко Давыдъ во Тверь и кончавъ миръ на $1^1/_2$ тысящахъ гривенъ серебра» (Воскр. подъ 1312 г.) П. С. Р. Л., VII 186; въ Новгор. синод. харат., стр. 314 безъ суммы; въ 4-й Новгородской «$1^1/_2$ тысящи серебра» П. С. Р. Л. IV 48. «Изби мразъ жито и бысть дороговь люта, по 5 гривенъ (кунъ) зобница». Первая Псковская подъ 1314 г. (П. С. Р. Л. IV, 184). «Поиде князь Михайло со всею низовьскою землею и съ татары къ Торжку... докончаша 5 темъ гривенъ серебра». Новгор. синод. харат. подъ 1315 г., стр. 316. С. Г. Г. и Д. I, № 12. Въ Никоновской же сказано «5000 *гривенокъ* серебра» (П. С. Р. Л., X, 179).

ее и замѣняетъ около конца первой четверти XIV в. рубль. А «новая» гривна главнымъ образомъ отличается тѣмъ, что она составляетъ *часть рубля* и этимъ становится прародителемъ нашего гривенника. Новая гривна не сразу является *десятою* частью рубля и по всѣмъ вѣроятностямъ именно десятою частью рубля становится только черезъ столѣтіе, да и то лишь въ низовыхъ земляхъ и главнымъ образомъ въ Москвѣ. Въ Новгородѣ же новая гривна никогда не была и не сдѣлалась десятою частью рубля.

Въ теченіе того же XIV ст. русское населеніе окончательно усваиваетъ себѣ татарскій денежный счетъ на денги и алтыны, въ которыхъ выражаются уже всякія цѣны, податные оклады и княжескіе сборы. Наконецъ съ конца XIV ст., послѣ Куликовской битвы, начинается чеканка русской денги, сначала лишь въ низовыхъ земляхъ и только съ 1420 г. къ ней приступаютъ и Новгородъ со Псковомъ. Въ XV столѣтіи съ ходомъ чеканки монеты въ Москвѣ и Новгородѣ связываются событія, сильно раздѣляющія денежныя системы Новгорода и Москвы и чрезвычайно усложняющія задачи ихъ изученія.

Хотя наша нумизматика съ тѣхъ поръ, какъ она подъ вліяніемъ Черткова стала на критическую почву и приняла научный характеръ, изучала и до сихъ поръ продолжаетъ изучать главнымъ образомъ денгу XIV и XV вв., однако, она до настоящаго времени еще не перешла отъ изученія денги къ изученію денежныхъ системъ, на пей строившихся, и никогда еще не пыталась перейти къ вопросу о *связи* между *рублемъ* XIV и XV ст. и *денгою* этихъ столѣтій, или о связи между рублемъ и денгою съ одной стороны и *вѣсомъ* XIV и XV ст. съ другой. Къ этимъ вопросамъ очень трудно подступить особенно потому, что связь между ними и тѣми свѣдѣніями и данными, которыя до насъ дошли о XVI столѣтіи, не принадлежатъ къ числу явныхъ и видимыхъ, а сама требуетъ изысканій для приведенія ея въ извѣстность. Какъ разъ наиважнѣйшія изъ означенныхъ свѣдѣній и данныхъ оказываются неполными и сбивчивыми именно тою своею стороною, которою они должны были освѣщать не только эпоху, которой они принадлежатъ, и время, за нею слѣдовавшее, но и періодъ, ей предшествовавшій.

Единственное, болѣе пространное лѣтописное извѣстіе 1535 г. о чеканкѣ монеты изъ скаловой гривенки далеко не отличается полнотою и ясностью, какъ о немъ принято думать. Это извѣстіе состоитъ изъ двухъ частей, одинаково возбуждающихъ недоумѣніе. Въ первой части оно содержитъ опредѣленіе о чеканкѣ изъ скаловой гривенки «300 денегъ новгородскихъ, а въ московское дѣло 3 рубля московская». Очевидно, что смыслъ этого опредѣленія заключается въ томъ, что изъ скаловой гривенки чеканили не

одинъ сортъ или родъ монеты, а напротивъ монеты *двоякаго рода*: чеканились новгородскія денги или новгородки и ихъ чеканили 300 штукъ изъ скаловой гривенки; но составляли-ли эти новгородскія денги особые новгородскіе рубли и сколько именно ихъ шло на каждый новгородскій рубль, этого наше лѣтописное извѣстіе не раскрываетъ. Съ другой стороны упоминаются московскіе рубли, о которыхъ доподлинно извѣстно, что ихъ въ XVI ст. не чеканили и на три московскіе рубля могли чеканиться только московскія денги или московки. Но сколько этихъ московокъ шло на московскій рубль, объ этомъ наше извѣстіе тоже умалчиваетъ. Указываемою неполнотою и неясностью отличается также извѣстіе лѣтописи о чеканкѣ монеты при отцѣ Грознаго, при великомъ князѣ Василіи Ивановичѣ: и тогда чеканили изъ скаловой гривенки 260 новгородскихъ денегъ, а въ московское число полтретья рубля съ гривною. Конечно, наше толкованіе разбираемаго извѣстія лѣтописи о чеканкѣ монеты при Грозномъ и его отцѣ изъ скаловой гривенки не одного сорта монеты, а двухъ сортовъ, новгородской денги и московской — не единственно возможное толкованіе. Возможно толкованіе разсматриваемаго извѣстія и въ иномъ смыслѣ: что такъ какъ совершенно ясно говорится только о чеканкѣ новгородскихъ денегъ, а московскіе рубли и московская гривна упоминаются только для перечисленія новгородской монеты на московскій денежный счетъ, то значитъ, что чеканился только одинъ сортъ монеты въ видѣ новгородскихъ денегъ, а московскія денги совсѣмъ не чеканились ни при отцѣ Грознаго, ни при Грозномъ, а слѣдовательно и послѣ него. Конечно это очень странно, такъ какъ московское правительство въ XVI ст. только окончательно доконало Новгородъ, и очень трудно допустить, чтобы чеканка московской денги въ теченіе всего XVI ст. совсѣмъ уже не происходила, т. е., что она прекратилась уже до него, слѣдовательно по меньшей мѣрѣ уже въ XV ст.

Но неясность присуща и другой части лѣтописнаго извѣстія, въ которомъ разсказывается, что «при великомъ князѣ Василіи Ивановичѣ бысть знамя на денгахъ — князь великій на конѣ, а имѣя въ рукѣ мечъ; а князь великій Иванъ Василіевичъ учини знамя на денгахъ — князь великій на конѣ, а имѣя копье въ рукѣ». Спрашивается: должно ли понимать это извѣстіе въ томъ смыслѣ, что съ 1535 г. чеканились *только копейныя* денги или копѣйки, а чеканка мечевыхъ денегъ или денги (въ отличіе отъ копѣйки) *совсѣмъ прекратилась*, или извѣстіе лѣтописи слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что съ 1535 г. существовали уже *два различныхъ рисунка* для копейныхъ и мечевыхъ денегъ, для копѣйки и денги, чеканка же *продолжалась* и тѣхъ, и другихъ. Трудно сказать, чтобъ на этотъ вопросъ существовалъ установившійся взглядъ.

До насъ, однако, дошли отъ времени Грознаго и Ѳедора Іоанновича мечевыя деньги, которыя и изображеніемъ на нихъ, и вѣсомъ ихъ, вдвое меньшимъ, нежели копейныя деньги, совершенно категорически рѣшаютъ поставленные вопросы въ томъ смыслѣ толкованія, что и послѣ 1535 г., какъ до этого, чеканились *два* сорта монеты, *два вида денги*, которые съ 1535 г. отличались и рисункомъ на нихъ. Что копѣйки Грознаго и Ѳедора Іоанновича вдвое тяжелѣе, чѣмъ мечевыя денги этихъ же царствованій, это — фактъ хорошо извѣстный нумизматамъ. Но ни лѣтописи, ни иные документы, до насъ дошедшіе, государственные и частные, въ XVI ст. совсѣмъ не знаютъ слова копѣйка и имъ даже послѣ 1535 г. еще совершенно чуждо обозначеніе денги по ея рисунку, какъ копейной или мечевой. Памятники нашей письменности знаютъ только различіе между новгородской денгой и московской денгою. Даже въ XVII ст. это продолжается еще очень долго и лишь въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича, когда копѣйки превратились въ «копѣячки», наконецъ встрѣчается слово копѣйка. Такъ какъ изъ Торговой книги мы категорически знаемъ, что новгородская денга равнялась 2 московскимъ денгамъ и это подтверждается извѣстіемъ о чеканкѣ изъ гривенки 300 новгородскихъ денегъ, равныхъ 3 московскимъ рублямъ, слѣдовательно по 100 новгородокъ въ рублѣ, когда по многочисленнымъ другимъ указаніямъ въ томъ же московскомъ рублѣ считалось 200 московскихъ денегъ,— то изъ этого ясно, что новгородская денга тождественна съ копейною денгою или копѣйкою, а московская была тождественна съ тою денгою, которая съ 1535 г. принадлежала къ категоріи мечевыхъ денегъ.

Два вида денги предполагаютъ два денежныхъ счета, которые строятся на этихъ видахъ. Если бы дѣйствительно оказалось, что существовали два различныхъ денежныхъ счета, имѣвшіе основаніемъ различіе между новгородскимъ и московскимъ рублемъ, между новгородской и московскою гривною, между новгородскою и московскою денгою,— если бы можно было доказать, что эти два различныхъ счета имѣли обширное распространеніе какъ въ XVI, такъ и въ XV ст., то очевидно было бы, что явленія XVI ст. были продолженіемъ явленій XV в. и мы имѣли бы хоть какое нибудь указаніе, въ какомъ направленіи слѣдуетъ вести изысканія, чтобъ выяснить денежную систему XV и XIV вв., а чрезъ нее и вѣсъ, на которомъ она держалась.

Но о томъ, что въ XVI и XV ст. два денежныхъ счета, новгородскій и московскій, были *очень* распространены, не можетъ быть никакого спора: мы имѣемъ объ этомъ *многочисленныя* свидѣтельства.

Мы приведемъ ихъ здѣсь, образовавъ изъ нихъ двѣ группы: одну группу

БИБЛІОТЕКА КІЕВСКІЙ АКАДЕМІИ

мы образуемъ изъ показаній, удостовѣряющихъ употребленіе московскаго денежнаго счета, какъ требующаго *особаго его обозначенія* именно московскимъ, отличаемымъ отъ иного, не-московскаго. Другую группу мы образуемъ изъ такихъ же показаній, относящихся къ новгородскому денежному счету.

Самое раннее извѣстіе разсматриваемаго рода относится къ 1468 г. и содержится въ жалованной грамотѣ бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича Кириллову монастырю о сборѣ съ крестьянъ дани серебромъ. Въ этой грамотѣ, между прочимъ, говорится: ...«далъ есмь сію грамоту оброчную, что давати имъ дани въ мою казну на годъ по 10 рублевъ *пятигривенныхъ серебромъ*, а привозятъ то серебро сами»[1]). — Въ заемной и закладной, относящейся къ 1483 г., находимъ однородное обозначеніе денегъ: «Се язъ Наумъ да Онцыфыръ Негодяевы дѣти заняли есмя у Гаврила у Петрова сына Димкова 12 рублевъ *московскимъ* серебромъ *ходячимъ*»[2]). — Въ другой закладной на землю, 1491 года, говорится: «Се язъ Михайло Васильевъ занялъ есми у Никифора у Перхутьева 20 алтынъ *денегъ московскихъ*»[3]). — Еще въ одной закладной на пустошь, относимой къ XV в., говорится: «Се язъ Васюкъ Нога Есипова сынъ занялъ есми оу Троцкаго старца оу Геронтія Сергѣева монастыря *два рубля съ четвертью московскими денгами ходячими по пяти гривенъ за полтину*»[4]). — Въ закладной на рыбную ловлю 1501—1502 г. обязательство выражено такъ: «Се язъ, Окулъ Жукъ, княжъ Ивановъ слуга Семеновича занялъ есмь у архимандрита Воскресенскаго Череповскаго монастыря у Арсенья рубль денегъ *московскими денгами ходячими по пяти гривенъ полтина* на годъ»[5]). — Въ уставной грамотѣ, которую въ 1506 г. Василій Іоанновичъ далъ крестьянамъ Артемоновскаго стана Марининской трети, между прочимъ, установляется: «а кто въ той волости купитъ лошадь, или продастъ или мѣнитъ, и они явлютъ волостелю или его пятенщику, а онъ у нихъ коня пятнитъ, а отъ пятня емлетъ съ лошади съ купца *денгу московскую*, а и съ продавца *денгу жъ московскую*... А кто не явитъ волостелю... и онъ уличивъ возметъ на немъ заповѣди и пропятени *два рубли московскіе*»[6]). — Въ уставной грамотѣ, данной въ 1509 г. Юріемъ Іоанновичемъ Каменскаго стана бобровникамъ, постановляется: «а самосуда у нихъ емлетъ ловчей мой два *рубля московскіе*»[7]). — Въ купчей, со-

---

1) Доп. А. И., I, № 201, стр. 354.

2) А. Ю., № 233, стр. 260.

3) Сборникъ Муханова, 2-е изд., № 273, стр. 564.

4) Акты, относящіеся до юрид. быта (мы ихъ цитируемъ далѣе подъ буквами А. Ю. Б), т. II, № 126, III, столб. 5.

5) А. Ю. Б., т. II, № 126.

6) А. А. Э., I, № 144, стр. 117.

7) Тамъ-же, I, № 150, стр. 121.

стоявшейся 19 октября 1510 г., удостовѣряется: «купилъ Семенъ Васильевъ сынъ Сеславина Васюка гридина сына Ноугородца собѣ и своимъ дѣтемъ въ полницу, а далъ на немъ *рубль московской*. Отъ в. к. Василья Ивановича всея Руси тамгу и осьминичее взяли таможницы» [1]). — Въ жалованной грамотѣ Василія Іоанновича Троицкому Сергіеву монастырю 1517 г., между прочимъ, читаемъ: «и они съ тѣхъ дворовъ даютъ волостелю Соли Переяковскіе корму въ годъ на три праздника: на Рождество Христово съ двора *денгу московскую*, на Великъ день тоже, а на Петровъ день денгу же *московскую*... А пятна имъ давати съ купца денга *московская*, а съ продавца денга же *московская*» [2]). — Въ купчей, состоявшейся 23 апрѣля 1526 г., говорится: «Купилъ Ондрѣй Ивановъ сынъ Пустошкинъ Власка Пятрикѣева сына Волосана новгородца, далъ на немъ полчетверта рубли *московскую*» [3]). Въ заемной и закладной, относящейся къ 1529 г., говорится: «се язъ Власъ Никитинъ да съ своими людми, съ Ивашкомъ... да съ Онцыфиромъ, заняли есмя у Дементія... у Кириловскаго слуги, четыре рубли *московскими ходячими*» [4]). — Въ уставной грамотѣ, данной въ 1530 г. крестьянамъ Моревской слободы, между прочимъ, читаемъ: «а хоженого емлютъ слободчики *денгу московскую*, а ѣзду на версту *денга московская* ...а корчемъ имъ у собя не держати... заповѣди рубль *московской*» [5]). — Въ Софійской лѣтописи подъ 1535 г. разсказывается, что «государь великій князь Иванъ Васильевичъ и мати его, благовѣрная княгиня Елена, прислали къ архіепископу Великаго Новгорода и Пскова... въ своей архіепископіи со всѣхъ монастырей собрати 700 рублевъ *московскихъ* на выкупъ плѣнныхъ» [6]). — Въ одной докладной грамотѣ, относящейся къ 1536 г., читаемъ: «Купилъ Олферка Буяшка Иванова сына Хабарова, а взялъ на себя 10 рублевъ *московскую*, а дался за тѣ денги въ сельцо на ключъ и по ключю въ холопи» [7]). — Въ заемной и закладной 1537 г. читаемъ: «се язъ Осуня, да язъ Володя, да язъ Степанъ... занялъ есми у Кириловскаго прикащика... четыре рубля *московскихъ денегъ ходячихъ*» [8]). — Въ грамотѣ, данной въ 1543 г. даньщику и крючьникамъ на Волгѣ, между прочимъ, говорится: «и ты бы даньщикъ нашъ Важской давалъ милостыни игумену Герасиму съ братьею, 30 старцамъ, *по гривнѣ по московской* изъ нашея

---

1) Арх. ист.-юрид. свѣд. Калачева, 1855, II, 1, второе отд., стр. 35.
2) А. А. Э., I, № 164, стр. 134.
3) Арх. ист.-юрид. свѣд. 1855, II, 1, втор. отд., стр. 34, № 3.
4) А. Ю., № 237, стр. 261—262.
5) Доп. къ А. И., I, № 26, стр. 24, 25.
6) П. С. Р. Л., VI, 294.
7) Арх. ист.-юрид. свѣд. Калачева, 1855, II, 1, втор. отд., стр. 32.
8) А. Ю., № 238, стр. 262.

дани»[1]). — Во второй новгородской лѣтописи подъ 1544 г. разсказывается: «бысть хлѣбъ дорогъ: четверть ржи *по гривнѣ московской*»[2]). Въ указѣ Ивана Грознаго 1546 г. въ Новгородъ, между прочимъ, требуется: «взяти денегъ 107 рублевъ и 28 алтынъ *въ московское число*... рубль и 9 алтынъ безъ денги *въ московское число*»[3]). Въ отпискѣ 1547 г. о богомоленіи за государя по случаю казанскаго похода говорится: «всего есмя послали къ вамъ въ монастырь семъ рублевъ и 8 денегъ *въ московское число*»[4]). — Въ уставной грамотѣ отчины Соловецкаго монастыря отъ 17 августа 1548 г. установляется: «какъ у нихъ быти старцу приказчику, да старцу келарю, да слузѣ нашему доводчику... Давати имъ приказчику съ житейскихъ дворовъ и тяглыхъ съ 20 луковъ, за кѣмъ сколько угодья по розщету, съ лука приказщику *по 4 денги московскую*, да келарю *по денгѣ по московской*, а доводчику *по 2 денги по московской же*. А съ бобылей съ тѣхъ имати приказщику *по 2 денги по московскую*, а келарю по полдензѣ, а доводчику *по дензѣ по московской*... Отъ поруки не давати ничего, развѣ хоженого *двѣ московки* на виноватомъ, какъ дѣло минется... А случится судъ предъ приказщикомъ и приказщику имати пошлина ссудная съ рубля по 10 денегъ *по московскую*. ...Ссаднаго *денга московская*... А пріидетъ каковъ казакъ незнаемъ, и у коего человѣка станетъ жить и тому человѣку съ нимъ идти къ приказщику и къ доводчику да его явити, а явку прикащику дати 2 *московки*, а доводчику *московка*... А кои крестьяне во всѣхъ нашихъ волостяхъ или казаки станутъ межъ собя или съ прохожими казаки зернью играти, и прикащику того доведши, кто играетъ, да на немъ взяти велѣти на монастырь пошлина, а приказщику 10 алтынъ, а доводчику 2 *гривны московскія* да его выбыти изъ волости вонъ»[5]). — Въ заемной 1550 г. читаемъ: «язъ Ѳедоръ княжъ Петровъ сынъ Александровича Ухтомскаго занялъ есми у Данила у княжъ Данилова сына Ухтомскаго десять рублевъ *денегъ московскихъ* на годъ». — Въ жалованной несудимой грамотѣ, данной Каневскому монастырю въ 1554 г., читаемъ: «а коли у нихъ въ монастырѣ, въ ихъ деревняхъ, учинитца убійство, а душегубца въ лицехъ не будетъ, и они даютъ за голову *вѣры четыре рубли московскія*... А пятна намѣстникомъ нашимъ и волостелямъ ихъ и пошлинникомъ давати съ купца *по денгѣ по московской*»[6]).—Въ грамотахъ по ссуднымъ дѣламъ, относящихся къ 1555—1556 гг., встрѣчаемся съ такими упоминаніями: «Родивонко занялъ по

1) Доп. къ А. И., I, № 33, стр. 35.
2) П. С. Р. Л., III, стр. 150; Новгородскія лѣтописи изд. 1879, стр. 73.
3) А. А. Э., I, № 205, стр. 187.
4) А. А. Э., I, № 212, стр. 201.
5) А. А. Э., I, № 221, стр. 209—211.
6) Доп. къ А. И., I, № 48, стр. 67.

кабаламъ три рубли и двѣ денги *московскіе*, а Васка занялъ 15 гривенъ *новгородцкую*... а убытка или въ недочетныхъ денгахъ стало, проѣсти и волокиты, стоя на правежѣ и въ ростѣхъ 10 рублевъ съ *четвертью въ московское число*... Взяти имъ налицо жалованья престолныхъ книгъ 50 рублевъ *въ московское число*»[1]). — Въ уставной грамотѣ, данной въ 1556 г. двинянамъ, читаемъ: «Се язъ царь и в. к. Иванъ Васильевичъ всея Русіи пожаловалъ есми Двинянъ Нижные половины, посадскихъ людей Колмогорцевъ... за намѣстничье и за ихъ пошлинныхъ людей и за всякіе доходы велѣлъ есми ихъ пооброчити, давать имъ въ нашу казну въ Москвѣ съ сохи по 20 рублевъ *въ московское число* да пошлинъ по 2 алтына съ рубля... Впередъ имъ тотъ оброкъ платить одинова въ годъ съ сохи по 20 рублевъ *московскую*»...[2]). — Въ уставной грамотѣ, данной въ 1561 г. Соловецкому монастырю читаемъ: «А не лучится крестьяномъ котораго года повозу везти, ино на нихъ взяти за подводу по *4 гривны московскую* праздничныхъ кормовъ на Великъ день *2 денги московская*, а на Петровъ день также *2 денги московская*, а на Рождество Христово *4 денги московская*... съ коровы явки по московкѣ»...[3]). — Въ заемной и закладной, относящейся къ тому же 1561 г., говорится: «Се язъ князь Иванъ князь Петровъ сынъ Ухтомскаго занялъ есми у сестры своей... 30 рублевъ *денегъ московскихъ ходячихъ*»[4]). — Въ другой заемной закладной 1562 г. говорится: «Се язъ Прибылой Павловъ сынъ занялъ есми у Григорья у Иванова сына Охлебенина 14 рублевъ денегъ безъ четверти *московскихъ ходячихъ*»[5]). — Въ Орѣшковской таможенной грамотѣ отъ 1 января 1563 г. находимъ слѣдующія опредѣленія: «По цареву государеву наказу царевы діаки приказали брати на царя государя великаго князя, на вѣру, Орѣховскимъ цѣловальникомъ (такимъ то) въ городѣ въ Орѣшкѣ и въ Орѣховскомъ уѣздѣ, въ волостехъ и погостехъ, тамгу и *пудъ*, и полавочное, и поземъ, и носовое съ судовъ, и явку, и помѣръ, и оброкъ съ домницъ и съ горновъ, въ которыхъ жгутъ желѣзо. А почему (по скольку) имъ съ амбаровъ и съ домницъ и съ горновъ имати позему на годъ, данъ имъ списокъ... А явка имати таможникомъ: кто пріѣдетъ съ товаромъ торговати Новгородецъ гороцкой человѣкъ и съ того имати съ головы явки *по денгѣ по московской*, а съ товару ихъ имати тамги *съ рубля съ московскаго 4 московки*; а съ пригородныхъ людей и съ волостныхъ людей новгородцкіе земли и со псковичъ явки съ

---

1) Тамъ-же, № 51, стр. 73, 83.
2) А. А. Э., I, № 250, стр. 271.
3) А. А. Э., I, № 258, стр. 284, 285.
4) А. Ю., № 243, стр. 264.
5) Тамъ-же, № 243, стр. 264.

головы имати *по денгѣ по новгородцкой*, а съ товару съ ихъ имати *съ рубля съ московскаго 4 жъ московки*. А которые люди живутъ въ Орѣшкѣ и въ Орѣховскомъ уѣздѣ въ волостехъ и въ погостехъ и съ тѣхъ людей съ товару ихъ имати тамги *съ рубля съ московскаго по 1½ московки*. А пріѣдетъ литвинъ и всякій иноземецъ и съ тѣхъ имати явки съ головы по алтыну, а съ товару ихъ *съ рубля новгородцкаго по 7 денегъ*. А вѣсчая пошлина у московитина, у новгородца, и у тверитенина, и у смольнянина имати *съ рубля съ московскаго по 2 денги по московскую*, а за полъ гривенки перцу *5 денегъ новгородская*; а съ иноземцевъ имати съ воску съ берковска полполтины новгородская, а у иныхъ иноземцевъ, опричь нѣмчина, со всякого съ вѣсчаго товару, опричь вощаного вѣсу, имати съ берковска по 7 алтынъ (вмѣсто 18, составляющихъ полъполтину или ¼ новгородскаго рубля). А кто продастъ товаръ безъ вѣса и на томъ заповѣди *2 рубля новгородцкая*... А съ луба имъ соли съ рускіе имати по денгѣ по ноугородцкой... А повѣсочное и поземъ (а мѣра лавкѣ и анбаромъ 2 сажени) *по гривнѣ по московской*... А тамги имати у торговыхъ людей тогды, какъ они товаръ продадутъ или промѣнятъ»[1]). — Оброчная наддаточная грамота Юрьева монастыря на Усть Волховскую тоню, 1564 г., постановляетъ:... «А оброку съ тое тони по рублю на годъ, да пошлинъ 10 *московокъ*... и архимандритъ Варфоломей съ братьею наддавали надъ тѣмъ оброкомъ 2 *гривны московскую*... Келарь Аѳанасій, перекупался съ Троецкими игуменами, о тои тонѣ наддавали надъ тѣмъ оброкомъ и надъ наддачею рубль московской»[2]). — Уставная грамота Соловецкаго монастыря крестьянамъ Сумской волости отъ 1564 г. предписываетъ: «А старостѣ Сумскому волощане давали бы со всякіе товары *по московкѣ*, а кому меньше 15 лѣтъ, и тѣ бы старостѣ не давали бы ничего»[3]).—Таможенная новгородская грамота, отъ 17 марта 1571 г., содержитъ постановленія, выраженныя въ московскихъ и въ новгородскихъ денгахъ. Общимъ правиломъ она требуетъ «имати тамга *съ московскихъ рублевъ московскими денгами*». Въ частности постановляется слѣдующее. «Таможникомъ имати тамга со всякого товара съ новгородца съ городскаго человѣка *съ рубля съ московскаго по 1½ московкѣ*, а съ пригородскихъ людей новгородскіе земли и съ сельскихъ людей имати такихъ *съ московскаго рубля по 4 московки*. А кто привезетъ городской человѣкъ и окологородецъ мясо, или коровы пригонитъ, и таможникомъ имати съ стяга *по полуденгѣ по новгородской*... А кто купитъ соль изъ московскіе земли и смольнянинъ,

1) Доп. къ А. И., I, № 116, стр. 163—165:
2) А. А. Э., I, № 265, стр. 300.
3) А. А. Э., I, № 268, стр. 304.

и таможникомъ вѣсу имати у нихъ *по 2 московки съ рубля съ московскаго*... А повезетъ новгородецъ городской человѣкъ и окологородецъ изъ Новгорода воскъ, и кто ни буди, и имъ имати у таможниковъ узолки, сколько круговъ, столько узолковъ; а таможникомъ у нихъ имати съ круга *по 3 денги по новгородскую*... (И далѣе)...: съ рубля съ повгородскаго по 7 денегъ по новгородскую... съ рубля по 4 денги по московскую... протаможья рубль новгородскій»[1]) и т. д. — Во второй новгородской лѣтописи, подъ 1571 г., разсказывается, какъ владыко Леонидъ упрекалъ священниковъ. «Вы мене оболгаша великому князю; подаете челобитную въ денгахъ милостинныхъ, а вамъ достанется по пяти *московокъ*, а діакопамъ по 4 московки»[2]). Въ духовной Ивана Грознаго 1572—78 п. упоминается: «а что есми далъ королю Арцымагнусу 15500 рублевъ денегъ въ московское число»[3]). — По разсказу второй новгородской лѣтописи подъ 1572 г. тотъ же «владыко Леонидъ велѣлъ дьяковъ своихъ и пѣвчихъ поставить на правежи и велѣлъ на нихъ взяти съ головы *по полтине по московской*»[4]). — По документу 20 генваря 1575 г. «Иванъ Пятого сынъ Шербининъ взялъ у Данилы у Борисова сына Огарева и у его братьи 10 рублевъ *въ московское число* и за тѣ ему денги далъ человѣка своего Истомку Гришина сына сапожнаго мастера»[5]). — Отъ 1576 г. до насъ дошла кабала «на Тимошку Борисова сына да на его жену Ховронью Васильеву дочь да на его сына Сенку въ трехъ рублехъ московскихъ»[6]). — Въ таможенной новгородской грамотѣ отъ 15 августа 1577 г. постановляется: «кто самъ другъ въ одной лавки сидитъ, ино имати со всей лавки и съ затворы *10 денегъ московская*... А съ шеста чюпрунного, кто ставитъ у дворниковъ и кто приставитъ къ шесту чюпрунному коробью, съ того *гривна* московская»[7]).

Распоряженія по нашему предмету содержитъ и таможенная грамота 1586 объ отдачѣ на откупъ въ Новѣгородѣ намѣстнича дохода, явочной, пятенной и привязной пошлинъ. Въ этой грамотѣ, между прочимъ, постановляется: «а имати явчая и пятенная и привязная пошлина съ пріѣзжихъ людей, которые ноугородскимъ намѣстникомъ несудимы, съ москвичъ, съ тверичъ и съ смолянъ и иныхъ городовъ московскаго государства: явки съ головъ съ человѣка по 4 московки; а съ иноземцевъ, съ Литвы и съ турчанъ, съ армянъ и съ иныхъ опричь нѣмець явки съ головы

1) А. А. Э., I, № 282, стр. 324, 325.
2) П. С. Р. Л., III, стр. 165; Новгородскія лѣтописи изд. 1879 г., стр. 102.
3) Доп. къ А. И., I, № 222, стр. 385.
4) П. С. Р. Л., III, 172; Новгородскія лѣтописи изд. 1879 г., стр. 118.
5) Калачева. Арх. ист.-юрид. свѣд. 1855, II, 1, втор. отд., стр. 42, № 8.
6) Тамъ-же, стр. 52, № 13.
7) А. А. Э., I, № 298, стр. 362.

съ человѣка имати *по 2 алтына* (въ 3 раза больше). А который человѣкъ московскаго государства и Новгородскіе и Псковскіе земли и иноземецъ промытится и откупщику имати промыта *два рубля московская*... А отъ пятна тавра имати съ лошади у ноугородца у купца *денга новгородская*, а записного полденги, а у продавца *денга же новгородская*... А кто купитъ лошадь, или продастъ, или вымѣнитъ, а пятенщикомъ не явитъ и на томъ пропятенья *рубль новгородской*. А съ судовые пристани, по обѣ стороны рѣки Волхова.... съ лодьи *по полтинѣ московской*. А съ пріѣзжихъ судовъ, которые пріѣзжаютъ на время... съ лодьи *по 10 московокъ*»[1]).

Къ самому концу XVI в. относятся еще многіе документы, въ которыхъ признается необходимымъ отмѣтить, что въ нихъ идетъ рѣчь о «рублехъ московскихъ» и «московскихъ денгахъ ходячихъ»[2]). Эта необходимость, однако, видимо не исчезла еще и въ XVII ст. Въ низовыхъ земляхъ видимо сильно привыкли къ московской денгѣ (хотя ее уже почти перестали тогда чеканить: она считается нумизматическою рѣдкостью въ лучшихъ колекціяхъ) и боялись новгородскаго рубля. Поэтому въ договорахъ продолжаютъ оговаривать, что въ нихъ идетъ рѣчь о московскихъ деньгахъ или о рубляхъ денегъ московскимъ числомъ. Эту оговорку находимъ въ платежной 1603 г., въ трехъ служилыхъ договорахъ 1606, 1622 и 1636 гг., въ трехъ купчихъ 1612 и 1619 гг., во многихъ заемныхъ кабалахъ 1600 г., 1639, 1640, 1655, 1657, 1663, 1665, 1678 гг. и въ нѣсколькихъ закладныхъ 1668, 1669 и 1678 гг. Даже въ самомъ концѣ XVII вѣка, въ 1698 г., мы встрѣчаемъ купчую, въ которой говорится: «се азъ Нерчинскаго завода конной казакъ Дмитрій Васильевъ Костромитиновъ продалъ купленного своего парня мунгальской породы, молитвенное имя ему Яковъ, некрещенаго... а цѣну я Дмитрей взялъ за того парня сто рублевъ денегъ московскихъ ходячихъ»[3]).

Конечно, то, что въ московскомъ государствѣ населеніе считало необходимымъ обезпечивать свой интересъ, точно указывая денежный счетъ, которымъ оно пользовалось, доказываетъ, что употребляться могъ не одинъ только московскій денежный счетъ. Въ обращеніи находились очень различныя «денги»: московскія, тверскія, новгородскія, псковскія и разныхъ бывшихъ удѣльныхъ княжествъ. Но изъ того, что въ памятникахъ упоминаются

---

1) А. А. Э., I, № 332, стр. 400—402.

2) Заемныя и закладныя 1563, 1579, 1596, въ А. Ю., № 244 (стр. 265); № 249 (стр. 266); № 252 (стр. 267); кабальныя 1591 октября 28 и декабря 25, и 1598 г. въ Арх. ист.-юрид. свѣд. Калачева ук. м. стр. 59, 60, 63, №№ 39, 41, 50.

3) Приводимые документы напечатаны большей частью въ Актахъ, относящихся до юридическаго быта древней Россіи, т. II, №№ 125, 126, 127, 150, 152.

только два денежныхъ счета, московскій и новгородскій, должно заключить, что преобладалъ или типъ московской денги, или типъ новгородской денги. По этимъ двумъ типамъ различались московская и новгородская гривны, московскій и новгородскій рубль. Но и совмѣстное существованіе даже только двухъ типовъ во многихъ случаяхъ должно было порождать интересъ и необходимость точнаго указанія, о какомъ типѣ шла рѣчь въ данномъ отдѣльномъ случаѣ.

Къ тому же 1468 г., къ которому относится бѣлозерская грамота, въ первый разъ упоминающая о московскомъ пятигривенномъ серебрѣ, относится другая бѣлозерская же грамота, въ которой въ первый разъ упоминается ясно оговоренный новгородскій рубль; въ этой грамотѣ, между прочимъ, говорится: «а учинится у нихъ душегубство... а не будетъ душегубца въ лицехъ, ино вѣры за голову рубль новгородцкой»[1]). Къ 1468 же году относится купчая игумена Кириллова монастыря на рыбную ловлю, въ которой уплоченная цѣна означена такъ: «а далъ есмъ полторы *рубля новгородскіе*»[2]). Подъ 1471 г. вторая новгородская лѣтопись сообщаетъ, что тогда «пріѣхалъ князь великій Иванъ Васильевичъ» къ Новгороду ратію, взялъ 16000 рублевъ окупа», но Воскресенская лѣтопись поясняетъ при этомъ: «и добиша челомъ великому князю 16000 серебра новгородскихъ рублевъ»[3]). Воскресенская лѣтопись подъ 1478 г., разсказывая о переговорахъ, сообщаетъ: «а Феофилатъ посадникъ билъ челомъ, чтобъ государь князь великій пожаловалъ, на всякъ годъ имать со всѣхъ волостей новгородскихъ дань съ сохи по полугривнѣ *новгородской*, по 7 денегъ»[4]). Въ купчей 1489 г. читаемъ: «купилъ Сенка Васильевъ сынъ Сеславинъ Ѳетка Ѳеоносова сына ноугородца въ полницу собѣ и своимъ дѣтемъ и далъ на немъ два рубли денегъ ноугородскихъ»[5]). — Въ другихъ двухъ купчихъ на пріобрѣтенныхъ новгородцевъ заплочено въ 1491 г. «рубль денегъ новгородскихъ», а въ 1495 г. «рубль ноугородцкой»[6]). — Въ отводной па земли Важицкому и Юрьеву монастырямъ, 1505 г., говорится: «а кто чрезъ той разводъ чрезъ межу перейдетъ, ино па томъ пять рублевъ ноугородцкихъ»[7]). — Въ докладной грамотѣ 1509 г. человѣкъ за «рубль ноугородцкой» отдается въ кабалу[8]). — Въ первой псковской лѣтописи подъ 1510 г. раз-

1) Доп. А. И., I, № 189, стр. 348.
2) А. Ю., № 73, стр. 120.
3) П. С. Р. Л., III, стр. 141, VIII, стр. 167.
4) П. С. Р. Л., VIII, 195.
5) Арх. ист.-юрид. свѣд. 1855, II, 1, втор. отд., стр. 34, № 4.
6) Тамъ-же, №№ 5 и 6.
7) А. Ю, № 145, стр. 164.
8) Калачевъ. Арх. ист-юрид., п. м., стр. 31.

сказывается, что когда въ Новгородъ пріѣхалъ Василій Іоанновичъ, то псковичи «послаша дару великому князю 150 рублевъ новгородскихъ»[1]). По купчей 1515 г. пріобрѣтается въ полницу себѣ и дѣтямъ псковитянинъ и за него уплачивается «рубль ноугородцкой»[2]). — Подъ 1526 г. вторая новгородская лѣтопись сообщаетъ, что тогда были «времена тихи и прохладны и обиліе веліе изобилованна быть: коробью убо жито купилъ по семи ноугородокъ»[3]). — Въ уставной Онежской грамотѣ, данной въ 1531 г. Иваномъ IV, между прочимъ, постановляется: «Намѣстнику нашему имати у нихъ кормъ со всѣхъ сохъ:... на Рожество Христово намѣстнику нашему взяти съ 10 сохъ полоть мяса, 10 хлѣбовъ, коробья овса, возъ сѣна, а на великъ день полоть мяса, 10 хлѣбовъ, а на Петровъ день боранъ, 10 хлѣбовъ; а не любъ кормъ намѣстнику, ино за полоть 8 денегъ, за борана 6 денегъ, за хлѣбъ по денгѣ, а за коробью овса 6 денегъ, а за возъ сѣна 8 денегъ... *А денги за то все имать* намѣстнику нашему и его тіуну и доводчику *новгородскія*... Случитса судъ предъ намѣстникомъ или предъ его тіуномъ *о рублѣ о новгородскомъ*, а всхотятъ помиритись и они дадутъ намѣстнику 20 денегъ *новгородскую*... А самосуда нашъ намѣстникъ и его тіунъ емлютъ *рубль новгородской*... А учинится у нихъ въ волости душегубство, а не доищутся душегубца, ино за голову виры 2 рубля *новгородскіе*... А ѣзду въ волости и въ станѣ на 4 версты *денга новгородская*, а на правду вдвое; а *полтина новгородская* правити на погосты... За выводную купицу шесть денегъ *новгородскую;* за убрусъ денга *новгородская*[4]). — Въ состоявшемся въ 1551 г. соборномъ приговорѣ по жалобницамъ новгородскихъ священниковъ читаемъ: «а которой игуменъ или попъ недѣли не служитъ, ино ему давати за службу за недѣлю Софѣйскому собору по *гривнѣ новгородской*»[5]). — Въ новгородскихъ лѣтописяхъ подъ 1555 годомъ разсказывается: «было сѣмя огуречное дорого, гривенка 20 алтынъ, а блюдечко по гривнѣ новгородской»[6]). — Въ грамотѣ 1555 г. по судному дѣлу предъ новгородскимъ намѣстникомъ, между прочимъ, докладывается: «занялъ Родивонка по кабаламъ три рубли и двѣ денги московскіе, а Васка занялъ 15 гривенъ ноугородцкую»[7]). — Въ другой грамотѣ того же года крестьяне жалуются, что у нихъ «вымучили дани за восемь обежь лишка полъ четыр-

---

1) П. С. Р. Л., IV, 283.
2) Калачевъ. Арх. п. м., стр. 33.
3) П. С. Р. Л., III, 148.
4) А. А. Э., I, № 181, стр. 152, 153.
5) А. А. Э., I, № 229, стр. 221.
6) Новгородскія лѣтописи изд. 1879 г., стр. 88.
7) Доп. А. И., I, № 51, стр. 73.

надцать *гривенъ новгородцкую*» [1]). — Въ разсказѣ третьей новгородской лѣтописи объ ужасахъ новгородскаго разгрома 1570 г. сообщается, между прочимъ, что Грозный приказалъ «правити на нихъ (на духовенствѣ) числомъ по 20 рублевъ новгородцкихъ» (на каждомъ, а ихъ было очень много, до 500 лицъ только чернаго духовенства, сверхъ «всѣхъ церквей поповъ и дьяконовъ» [2]). — Въ новгородской таможенной грамотѣ 1571 г. читаемъ: «а воскъ, и медъ, и олово, и свинецъ, и квасцы, и ладонъ, и темянъ вѣсить по старинѣ на крюкъ у Ивана Святого подъ церкоью на Петрятинѣ дворѣ. А безъ вѣсу меду, *икры* и соли не продавати, а кто продастъ, или кто купитъ безъ вѣсу... ино съ нихъ *заповѣди рубль новгородцкой*. А пуда себѣ не держати никому, а кто учнетъ пудъ держать... ино на томъ заповѣди 2 рубли» [3]). — Во второй новгородской лѣтописи разсказывается, что въ 1572 г. «владыка Леонидъ велѣлъ въ Новгородѣ всѣмъ священникомъ звонити... на четвертомъ часу дня, а который священникъ начнетъ звонити рано, на томъ заповѣди 2 рубля новгородская» [4]). — Въ грамотѣ новгородскаго дворцоваго дьяка ладожскимъ рыбнымъ сборщикамъ, отъ 5 апрѣля 1585 г., приводится слѣдующая, сохранявшая еще въ концѣ XVI в. силу, выписка изъ писцовыхъ книгъ 1551 г.: «съ рыбныхъ ловцовъ шло стараго оброку въ государеву казну за поледную свѣжую рыбу съ ловца по три денги новгородцкую, а въ московское число по алтыну» [5])

Приведенныя свидѣтельства устанавливаютъ внѣ всякаго сомнѣнія фактъ одновременнаго существованія двухъ денежныхъ счетовъ, московскаго и новгородскаго, приблизительно съ половины XV в., т. е. со второй половины времени Василія Темнаго (въ послѣдніе 15 лѣтъ его правленія) и въ продолженіи всего XVI в. Денежный счетъ московскій мы знаемъ въ точности по Торговой Книгѣ, подтверждаемой многочисленными свидѣтельствами оффиціальныхъ и частныхъ документовъ XVI в., содержащими денежные расчеты. Это счетъ на московскій рубль въ 10 московскихъ гривенъ, или въ 2 московскія полтины по пяти гривенъ, въ 200 московскихъ денегъ на рубль, по 6 этихъ денегъ на алтынъ. До насъ не дошло, къ сожалѣнію, *многочисленныхъ* подтвержденій этого денежнаго счета для XV в. Но до насъ отъ XV в. дошли неоднократныя, приведенныя выше, свидѣтельства, что и тогда московскій денежный счетъ былъ счетомъ на *полтину въ пять гривенъ* и что *пятигривенное серебро* было *ходячимъ* московскимъ

---

1) Доп. А. И., I, № 51, стр. 83.
2) П. С. Р. Л., III, 255; Новгородскія лѣтописи изд. 1879 г., стр. 339.
3) А. А. Э., I, № 282, стр. 324.
4) П. С. Р. Л., III, 168; Новгородскія лѣтописи изд. 1879 г., стр. 109.
5) А. А. Э., I, № 327, стр. 38 9.

уже съ 1468 г. Этого звена совершенно достаточно для того, чтобы по нему съ математическою точностью возстановлялись, сами собою, остальныя звенья московскаго денежнаго счета, и мы вправѣ съ полною достовѣрностью утверждать, что насколько и въ XV ст. существовалъ отдѣльный московскій денежный счетъ, онъ во всемъ былъ тождественъ съ московскимъ денежнымъ счетомъ XVI вѣка. То, что было при Грозномъ, было уже при его отцѣ и дѣдѣ; новостью оно возникло лишь при его прадѣдѣ, Василіи Темномъ.

Новгородскій денежный счетъ изъ Торговой Книги намъ неизвѣстенъ; а другія извѣстія XVI в. тоже не отличаются многочисленностью и полнотою для того, чтобы они могли служить прочнымъ основаніемъ для возсозданія всѣхъ элементовъ новгородскаго денежнаго счета. Изъ Торговой Книги мы знаемъ лишь, что *московскій* рубль содержалъ 100 новгородскихъ денегъ или новгородокъ, что *московка* составляла половину *новгородки* и наконецъ, что *московская* гривна содержала 10 новгородокъ. Но мы не знаемъ, что такое былъ новгородскій рубль, сколько въ немъ было новгородскихъ денегъ; что такое была новгородская гривна и сколько въ ней было новгородскихъ денегъ? Къ счастію, до насъ дошелъ безукоризненный источникъ, дающій на эти вопросы ясные, полные и вполнѣ удовлетворительные отвѣты,— источникъ, очень авторитетный по его характеру и значенію его показаній. Этотъ источникъ заключается въ *Новгородскихъ писцовыхъ книгахъ*, авторитетныхъ не только своею оффиціальностью, но особенно тѣмъ, что онѣ охватываютъ наиобширнѣйшія группы податныхъ плательщиковъ, можно сказать, огромнѣйшее ихъ большинство. Въ весьма значительной массѣ конкретныхъ случаевъ (примѣровъ) Писцовыя Книги даютъ не только описаніе источниковъ платежныхъ средствъ населенія, но показываютъ денежные оклады причитающихся платежей и расчеты, лежащіе въ ихъ основаніи. Очевидно, что, имѣя дѣло съ очень значительною массою плательщиковъ, крупныхъ и мелкихъ, даже очень мелкихъ, Писцовыя Книги должны были свой денежный счетъ выражать только въ томъ видѣ, который былъ общепринятый, всѣмъ привычный и понятный. Поэтому показанія Писцовыхъ Книгъ отличаются особенной надежностью. Для нашего изложенія они кромѣ того обладаютъ еще однимъ, очень цѣннымъ преимуществомъ: они относятся къ послѣднимъ годамъ XV в., т. е. основываются на свѣдѣніяхъ, которыя собирались въ XV ст. и сохраняли силу въ XVI в. Слѣдовательно, показанія новгородскихъ писцовыхъ книгъ о новгородскомъ денежномъ счетѣ имѣютъ въ равной мѣрѣ значеніе, какъ для XV, такъ и для XVI в.

Уже въ 1851 г. проф. И. Д. Бѣляевъ «вмѣсто предисловія» предпо-

слалъ статью «О поземельномъ владѣніи въ московскомъ государствѣ», изданной тогда кн. Оболенскимъ второй половинѣ новгородскихъ писцовыхъ денегъ вотьской пятины[1]). Въ этой статьѣ проф. Бѣляевъ указалъ на то, что денежный счетъ издаваемыхъ писцовыхъ книгъ имѣетъ основаніемъ новгородскую гривну въ 14 новгородскихъ денегъ и новгородскій рубль, состоявшій изъ 15 гривенъ и 6 денегъ или 216 новгородскихъ денегъ, равныхъ 432 московскимъ деньгамъ.

Правильность этого указанія подтверждается всѣми, безъ исключенія, случаями, въ которыхъ Писцовыя Книги даютъ возможность повѣрить излагаемые въ нихъ расчеты податныхъ и пошлинныхъ платежей, выраженныхъ въ новгородскихъ рубляхъ, новгородскихъ гривнахъ и новгородскихъ денгахъ, что всегда настойчиво подчеркивается. Переписная оброчная книга вотской пятины въ самомъ своемъ заглавіи обозначаетъ, что въ ней «кладенъ великаго князя оброкъ рубли и полтинами и гривнами и денгами *новгородцкими въ новгородцкое число*». Въ писцовой книгѣ Шелонской пятины 1535 г. каждый разъ, когда приводится денежная сумма, выраженная въ тѣхъ или иныхъ единицахъ, повторяется и ихъ новгородское обозначеніе: напр. 12 гривенъ новгородцкихъ, 4 денги новгородцкіе съ четверетцею, рубль новгородцкой и т. д. Не только изданная въ 1851 г. вторая половина Писцовой Книги Вотской пятины, но и изданная въ 1868 г. (Археогр. Комм.) первая половина той же Писцовой Книги и изданная въ 1886 г. (Археографическою же Коммиссіею) Писцовая Книга Шелонской пятины совершенно согласно показываютъ всегда одно и тоже.

Приведемъ въ доказательство три группы случаевъ: одну группу составятъ случаи, взятые изъ первой половины Писцовой Книги Вотской пятины, изданной Археографическою Комиссіей. Другую группу составятъ случаи изъ второй половины Писцовыхъ Книгъ той же пятины, изданной въ 1851 г. во Времен. Моск. Общ. Исторіи и Древностей Росс. Наконецъ третью группу составятъ случаи изъ Писцовыхъ Книгъ Шелонской пятины.

Группа первая. Деревня Векши и т. д.: а великого князя оброку на тѣ деревни положено на всѣ боярщины и на монастырскихъ *рубль съ гривною и шесть денегъ*, а хлѣба положено поспомъ: полъ-девятнадцаты ($18^1/_2$) коробьи ржи, тридцать и семь коробей овса, девять коробей ячменя; а въ которомъ году не взято хлѣба хлѣбомъ и за хлѣбъ положено *денгами*: за коробью ржы 10 денегъ, за коробью овса 5 денегъ, за коробью ячмени семь денегъ; и всего положено за хлѣбъ *денгами два рубля съ денгою*. И всего на тѣ деревни положено денгами и за хлѣбъ три рубля и полторы

1) Временникъ И. Моск. О. И. и Д. Р., книга XI (1851).

гривны[1]). Здѣсь за рожь причитается $18^1/_2 \times 10 = 185$ денегъ, за овесъ $37 \times 5 = 185$ денегъ и за ячмень $9 \times 7 = 63$ денги, а всего за хлѣбъ 433 денги, которыя по показанію Писцовой книги составляютъ «два рубля *съ денгою*»; слѣдовательно тѣ же 433 денги *безъ денги*, или 432 денги, составляютъ ровно два рубля. Въ такомъ случаѣ одинъ рубль $= 432 : 2 =$ 216 денгамъ. Это ясно. И всего положено на тѣ деревни: денгами 1 рубль 1 гривна 6 денегъ и за хлѣбъ 2 рубля и 1 денга; слѣдовательно, денгами и за хлѣбъ 3 рубля 1 гривна 7 денегъ; но въ Писцовой книгѣ говорится 3 рубля $1^1/_2$ гривны; очевидно, что Писцовая книга считаетъ 7 денегъ за половину гривны, потому что въ такомъ случаѣ и нашъ итогъ даетъ тоже 3 рубля и $1^1/_2$ гривны. Впрочемъ, между прочимъ, и лѣтопись (Воскресенская) прямо это подтверждаетъ, разсказывая, что въ 1478 г. новгородцы упрашивали Ивана III дань со всѣхъ волостей новгородскихъ взять «съ сохи *по полугривнѣ*, по 7 денегъ»[2]). Приведенныя данныя относятся къ повому письму. Тамъ же при показаніи замѣны стараго дохода, между прочимъ, приводятся три слагаемыхъ: 10 гривенъ 4 денги, гривна и полъ-третынадцаты ($12^1/_2$) денегъ и 13 гривенъ безъ денги, а общій итогъ этихъ трехъ суммъ показанъ въ полтора рубля двѣ гривны безъ полуденги. Этотъ итогъ вполнѣ соотвѣтствуетъ рублю въ 216 денегъ и гривнѣ въ 14 денегъ. Ибо показанныя три суммы, сложенныя вмѣстѣ, даютъ 10 гр. 4 д. + 1 гр. $12^1/_2$ д. + 13 грив. безъ денги $= 24$ гривны $15^1/_2$ денегъ или всего $351^1/_2$ денегъ, или 352 денги безъ полуденги, а 352 денги $= 216 + 108 + 28$ д., т. е. рублю, полтинѣ и 2 гривнамъ, слѣдовательно весь итогъ составляетъ полтора рубля 2 гривны безъ полуденги, какъ и показано въ Писцовой книгѣ. — Беремъ примѣръ другой мѣстности: деревня Горка и т. д. великого князя оброка положено денегъ *полтина новгородкая*, а хлѣба поспомъ: полшестынадцаты ($15^1/_2$) коробьи ржы, 30 коробей съ коробьею (31) овса, восмь коробей ячменя; а въ которомъ году не взяти хлѣба хлѣбомъ и за хлѣбъ положено денгами (расцѣнка та же, что вышеприведенная и для краткости мы ее пропускаемъ[3]), итого за хлѣбъ денгами *$1^1/_2$ рубля и 3 гривны*; а всего оброку положено денгами и за хлѣбъ *два рубля и три гривны*[4]). Здѣсь причитается за хлѣбъ: за рожь $15^1/_2 \times 10 = 155$ денегъ,

1) Новгородскія Писцовыя книги, изд. Археогр. Ком., т. III, Спб. 1868, столб. 5.

2) П. С. Р. Л., VIII, 195.

3) Бѣляевъ уже указалъ на то, что оцѣнка натуральныхъ хлѣбныхъ и иныхъ сборовъ въ Писцовыхъ книгахъ Новгородскихъ однообразна: коробья ржи оцѣнивается въ 10 денегъ, коробья ячменя въ 7 денегъ, коробья пшеницы въ 14 денегъ или 1 гривну, коробья овса въ 5 денегъ, полоть мяса двѣ денги, курица денга, соколъ $2^1/_2$ гривны или 35 денегъ. О позем. владѣніи въ моск. государствѣ, стр. 80. Срав. Новгородскія Писцовыя книги, изд. Археограф. Комм., т. IV, столб. 227.

4) Писцовыя книги, изд. Археограф. Комм., т. III, столб. 32.

за овесъ $31 \times 5 = 155$ денегъ, за ячмень $8 \times 7 = 56$ денгамъ, итого 366 денегъ, составляющіе $1^1/_2$ рубля и 3 гривны. Такъ какъ гривна = 14 денегъ, то 3 гривны = 42 денги и слѣдовательно та же сумма безъ 3 гривенъ, или $366 - 42 = 324$ д. составляетъ $1^1/_2$ рубля, откуда 1 рубль = $324 : 1^1/_2 = 216$ денегъ. Сложивъ засимъ денежный оброкъ въ полтину со стоимостью хлѣбнаго платежа въ $1^1/_2$ рубля 3 гривны, получимъ, что весь платежъ составляетъ $(1^1/_2 + 1^1/_2)$ рубля и 3 гривны, или 2 рубля и 3 гривны, какъ дѣйствительно показано въ Писцовой книгѣ. — Третій примѣръ [1]). Великого князя оброка положено *денгами $1^1/_2$ рубля и 11 денегъ*, а хлѣба поспомъ: 44 коробьи ржи (или денгами $44 \times 10 = 440$ денегъ), 45 коробей овса (или денгами $45 \times 5 = 225$ денегъ), 15 коробей ячменя (или денгами $15 \times 7 = 105$ денегъ), итого за хлѣбъ денгами *полчетверты* ($3^1/_2$) *рубля съ гривною*; и всего оброку денгами и за хлѣбъ положено *5 рублевъ съ гривною и 11 денегъ*. Здѣсь стоимость хлѣба составляетъ $440 + 225 + 105 = 770$ денегъ, которые по Писцовой книгѣ составляютъ $3^1/_2$ рубля съ гривною или $3^1/_2$ рубля и 14 денегъ; слѣдовательно, такая сумма безъ 14 денегъ или $770 - 14 = 756$ денегъ составляютъ $3^1/_2$ рубля, или 1 рубль = $756 : 3^1/_2 = 216$ денегъ. Весь же платежъ, денежный и хлѣбный, составляетъ: $1^1/_2$ рубля 11 денегъ и $3^1/_2$ рубля 1 гривна, или вмѣстѣ 5 рублей 1 гривна 11 денегъ, какъ въ Писцовой книгѣ.

Обратимся ко второй группѣ, или къ указаніямъ второй половины Писцовой книги Вотской пятины, и посмотримъ, соотвѣтствуютъ ли и они новгородскому рублю въ 216 денегъ и новгородской гривнѣ въ 14 денегъ. Прежде всего приведемъ краткое, но очень убѣдительное указаніе, рѣшающее вопросъ о гривнѣ: «а новаго позема даютъ со двора по 3 денги, итого съ 14 дворовъ 3 гривны, а ключнику со двора по дензѣ итого (за 14 дворовъ) гривна» [2]). Здѣсь 1 дворъ даетъ ключнику 1 денгу, а 14 дворовъ даютъ 14 денегъ, которыя составляютъ гривну; позему же одинъ дворъ плотитъ 3 денги и если 14 дворовъ плотятъ 3 гривны, то опять очевидно, 14 денегъ составляютъ 1 гривну. — Въ слѣдующемъ примѣрѣ рѣшается и вопросъ о рублѣ. Великого князя оброка положено пол-четверты ($3^1/_2$) гривны съ денгою, а хлѣба поспомъ : 5 коробей ржи (или денгами $5 \times 10 = 50$ денегъ), 10 коробей овса (или денгами $10 \times 5 = 50$ денегъ), 5 коробей ячменя (или денгами $5 \times 7 = 35$ денегъ), полтретьи ($2^1/_2$) коробьи пшеницы (или денгами $2^1/_2 \times 14 = 35$ денегъ), итого за хлѣбъ денгами 12 гривенъ

---

1) Тамъ-же, столб. 453; для краткости изложенія мы въ скобкахъ даемъ денежную оцѣнку хлѣбныхъ сборовъ при самомъ ихъ изложеніи.

2) Переписная окладная книга по Новугороду Вотьской пятины 7008 (1500) года, 2-ая половина; Врем. Моск. Общ. Ист. и Древ. Росс., книга XI, матеріалы, стр. 120.

2 денги (всего за хлѣбъ 50 + 50 + 35 + 35 = 170 денегъ, составляющіе 12 гривенъ 2 денги, слѣдовательно тѣ же 170 безъ 2 денегъ или 168 денегъ составляютъ 12 гривенъ, т. е. 1 гривна = 168 : 12 = 14 денегъ); а всего положено оброка денгами и за хлѣбъ рубль и 4 денги[1]). Этотъ итогъ получается отъ сложенія денежнаго оброка въ $3\frac{1}{2}$ гривны съ денгою, или 50 денегъ, съ хлѣбнымъ платежемъ въ 170 денегъ, всего, слѣдовательно, 220 денегъ, которые и составляютъ рубль и 4 денги; поэтому 220 — 4 = 216 денегъ и составляютъ рубль.—Возьмемъ еще одинъ примѣръ. Великого князя оброка положено полтина съ денгою, а хлѣба поспомъ: 20 коробей безъ дву (18) ржи (или денгами 18 × 10 = 180 денегъ), 33 коробьи овса (или денгами 33 × 5 = 165 денегъ), полосьмнадцаты ($17\frac{1}{2}$) коробьи ячменя (или денгами $17\frac{1}{2} \times 7 = 122\frac{1}{2}$ денги), $9\frac{1}{4}$ коробей пшеницы (или денгами $9\frac{1}{4} \times 14 = 129\frac{1}{2}$ денегъ); итого за хлѣбъ денгами полтретья ($2\frac{1}{2}$) рубля 4 гривны съ денгою (составляющіе итогъ $180 + 165 + 122\frac{1}{2} + 129\frac{1}{2} = 597$ денегъ, въ томъ числѣ 4 гривны = 4 × 14 = 56 денегъ, а съ денгою 57 денегъ, за вычетомъ коихъ изъ 597 остается 540 денегъ, которыя по Писцовой книгѣ составляютъ $2\frac{1}{2}$ рубля, или рубль = 540 : $2\frac{1}{2}$ = 216 денегъ). И всего оброка на тѣ деревни положено деньгами и за хлѣбъ три рубля и четыре гривны и двѣ деньги. Здѣсь денежный оброкъ составляетъ полтина съ денгою, а хлѣбный $2\frac{1}{2}$ рубля 4 гривны съ денгою, вмѣстѣ же весь платежъ составляетъ 3 рубля 4 гривны 2 денги. — Третій примѣръ[2]). Великого князя оброку на ту волость положено 4 рубли 4 гривны $1\frac{1}{2}$ денги, а хлѣба положено поспомъ семьдесятъ и двѣ коробьи безъ четверки ржи (а денгами $71\frac{3}{4} \times 10 = 717\frac{1}{2}$ денегъ), восемьдесятъ и семь коробей овса (87 × 5 = 435 денегъ), полпяти коробьи пшеницы ($4\frac{1}{2} \times 14 = 63$ денги), полодиннадцать коробей ячменя ($10\frac{1}{2} \times 7 = 73\frac{1}{2}$), итого за хлѣбъ деньгами шесть рублевъ безъ семи денегъ (за 1289 денегъ, или 1289 + 7 = 1296 денегъ = 6 рублей, слѣдовательно, 1 рубль = 1296 : 6 = 216 денегъ); а всего оброку на эту волость положено деньгами (4 р. 4 гривн. $1\frac{1}{2}$ денги = $921\frac{1}{2}$ д.) и хлѣбомъ (1289 денегъ) десять рублевъ три гривны и полдевяты денги (= 921 + 1289 = $2210\frac{1}{2}$ денегъ, изъ нихъ 3 гривны $8\frac{1}{2}$ денегъ составляютъ $50\frac{1}{2}$ денегъ, а остальные $2210\frac{1}{2} - 50\frac{1}{2} = 2160$ денегъ = 10 рублей, или 1 рубль = 216 денегъ).

Наконецъ для полноты приведемъ еще примѣръ изъ третьей группы данныхъ, которыя намъ даетъ Писцовая книга 1498 г. Шелонской пятины

---

1) Тамъ-же, стр. 108.
2) Тамъ-же, стр. 10.

и, для краткости, выбираемъ очень простой, но и очень ясный случай[1]). Оброку положено 1 рубль и 6 гривенъ съ 1 денгою, а хлѣба 20 и полторы коробьи ржи ($21\frac{1}{2} \times 10 = 215$ денегъ), 40 и 3 коробьи овса ($43 \times 5 = 215$ денегъ) и всего за хлѣбъ денгами 2 рубля поугородцкая безъ 2 денегъ ($= 215 + 215 = 430$ денегъ, при этомъ, очевидно, полные два рубля $= 432$ деньги и 1 рубль $= 216$ денегъ); а всего оброку 3 рубля 6 гривенъ безъ денги. Итогъ этотъ въ разъясненіи не нуждается[2]).

Тѣ же писцовыя книги многократно и совершенно ясно показываютъ, что новгородская денга равнялась двумъ денгамъ московскимъ[3]). Напр., «новые пошлины ключничи на тѣ (пол-шостынадцаты) обжи положено на Рождество Христово ключнику съ обжы денга новгородцкая, на Великъ день съ обжы денга московская, на Петровъ день съ обжы денга московская и всее ключничи новые пошлины съ тыхъ полуштынадцаты обжи въ годъ на три праздники двѣ гривны и три денги новгородцкіе»[4]). Здѣсь 2 гривны и 3 деньги новгородскіе составляютъ 31 денги новгородскихъ съ $15\frac{1}{2}$ обжей, или съ обжи $31 : 15\frac{1}{2} = 2$ денги новгородскія. А такъ какъ наше извѣстіе сообщаетъ, что съ обжи взимали одну новгородскую и двѣ московскія денги, то очевидно, эти 2 московскія денги составляли одну новгородскую денгу. — Другой примѣръ[5]): «а новые ключничи пошлины положено на тѣ (одиннадцать) обжы на Рождество Христово съ обжы денга новгородцкая, а на Великъ день денга московская, а на Петровъ день денга московская, а всее ключничи пошлины въ годъ на 3 праздники со всѣхъ тѣхъ обежъ полторы гривны съ денгою». Полторы гривны еъ денгою составляютъ $1\frac{1}{2} \times 14 + 1 = 22$ денги съ 11 обежъ, или по 2 новгородскія денги съ обжи, съ которой взимали 1 новгородскую и 2 московскія деньги, слѣдовательно 2 московскія деньги составляли одну новгородскую денгу[6]).

О томъ, что «четверетца» имѣла связь, какъ съ московскою, такъ и съ новгородскою денгою, показываетъ слѣдующая выписка изъ переписной оброчной книги Вотской пятины[7]): «а новыя пошлины ключничи давати съ тое полуобжы на Рождество Христово денга московская, а на Петровъ день четверетца, а на Великъ день четверетца, а всего на весь годъ денга новгородцкая». Очевидно, что четверетца была половиною московской денги и четвертью новгородской денги.

---

1) Новгород. Писцовыя книги, изд. Археограф. Комм., т. IV, Спб. 1886 г., столб. 70
2) Срв. тамъ-же, столб. 1, 3, 40.
3) Тамъ-же, столб. 260, 270, 287, 292, 445.
4) Тамъ-же, столб. 529, 537, 565, 577 и др.
5) Тамъ-же, т. III, стр. 32.
6) Тамъ-же, стр. 197.
7) Тамъ-же, стр. 6.

Что новгородскій денежный счетъ практиковался параллельно съ московскимъ денежнымъ счетомъ въ теченіе всего XVI ст. доказываютъ не только приведенныя выше свидѣтельства изъ оффиціальныхъ и частныхъ документовъ XVI в., но и писцовыя книги, напр. писцовая книга Шелонской пятины 1552—53 гг. И мы имѣемъ оффиціальное подтвержденіе, что до конца XVI в. не только сохраняли свое значеніе всѣ отдѣльныя новгородскія денежныя единицы, но при этомъ не измѣнялось установившееся въ XV вѣкѣ ихъ отношеніе къ московскимъ денежнымъ единицамъ. Первое совершенно ясно усматривается изъ Таможенной откупной грамоты 1587 г. объ отдачѣ на откупъ Иванской на Опокахъ вѣсчей пошлины новгородцу Ивану Трифонову за 106 рублевъ 6 алтынъ и 3 денги. Въ этой грамотѣ говорится: «по государеву (Ѳеодора Іоанновича) указу діаки Сава Фроловъ да Семейка Емельяновъ дали на откупъ въ Великомъ Новгородѣ подъ Иваномъ Святымъ на Опокахъ вѣсчую пошлину... А вѣсчая имати пошлина съ поугородцевъ и со всѣхъ торговыхъ людей московскаго государства и съ грамотчиковъ и съ смольянъ по двѣ денги *по московскую* съ рубля, съ купца денга и съ продавца денга. А съ иноземцевъ пошлины имати по старинѣ, съ *берковска* воску, *съ десяти пудовъ московскихъ полполтину* (по другому списку: *полтину*) новгородскую, да полгривенки перцу, а за полгривенку перцу 5 денегъ новгородская... А купитъ москвитичъ, или тверитичъ, темянъ, ладонъ, или мѣдь, или олово, или свинецъ, или сѣру горячую, или киноварь, или ртуть, и откупщику имати *по двѣ денги по московскую съ рубля*... А у иноземцевъ... съ берковска по *2 гривны по новгородскую*... А имать имъ со всякого товара съ вѣсчаго вѣсчая пошлина у иноземцевъ, по старинѣ *новгородскими деньгами въ новгородское число*. А кто продастъ товару, которые въ сей грамотѣ писаны, безъ вѣсу и на томъ откупщику имати заповѣди на государя *рубль новгородской*, а другой рубль новгородской откупщику» [1]).

Въ другой таможенной грамотѣ царя Ѳеодора Іоанновича новгородцу Пятому Андрееву о сборѣ помѣрной и покоречной пошлины въ Великомъ Новгородѣ отъ 1 сентября 1587 г., находимъ, между прочимъ, опредѣленіе: «а кто что продастъ, не мѣрячи, или кто учнетъ купити не въ ихъ пятенную (штемпелеванную) мѣру, и на томъ взяти заповѣди рубль новгородской, а въ московское число два рубля пять алтынъ и двѣ денги», т. е. по московскому счету:

---

1) А. А. Э., I, № 334, стр. 402, 403.

2 рубля	= 400	денегъ	московскихъ
5 алтынъ	= 30	»	»
2 денги	= 2	»	»
	432	»	»

а такъ какъ московская денга равнялась половинѣ новгородской, то 432 московскія денги равнялись 216 новгородскимъ денгамъ, въ 1587 г., какъ въ 1487 г. и вообще съ тѣхъ поръ, какъ начался новгородскій денежный счетъ.

Все это очень хорошо знали и иностранцы, бывавшіе въ Москвѣ и Новгородѣ въ XVI столѣтіи: Герберштейнъ, Гассе, Барберини и др.

IV.

Итакъ, московскій и новгородскій денежный счетъ, которые были въ употребленіи съ половины XV в. (со времени Василія Темнаго) въ теченіи всего XVI вѣка дѣйствительно весьма существенно отличались одинъ отъ другого. Главнымъ образомъ отличіе это коренилось *въ очень странномъ строеніи новгородскаго денежнаго счета, имѣвшемъ основою рубль въ 216 денегъ*. Это несомнѣнно очень странное число, обращающее на себя вниманіе своею исключительностью, тѣмъ, что оно ничего общаго не имѣетъ ни съ десятичною, ни съ 12-тичною системою, на которой всегда и повсюду строился всякій денежный счетъ. Напротивъ, московскій денежный счетъ на нашъ современный взглядъ выгодно отличается отъ новгородскаго тѣмъ, что онъ имѣетъ основаніемъ рубль въ 10 московскихъ гривенъ (тогда какъ въ новгородскомъ рублѣ было $15^3/_7$ новгородскихъ гривенъ); въ московской гривнѣ было 10 новгородокъ (тогда какъ въ новгородской гривнѣ ихъ было 14); поэтому въ московскомъ рублѣ было 100 новгородокъ или 200 московокъ, тогда какъ въ новгородскомъ рублѣ было 216 новгородокъ или 432 московки. Такимъ образомъ, московскій денежный отчетъ построенъ на десятичной системѣ. Но болѣе всматриваясь въ строеніе московскаго денежнаго счета и его отношеніе къ новгородскому денежному счету, мы находимъ, что и московскому денежному счету совсѣмъ не чужда та же странность, которая бросается въ глаза въ новгородскомъ денежномъ счетѣ. Повидимому, удобства московскаго денежнаго счета первоначально состояли совсѣмъ не въ десятичности, а въ его связи съ отмѣченною странностью, въ его опорѣ на тоже странное число 216. Такъ какъ въ новгородскомъ рублѣ было 216 денегъ, то въ 100 новгородскихъ рубляхъ было 21600 новгор. денегъ; но такъ какъ въ московскомъ рублѣ было 100 новгород-

скихъ денегъ, то 21600 новгор. денегъ составляли 216 московскихъ рублей. Такимъ образомъ, 100 новгородскихъ рублей = 216 московскимъ рублямъ. Въ этомъ равенствѣ десятичное число на сторонѣ новгородской, а число 216 на сторонѣ московской.

Очевидно, что число 216 имѣло какое-то особенное значеніе, если на немъ основывался новгородскій денежный счетъ и къ нему пригонялся московскій денежный счетъ. Въ чемъ же заключалось это значеніе? И когда, и почему оно возникло? Подѣйствовали-ли обстоятельства, его вызвавшія, лишь съ половины XV в., когда началось различіе между новгородскимъ и московскимъ денежнымъ счетомъ, или еще ранѣе? Очевидно, отвѣтъ на эти вопросы находится въ тѣсной связи съ вопросомъ: какой денежный счетъ былъ въ употребленіи до половины XV вѣка? Рубль явился съ конца первой четверти XIV вѣка, но русская денга начала чеканиться лишь съ послѣдней четверти XIV в. Вопросъ объ отношеніи между рублемъ и русскою денгою возникъ, поэтому, лишь при Дмитріѣ Донскомъ и только съ этого времени можетъ имѣть значеніе нашъ вопросъ: въ чемъ заключался древнерусскій денежный счетъ до половины XV вѣка? Въ тѣсной связи съ этимъ вопросомъ и въ ближайшей отъ него зависимости находится и вопросъ о вѣсѣ, какъ рубля, такъ и денги.

Дмитрій Донской началъ чеканку русской денги послѣ Куликовской битвы, т. е. послѣ 1380 г.: на это ясно указываетъ имя Тохтамыша на монетахъ Дмитрія Донского. Наиболѣе авторитетные наши оріенталисты, изъ спеціально изучавшихъ наши татарскія денги, Френъ и Савельевъ объяснили это упоминаніе имени хана на русской монетѣ, какъ выраженіе покорности и подчиненія, согласно взгляду на этотъ предметъ, всегда господствовавшему на востокѣ съ глубокой древности и у Востока заимствованному и Византіею. Да и странно было бы приписывать Донскому, первому удачно попытавшемуся бороться съ татарскимъ игомъ, добровольную готовность по собственному почину присоединить ко всѣмъ тѣмъ выраженіямъ татарскаго ига, съ которыми должны были мириться его предки съ XIII в., еще новое выраженіе, въ чеканкѣ русско-татарской денги. Я скорѣе склоненъ думать, что возобновленіе чеканки русской монеты въ сѣверо-восточныхъ княжествахъ главнымъ образомъ потому именно замедлилось, что монетная регалія принадлежала ханамъ, а сѣверо-восточные князья *намѣренно уклонялись* отъ чеканки собственной монеты съ обозначеніемъ на ней татарскаго ига, безъ чего татары не допустили бы чеканки; поэтому князья уклонялись отъ чеканки, *какъ отъ лишняго выраженія своей зависимости.* Въ концѣ XIV в., однако, вопросъ о чеканкѣ повидимому обострился. Мы должны это заключить изъ разсказа Никоновской лѣтописи, какъ сначала

Витовтъ требовалъ отъ Темиръ Кутлуя: не только «дай ми на всяко лѣто дани и оброки», «*но еще къ тому возхотѣ Витовтъ во всей ордѣ быти на денгахъ ордынскихъ знаменіе Витовтово*»; Едигей же былъ иного мнѣнія и полагалъ: «подобаетъ мнѣ надъ тобою быти, и дань и оброки имати на всякое лѣто со всего твоего княженія и *во всемъ твоемъ княжсніи на твоихъ денгахъ литовскихъ моему ордынскому знамени быти*». Естественно, что Тохтамышъ этого же потребовалъ отъ Донского послѣ Куликовскаго опыта возстать противъ татарскаго ига. И обстоятельства заставляли Донского подчиниться этому требованію татаръ, по крайней мѣрѣ на время. Сила этихъ обстоятельствъ ясно видна на поведеніи Новгорода. Подобно тому, какъ охраняя свою независимость, онъ довольно долго уклонялся отъ татарской переписи и уплаты татарской дани,—Новгородъ предпочиталъ сохранять свою независимость и не чеканить собственной монеты въ теченіе 40 лѣтъ, въ которые почти всѣ большія и малыя княженія усердно занимались этимъ дѣломъ. Примѣру Новгорода слѣдовалъ и Псковъ.

Эта связь между началомъ чеканки русской денги и вліяніемъ татарскаго ига, конечно, не единственная. Гораздо сильнѣе и важнѣе было то вліяніе, которое татарское иго оказало на роль металлическихъ денегъ въ русскомъ быту и на многія подробности обстановки этой роли. До татарскаго ига металлическія денги тоже принадлежали къ «кунамъ». Но необходимо пойти очень сильно въ разрѣзъ съ господствующими до сихъ поръ еще у насъ взглядами, раздѣляемыми даже такими авторитетами новѣйшей исторической науки, какъ Соловьевъ, Костомаровъ, Аристовъ, Ключевскій, Никитскій и др., чтобъ утверждать, что одна только металлическая монета составляла «куны». Никто, однако, не споритъ противъ того яснаго, непререкаемаго и непреложнаго факта, что татарская дань уплачивалась не гривнами кунъ, а ордынскимъ *серебромъ*. И конечно не безъ вліянія этого факта съ XIV столѣтія туманная древняя гривна, вызывавшая столь разнообразныя объясненія, уступила мѣсто *рублю серебра*. Одновременно съ этимъ рублемъ серебра, русское населеніе въ XIV ст. уже было хорошо знакомо съ татарскою денгою и татарскимъ алтыномъ. Это нужно заключить изъ того, что какъ только началась чеканка русской монеты Дмитріемъ Донскимъ, такъ немедленно вслѣдъ за этимъ, въ 1381 г. въ договорѣ Дмитрія Донского съ Олегомъ Рязанскимъ является постановленіе: «а пошлины съ семьи 6 *денегъ*, съ пѣшеходовъ 2 *алтына*,... мыта съ воза по *денгѣ*». Это самое раннее упоминаніе денги и алтына въ оффиціальномъ документѣ. Но трудно допустить, чтобъ оно было возможно, еслибъ населеніе не въ одномъ только въ Рязанскомъ, но и въ другихъ княжествахъ не успѣло уже значительно ранѣе привыкнуть къ счету на татарскую денгу и алтыны. Да

и въ приведенномъ извѣстіи имѣются въ виду, по всѣмъ вѣроятіямъ, не русская денга, а татарская, съ которою рязанская денга того времени была тождественна.

О вѣсѣ татарской денги мы имѣемъ совершенно точныя свѣдѣнія, благодаря особенно двумъ большимъ кладамъ, Екатеринославскому и Тетюшскому, отлично описаннымъ Савельевымъ. Выводы изъ многочисленныхъ монетъ этихъ кладовъ подтверждаются и многими другими находками; они сводятся къ тому, что въ XIV столѣтіи вѣсъ татарской денги составлялъ $^1/_3$ золотника или 32 доли.

«Ордынское серебро», однако, уплачивалось не этою татарскою монетою, а особенными серебряными слитками, которые носили названіе *сумъ* или *саумъ*. Совершенно положительное свѣдѣніе, что русскіе уплачивали дань татарамъ этими слитками сообщаетъ арабскій писатель Ибнъ-Батута, который въ 1333 г. былъ въ ордѣ и не только видѣлъ эти слитки, но получилъ ихъ въ подарокъ[1]). У насъ эти слитки тоже хорошо извѣстны, потому что ихъ неоднократно находили въ кладахъ съ джучидскими и иными татарскими монетами. Савельевъ опредѣляетъ ихъ вѣсъ въ 36 золотниковъ.

Приведенныя два свѣдѣнія, вѣсъ татарской денги въ $^1/_3$ золотника и вѣсъ саума въ 36 золотниковъ, вмѣстѣ съ вѣсомъ денги Дмитрія Донского, даютъ намъ ключъ, какъ къ тому татарскому денежному счету, къ которому русское населеніе должно было привыкнуть, пользуясь татарскою монетою, такъ и къ той русской денежной системѣ, которая на этой почвѣ должна была возникнуть, когда Дмитрій Донской приступилъ къ чеканкѣ русской денги.

Вѣсъ денги Дмитрія Донского по всѣмъ каталогамъ больше 20, даже 21 доли, тогда какъ вѣсъ татарской денги равнялся 32 долямъ. Сопоставленіе этихъ чиселъ наводитъ меня на мысль, что когда приступали къ чеканкѣ русской монеты, то рѣшено было изъ двухъ татарскихъ денегъ чеканить *три* русскія: т. е. нормальный вѣсъ русской денги былъ установленъ въ $^2/_3$ вѣса татарской денги, ибо двѣ трети 32 долей составляютъ $21^1/_3$ доли. Конечно, Дмитрій Донской и его совѣтники хорошо знали вѣсъ татарской денги и не могли не принять его во вниманіе, приступая къ чеканкѣ собственной денги. Они не могли не знать также обычнаго тогда татарскаго денежнаго счета, съ которымъ населеніе освоилось, и не только не могли желать сильно отойти отъ этого счета, но напротивъ, чтобы не смутить на-

1) Тизенгаузенъ. Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды. Спб. 1884, I, 307.

селеніе, не внести путаницы въ его счетныя привычки и понятія, должны были стараться новый русскій денежный счетъ построить на такихъ основаніяхъ, которыя были бы возможно ближе къ татарскому денежному счету, единственно только и знакомому населенію въ XIII и XIV ст.

Этому то какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала чеканка русской деньги, вѣсъ которой составлялъ $^2/_3$ вѣса татарской деньги. Такъ какъ татарская деньга имѣла вѣсъ $^1/_3$ золотника, то нормальный вѣсъ русской деньги долженъ былъ быть $\frac{2}{3} \cdot \frac{1}{3} = {}^2/_9$ золотника $= 21^1/_3$ доли.

Если вѣсъ татарской деньги составлялъ $^1/_3$ золотника, а вѣсъ *саума*, которымъ уплачивалось ордынское серебро, составлялъ 36 золотниковъ, то на одинъ *саумъ* или *сумъ* шло $36 : {}^1/_3 = 108$ татарскихъ денегъ. И *въ этомъ* повидимому заключалось *существо татарскаго денежнаго счета*. Судя по этому числу, *108 татарскихъ денегъ на одинъ сумъ*, надобно думать, что у татаръ имѣлось представленіе о «большой сотнѣ», состоящей не изъ 100, а изъ большаго числа единицъ, подобно тому, какъ такое же представленіе о «большой сотнѣ» имѣлось и у нѣкоторыхъ другихъ народовъ. Такъ, по представленію древнихъ скандинавовъ большая сотня состояла изъ 120 единицъ[1]). Аналогично съ этимъ у татаръ могло быть представленіе о большой сотнѣ, состоящей изъ 108 единицъ. Но было ли у нихъ такое представленіе, или не было, во всякомъ случаѣ — татарская деньга въ $^1/_3$ золотника составляетъ реальный, положительный фактъ, независимый отъ какихъ бы то ни было допущеній и гипотезъ. И такой же реальный, положительный фактъ составляетъ татарскій *сумъ* или *саумъ* въ 36 золотниковъ. Оба эти факта не только факты прошлаго, но состоятъ на лицо въ нашихъ музеяхъ: ихъ можно видѣть и держать въ рукахъ; они свидѣтели прошлаго, дошедшіе до насъ и дающіе намъ свое показаніе, которое мы можемъ повѣрить нашими вѣсами. И они намъ удостовѣряютъ, что на каждый *сумъ* или *саумъ*, о которомъ мы знаемъ, что онъ служилъ для уплаты татарской дани, шло 108 татарскихъ денегъ. Это единственное, сохранившееся указаніе о татарскомъ денежномъ счетѣ и мы уже поэтому не вправѣ проходить мимо него, не замѣчая его. И мы не можемъ не останавливать на немъ нашего вниманія еще и по тому соображенію, что «серебряники» XIII и XIV ст., отливавшіе сумы или саумы, конечно, могли ихъ отливать не только въ этотъ вѣсъ, но и въ большій или меньшій вѣсъ, еслибъ это понадобилось. И если они ихъ отливали непремѣнно съ вѣсомъ 36 золотниковъ, то это неопровержимо доказываетъ, что только этотъ вѣсъ, а не какой бы то ни было иной соотвѣтствовалъ татарскому денежному счету,

1) Weingold, Altnordisches Leben, Berlin 1856, S. 121.

единственному, съ которымъ древнерусское населеніе въ XIII и XIV ст. приходило въ ежедневное соприкосновеніе.

Но если это такъ: если монеты Дмитрія Донского согласуются съ нашею мыслью, что ихъ чеканили три денги русскія изъ двухъ татарскихъ денегъ, т. е. съ вѣсомъ въ $^2/_9$ золотника, и наконецъ если въ то время, въ XIV ст. вообще, а въ частности при Дмитріѣ Донскомъ, уже была въ употребленіи таже гривенка въ 48 золотниковъ, о которой мы достовѣрно знаемъ, что она была въ употребленіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ, то достаточно вычислить отношеніе этой гривенки къ вѣсу денги Дмитрія Донского, чтобъ предъ нами раскрылся совершенно неожиданный фактъ: что на гривенку въ 48 золотниковъ шло какъ разъ $2 \times 108 = 216$ денегъ, т. е. то число денегъ, которое всегда шло на новгородскій рубль въ XV и XVI столѣтіяхъ. Ибо $48 : {}^2/_9 = 216$.

Но была ли скаловая гривенка въ 48 золотниковъ въ употребленіи въ XIV ст.? Наши историки и археологи *никогда въ этомъ не сомнѣвались* и считали, *всѣ безъ исключенія*, что это фактъ, *даже не требующій доказательствъ*. Такъ думали Татищевъ, Щербатовъ и Болтинъ, и такъ думали Карамзинъ, Успенскій, Строевъ, Погодинъ, Сахаровъ, Соловьевъ, Заблоцкій-Десятовскій и т. д. Всѣ считали возможнымъ на основаніи Торговой Книги и дѣлъ Посольскаго Приказа XVII ст. признавать, что гривенка въ 48 золотниковъ существовала не только въ XIV и XV ст., но даже въ XIII ст. и ранѣе, въ домонгольскую эпоху нашей исторіи.

Это отношеніе къ предмету мы считаемъ неправильнымъ. Мы исходимъ изъ того, что гривенку можно признавать состоявшею въ употребленіи только въ тѣ столѣтія, отъ которыхъ до насъ дошли совершенно ясныя извѣстія, что ею пользовались. Мы допускаемъ, что гривенка была въ употребленіи въ XVI ст. не только потому, что о ней говоритъ Торговая Книга, но еще и потому, что по лѣтописи знаемъ о чеканкѣ въ теченіе всего XVI в. монеты на почвѣ гривенки и извѣстія лѣтописи подтверждаются вѣсомъ дошедшихъ до насъ монетъ. Кромѣ того рядъ другихъ документовъ, публичныхъ и частныхъ, наглядно показываютъ, что въ теченіи всего XVI в. пользовались гривенкою для взвѣшиванія золотыхъ и серебряныхъ вещей, пороха, ладана, темяна и т. д. Такія же свидѣтельства дошли до насъ отъ XV в.: я напомню только завѣщанія великихъ и удѣльныхъ князей, а также завѣщанія частныхъ лицъ, въ которыхъ вѣсъ вещей выраженъ въ гривенкахъ; напомню также извѣстный разсказъ лѣтописи, какъ Иванъ III въ 1476 г. пріѣхалъ въ Новгородъ и пировалъ у разныхъ лицъ, принимая отъ нихъ многочисленные и дорогіе подарки, въ ихъ числѣ вещами, которыхъ вѣсъ выраженъ въ гривенкахъ (ковшъ золотой зъ жем-

чюгомъ, две гривенки золота, да мису серебрену 12 гривенокъ серебра и т. д.). Конечно употребленіе гривенки въ XV в. еще не доказываетъ, что ея вѣсъ равнялся 48 золотникамъ въ XV в., какъ въ XVI и XVII ст. Но мы ниже представимъ доказательство и этого.

По отношенію къ XIV ст., однако, мы даже не имѣемъ такихъ многочисленныхъ и очевидныхъ доказательствъ пользованія гривенкою, какія до насъ дошли отъ XV и XVI ст. По нашему убѣжденію, доказательство пользованія гривенкою въ XIV в. существуетъ; но оно мало извѣстно, совсѣмъ не привлекало къ себѣ до сихъ поръ вниманія и сверхъ того скрыто въ документѣ, который возбуждалъ всегда не мало споровъ.

Документъ этотъ составляетъ Уставъ Великаго Князя Всеволода о церковныхъ судѣхъ и о мѣрилахъ торговыхъ[1]). Уставъ этотъ якобы относится къ концу первой трети XII в. и въ этомъ видѣ нельзя не признать его «позднѣйшимъ поддѣльнымъ произведеніемъ», какъ выражается одинъ изъ новѣйшихъ нашихъ церковныхъ историковъ. Уставъ не только не относится къ XII, но не относится и къ XIII ст. Главный упрекъ, который ему дѣлаютъ, заключается въ явномъ анахронизмѣ, въ немъ содержащемся. Онъ слѣдующимъ образомъ перечисляетъ торговыя мѣрила: скалвы вощаныя, пуды медовыя, *гривенка рублевая* и локоть Иваньскій. Изъ этихъ мѣрилъ — вощаный вѣсъ, медовый пудъ и Иваньскій локоть не опорачивали бы разсматриваемаго документа, даже еслибъ его относили къ XII в. Но рубля въ XII в. не было и въ XIII тоже не было. Поэтому къ этимъ двумъ столѣтіямъ упоминаніе о рублѣ относиться не можетъ. Но въ XIV ст. упоминаніе о рублѣ уже не составляетъ анахронизма. Поэтому *рублевая гривенка* могла въ XIV ст. входить въ кругъ мѣрилъ торговыхъ.

Но существовала ли вообще рублевая гривенка, *какъ вѣсъ*, и можетъ ли это быть доказано какимъ нибудь другимъ свидѣтельствомъ, болѣе доказательнымъ, чѣмъ свидѣтельство оспариваемаго документа? На это даютъ положительный отвѣтъ два указанія. Во-первыхъ, свидѣтельство первой псковской лѣтописи подъ 1463 г., въ которой разсказывается: «бысть во Псковѣ темянъ дорогъ: по 60 денегъ рублевая гривенка»[2]); здѣсь очевидно рублевая гривенка ничего другого не можетъ означать, кромѣ вѣса, какъ и въ другихъ случаяхъ, когда вѣсъ темяна-же выражается въ гривенкахъ; во-вторыхъ, въ договорѣ Полоцка съ Ригою, 14 мая 1407 г., между прочимъ говорится: «серебряный *вѣсъ* у Ризѣ держать полузолотникомъ болше во одного *рубля*»[3]). Здѣсь, очевидно, слово рубль употреблено сокра-

1) Макарій. Исторія русской церкви, II, 359—362, прим. 467, особ. стр. 360, 361.
2) П. С. Р. Л., IV, 226.
3) А. А. Э., I, № 16, стр. 16.

щенно вмѣсто рублевой гривенки, потому что опредѣленіе договора имѣетъ въ виду сравненіе рижскаго *вѣса* съ русскимъ, полоцкимъ, *вѣсомъ*. А рубль могъ быть выраженіемъ русскаго *вѣса* только въ видѣ рублевой гривенки, то есть, *если рубль и гривенка первоначально означали одно и тоже.*

А *именно это* открываетъ намъ вѣсъ монетъ Дмитрія Донского, которыхъ 216 штукъ имѣютъ вѣсъ 48 золотниковъ. Мы знаемъ, что въ XV и XVI ст. 216 денегъ составляли новгородскій рубль, и мы только что выяснили, что число 216 денегъ, какъ основаніе денежнаго счета, возникло отъ стремленія сдѣлать русскій денежный счетъ при его возникновеніи не уклоняющимся отъ привычнаго для населенія татарскаго денежнаго счета;— мы знаемъ, что 216 денегъ Дмитрія Донского имѣли вѣсъ 48 золотниковъ, о которыхъ достовѣрно извѣстно, что они въ XVI и XVII ст. составляли скаловую гривенку;— наконецъ, до насъ дошло названіе вѣса рублевой гривенки, которая по своему граматическому смыслу означаетъ, что идетъ рѣчь о *гривенкѣ, которая была рублемъ*, и въ Полоцкомъ договорѣ съ Ригою она даже прямо сокращенно называется рублемъ. Ясно изъ всего этого, что *первоначально рубль и гривенка были тождественны* и это выразилось, какъ въ томъ, что рубль былъ гривенкою съ своего возникновенія, съ конца первой четверти XIV в., до начала чеканки русской денги при Дмитріи Донскомъ; и рубль остался гривенкою въ 48 золотниковъ, изъ которыхъ Дмитрій Донской чеканилъ свои 216 денегъ. Эти 216 денегъ составляли новгородскій рубль только потому, что задолго до Новгорода *Дмитрій Донской положилъ начало этому рублю въ 216 денегъ* своею заботою основать русскій денежный счетъ на расчетѣ, привычномъ для населенія.

Чтобы прочно обосновать этотъ выводъ необходимо двоякое: 1) показать, что ходячій взглядъ на рубль XIV в., господствующій у нашихъ археологовъ, неправиленъ; 2) доказать, что и новгородскій рубль съ того времени, какъ началась чеканка новгородки, былъ только *повтореніемъ* рубля Дмитрія Донского и подобно ему состоялъ изъ 216 новгородокъ, имѣвшихъ всѣ вмѣстѣ вѣсъ 48 золотниковъ.

Для доказательства моихъ тезисовъ я долженъ войдти въ разсмотрѣніе господствующихъ нынѣ взглядовъ на разбираемый предметъ.

V.

Ходячій взглядъ на рубль XIV ст. основанъ на двухъ гипотезахъ: 1) что гривенка въ 48 золотниковъ существовала уже съ древнѣйшихъ временъ и представляется дошедшими до насъ серебряными слитками въ 48 золотниковъ; 2) что рубль возникъ отъ того, что эти слитки были раз-

рублены на двѣ половины по 24 золотника и каждая изъ этихъ частей и получила названіе рубля. Этотъ взглядъ унаслѣдованъ отъ историковъ XVIII в., главнымъ образомъ отъ Татищева и Болтина; но въ его пользу никогда не было представлено никакихъ аргументовъ, кромѣ ссылки на смыслъ слова «рубль», означающаго будто только результатъ физическаго, механическаго раздѣленія на части. Только Заблоцкій-Десятовскій [1]) попытался найдти и болѣе научный аргументъ въ ссылкѣ на то, что московскій рубль будто-бы содержалъ 100 денегъ вообще; при допущеніи, что рубль Дмитрія Донского содержалъ 24 золотника или 2304 доли, одна сотая часть этого рубля $23_{,04}$ доли, не очень далеко отходитъ отъ вѣса денги Дмитрія Донского. Но этотъ аргументъ Заблоцкаго-Десятовскаго расходится съ фактами. Мы знаемъ, что съ половины XV в., со времени Василія Темнаго, московскій рубль равнялся не 100, а 200 московскимъ денгамъ. Если *московскій* рубль уравнивался тогда съ 100 денгами, то эти денги были *новгородскія*, а не московскія. Мы *ничего* не знаемъ о томъ, чтобъ уже при Дмитріи Донскомъ московскій рубль отличался отъ новгородскаго и чтобъ уже тогда какой бы то ни было рубль раздѣлялся на 100 денегъ; *никакихъ* свѣдѣній или указаній объ этомъ до насъ не дошло. Такимъ образомъ аргументъ Заблоцкаго-Десятовскаго на самомъ дѣлѣ присоединяетъ къ 2 гипотезамъ, на которыхъ до него строилось представленіе о рублѣ, еще третью гипотезу о составѣ рубля изъ 100 денегъ московскихъ уже при Дмитріи Донскомъ.

Со своей стороны мы полагаемъ, что одно только гипотетическое допущеніе, что гривенка въ 48 золотниковъ существовала уже въ XIV ст., никакой цѣны не имѣетъ. Существованіе это должно быть доказано, а доказать его можно только путемъ разъясненія тѣхъ звеньевъ, которыя соединяютъ безспорные факты XIV ст. съ безспорными же фактами XV, XVI и XVII ст. На существованіе рубля въ 24 золотника никакіе факты не указываютъ. До насъ дошли слитки въ 96, 48, 24 и 12 золотниковъ, не говоря уже о тѣхъ, которые имѣютъ вѣсъ 36 золотниковъ и которые ничего общаго не имѣютъ съ рублемъ. Но оставляя послѣдніе слитки въ сторонѣ, сосредоточивая вниманіе только на тѣхъ слиткахъ, которыхъ вѣсъ явно указываютъ на то, что нынѣшній нашъ вѣсъ имѣетъ корни въ отдаленномъ прошломъ, мы все таки никакого права не имѣемъ *произвольно распредѣлять между ними названія рубля, полтины* и т. д. То, что слово рубль означаетъ нѣчто разрубленное, не даетъ никакихъ указаній относительно вѣса разрубленнаго: могло быть разрублено то,

1) О цѣнностяхъ въ древней Руси, Спб. 1854, стр. 33, 34.

что имѣло вѣсъ 96 золотниковъ, какъ и то, что имѣло вѣсъ 48 золотниковъ; да и «четверть», о которой упоминается уже въ до монгольскую эпоху, а еще чаще встрѣчаются упоминанія въ документахъ XIV—XV—XVI и XVII ст., тоже должна была произойти отъ того, что половина рубля была разрублена по поламъ. Слѣдовательно, толкованіемъ слова рубль никоимъ образомъ нельзя дойти до его вѣса вообще, а еще менѣе до вѣса въ какой бы то ни было опредѣленный моментъ времени. Напротивъ, выраженіе «рублевая гривенка» во всякомъ случаѣ требуетъ выясненія. Можно относиться съ самой строгою критикой къ Всеволодову Уставу, но это нисколько не ослабляетъ того, что рублевую гривенку знали въ XV вѣкѣ и слѣдовательно она могла существовать и въ XIV ст.[1]). И во всякомъ случаѣ прямой смыслъ рублевой гривенки — тотъ, что это была гривенка, равная рублю; ибо еслибъ она была равна двумъ рублямъ, то она называлась бы двурублевою гривенкою. Но о такой двурублевой гривенкѣ до насъ никакого упоминанія не дошло, и изъ этого нужно заключить, что ея никогда не было. А изъ того, что до насъ дошли упоминанія о рублевой гривенкѣ мы вправѣ заключить, что было время, когда рубль и гривенка были тождественны.

Съ этимъ вполнѣ согласуются два лѣтописныхъ извѣстія о кладахъ, найденныхъ въ XVI ст. въ Великомъ Новгородѣ. Одно извѣстіе часто цитируется по Софіевскому Временнику, въ которомъ оно разсказано подъ 1524 годомъ: «начаша понавливать храмъ святую Пятницу на Торговой сторонѣ, въ началѣ московскій гость Дмитрій Ивановъ сынъ Сырковъ... и егда начаша въ лѣвомъ крылѣ починивати... и начаша помостъ взрывати и ту обрѣтоша сокровище отъ многа лѣтъ сокровенно, а не могущу никому сего вѣдати отколѣ сѣ бысть: а сокровенна серебра *древнихъ рублевъ новгородскихъ литыхъ* 170, а *полтинъ литыхъ же* 40 и 4. И повѣдоша сія намѣстникомъ Великого Новгорода и велможамъ, они же пріѣхавше и видѣвше сіе и повелѣша вложити въ сосудъ и запечаташа». Второе лѣтописное извѣстіе менѣе обращало до сихъ поръ на себя вниманіе историковъ и археологовъ, хотя оно касается клада, найденнаго въ 1547 г. въ Новгородѣ самимъ Иваномъ Грознымъ. Извѣстіе объ этомъ содержится въ окончаніи первой Псковской лѣтописи по Снѣгиревскому списку[2]). Вотъ что при этомъ разсказывается: «въ лѣто 7055 (1547) декабря въ 28 день князь великій Іоаннъ Васильевичъ да братъ его князь Георгій пріѣха съ Москвы въ 5

1) Самое раннее свѣдѣніе о гривенкѣ встрѣчается въ одной ливонской грамотѣ 1346 г., въ которой, между прочемъ, читаемъ: «de jungen in den kleten sollen verkopen... zwevel *bi grivinicken*». Bunge, L. E. K. Urkundenbuch, Bd. VI, № 135.

2) П. С. Р. Л., IV, 342.

дней[1]) въ Великій Новгородъ и невѣдомо какъ увѣда казну древнюю сокровенну въ стѣнѣ создателемъ Софіи Премудрости Божіи князя Владиміра Великого, и невѣдомо бысть о семъ никѣмъ, ниже слухомъ, ниже писаніемъ. И тогда пріѣхавъ нощію и начатъ пытати про казну ключаря Софійскаго и пономаря, и много мучивъ ихъ и не допытався, попеже не вѣдаху; и пріиде самъ князь великій на всходъ, куда восхождаху на церковныя полати, и на самомъ всходѣ на правой сторонѣ повелѣ стѣну ломати, и просыпася *велiе* сокровище, древніе *слитки* въ *гривну* и въ *полтину* и въ *рубль*, и насыпавъ *возы* и посла къ Москвѣ». Здѣсь прямо указывается, что Иванъ Грозный нашелъ *слитки*, и притомъ троякаго рода: въ гривну, въ рубль и въ полтину. Это, по нашему мнѣнію, совершенно ясно показываетъ, что здѣсь самыя крупныя единицы называются по представленіямъ 1547 г. о древнихъ единицахъ: таковыми тогда считались большая гривенка, малая гривенка и полтина, то есть 96 золотниковъ, 48 золотниковъ и 24 золотника. Въ такомъ случаѣ *древніе* слитки въ 96 золотниковъ названы гривнами, *древніе* слитки въ 48 золотниковъ названы рублями и наконецъ *древніе* слитки въ 24 золотника названы полтинами. Въ половинѣ XVI вѣка слитки такого вѣса были уже древними, а рубль и полтина, какъ видно изъ Торговой Книги, представляли уже совсѣмъ иной вѣсъ.

Мой второй аргументъ, что рубль въ 216 денегъ первоначально возникъ, какъ рубль Дмитрія Донского, имѣвшій вѣсъ 48 золотниковъ, то есть, что и новгородскій рубль въ 216 денегъ возникъ при самомъ началѣ чеканки новгородской монеты, какъ повтореніе рубля Дмитрія Донского, слѣдовательно, тоже съ вѣсомъ 48 золотниковъ, долженъ имѣть основаніемъ — разсмотрѣніе данныхъ о новгородскихъ монетахъ. Къ этому разсмотрѣнію я и обращаюсь.

Выше я уже высказалъ свое мнѣніе о томъ, по какой причинѣ Новгородъ и Псковъ отстали на 40 лѣтъ отъ остальной Руси и Литвы и позже ихъ приступили къ чеканкѣ собственной монеты; причина эта заключается въ томъ, что *на полной свободѣ чеканить нельзя было, а на почвѣ неволи Новгородъ не желалъ* чеканить. Это было очень невыгодно для Новгорода въ торговомъ отношеніи, но Новгородъ видимо готовъ былъ жертвовать своими торговыми выгодами для своей политической самостоятельности. И онъ выносилъ эту жертву такъ долго, пока у него на это хватало силъ. А силы убавлялись. Старыя «куны» новгородскія все болѣе ветшали, становились «ветхими кунами». Дошло до того, что въ 1410 г. Новгородъ

1) Въ 1535 г. владыка Макарій Новгор. былъ спѣшно вызванъ въ Москву, «а ѣхавъ архіепископъ отъ Великаго Новгорода до Москвы двѣ недѣли и 1 день» или всего 15 дней. П. С. Р. Л., VI, 294.

«куны отложиша» и «начаша новгородцы торговати промежи себе лопьцы (любекскими пенязями?) и гроши литовскими, и артуги нѣмецкими» (прибалтійскими). Во Псковѣ это случилось уже въ 1409 г.: «отложиша во Псковѣ кунами торговати и начаша торговати пѣнязи». А чеканить собственной монеты не желали. Надобно полагать, однако, что невыгоды, съ которыми былъ связанъ этотъ образъ дѣйствій, должны были всѣ болѣе и болѣе обостряться. Изъ двухъ странъ, находящихся въ такихъ постоянныхъ и оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ, какія тогда состояли между Новгородомъ и Низовыми землями, та, которая должна мириться съ разстроенною денежною системою, очень много теряетъ въ пользу другой, особенно если эта другая еще недавно завела новенькую денежную систему, которая еще не успѣла испортиться. А достовѣрно извѣстно, что денги Василія Дмитріевича — такія же, какъ и денги Дмитрія Донского. Этимъ, надобно полагать, агенты Василія Дмитріевича въ Новгородѣ, имѣвшіе тогда за себя большую партію [1]), не преминули воспользоваться. Въ 1420 г. новгородцевъ склонили приступить къ чеканкѣ собственной новгородской денги съ очень страннымъ рисункомъ. По описанію гр. И. И. Толстого «лицевая сторона новгородскихъ денегъ представляетъ неизмѣнно изображеніе двухъ фигуръ, изъ которыхъ одной приданы атрибуты власти, а другая очевидно представленная безъ одежды, изображена въ просительной позѣ съ согнутыми колѣнами и спиною и съ протянутыми руками» [2]). Объ этомъ рисункѣ много спорили, различнымъ образомъ объясняя фигуру съ атрибутами власти: изображается ли въ ней Новгородъ Великій, или великій князь московскій. Съ своей стороны, я думаю, что она ни того, ни другого не изображаетъ, а что весь рисунокъ *эмблематически изображаетъ покорность*. Кому? Неизвѣстно. И именно въ этомъ суть. Подобно тому, какъ Александру Невскому удалось склонить новгородцевъ на татарскую перепись и на уплату татарской дани,— Василію Дмитріевичу удалось склонить новгородцевъ къ чеканкѣ монеты съ изображеніемъ на ней покорности *въ наименѣе обидномъ для новгородцевъ видѣ*. Такъ какъ рисунокъ отличается неопредѣленностью, то онъ допускалъ самыя различныя, даже противуположныя толкованія. Новгородцы могли ссылаться на то, что когда неизвѣстно, кому покоряются, то на дѣлѣ никому не покоряются и остаются независимыми. Агенты Василія Дмитріевича могли оправдывать рисунокъ въ глазахъ новгородцевъ тѣмъ, что онъ въ самомъ мягкомъ видѣ изображаетъ покорность татарамъ. А Василій Дмитріевичъ могъ толковать рисунокъ такъ, какъ тол-

1) Бѣляевъ, Разсказы изъ русской исторіи.
2) гр. И. И. Толстой. Монеты Великаго Новгорода.

куетъ сго гр. И. И. Толстой, что рисунокъ изображаетъ зависимость отъ московскаго великаго князя.

Но что рисунокъ на повгородскихъ монетахъ указываетъ на сильное московское вліяніе, — въ этомъ едва ли можетъ быть сомнѣніе. Въ немъ нетрудно даже усмотрѣть иллюстрацію къ извѣстному разсказу Татищева о томъ, какъ Симеонъ Гордый потребовалъ отъ новгородскихъ пословъ изъявленія покорности по восточному обряду [1]).

При наличности московскаго вліянія на начало чеканки новгородской монеты и при безспорности факта, что Василій Дмитріевичъ чекапилъ свою денгу по той же стопѣ, по которой ее чеканилъ Дмитрій Донской, естественно, что новгородцы начали свою чеканку съ *повторенія* того, что сдѣлалъ Дмитрій Донской и продолжалъ Василій Дмитріевичъ, т. е. съ чеканки 216 денегъ изъ гривенки серебра въ 48 золотниковъ. *Эти то 216 новгородскихъ денегъ составляли новгородскій рубль уже съ 1420 г., т. е. съ начала новгородской чеканки*, потому что вѣсъ этихъ 216 новгородскихъ денегъ былъ 48 золотниковъ; каждая денга имѣла $^{48}/_{216} = {}^{2}/_{9}$ золотника. А рубль они составляли, потому что серебряный слитокъ въ 48 золотниковъ составлялъ рубль.

Этотъ взглядъ довольно сильно уклоняется отъ господствующихъ у нумизматовъ представленій о новгородскихъ денгахъ; поэтому я поставленъ въ необходимость объяснить, чѣмъ это уклоненіе вызывается.

У нумизматовъ имѣется свое, нумизматическое понятіе о новгородской денгѣ, или новгородкѣ: они называютъ новгородскими только монеты съ описаннымъ выше рисункомъ, на которомъ изображена эмблема покорности. Другихъ монетъ, кромѣ монетъ съ этимъ рисункомъ покорности, они къ новгородкамъ не причисляютъ. Монеты же съ рисункомъ покорности нумизматы раздѣляютъ на двѣ группы: монеты времени самобытности Новгорода, слѣдовательно, чеканенныя до 1471 г., и монеты, чеканенныя послѣ покоренія Новгорода. Вторая группа довольно неопредѣленная, такъ какъ не указывается, когда *оканчивается* періодъ времени, къ которому относятся монеты второй группы. Объясняется эта неопредѣленность неизвѣстностью, когда прекратилась чеканка монетъ съ рисункомъ покорности; изученіе монетъ, можетъ быть, когда нибудь это выяснитъ; въ настоящее время этого еще не знаютъ. Такимъ образомъ, по нумизматическому понятію о новгородкѣ, она относится къ 1420—1505 гг. Время отъ воцаренія

---

1) Татищевъ. Ист. россійск., Спб. 1784, книга IV, стр. 147: при переговорахъ между Симеономъ Гордымъ и новгородцами, «князь великій рече имъ, да пріидутъ предъ мя посадники и тысяцкій *боси* и просятъ при всѣхъ князѣхъ *на колѣняхъ*; они же *намѣстника моего да чтятъ* и *всякій предъ нимъ кланяется* и не садится, даже кому велитъ сести».

Василія Іоанновича въ 1505 г. до 1535 г. погружено въ нѣкоторый туманъ. Съ 1535 г. нумизматы уже говорятъ о копѣйкахъ, которыя существенно отличаются нумизматами отъ новгородокъ.

Это нумизматическое понятіе о новгородкѣ существеннѣйше отличается отъ того понятія о новгородской денгѣ и новгородкѣ, съ которымъ приходится очень часто встрѣчаться, какъ въ лѣтописяхъ, такъ и въ документахъ XV, XVI и XVII вв., оффиціальныхъ и частныхъ. Понятіе о копѣйкѣ имъ чуждо до царствованія Алексѣя Михайловича. А до этого царствованія то, что нумизматы называютъ копѣйкою, въ документахъ называется новгородскою денгою или просто новгородкою. Въ XVI в. даже послѣ 1535 г., когда установленъ былъ рисунокъ копейной денги, она всегда называется новгородскою денгою. Да и рисунокъ этотъ установленъ для видимаго отличія новгородской (копейной) отъ московской (мечевой) денги. До 1535 г. этого различія по рисункамъ не было и новгородская денга отличалась отъ московской только по вѣсу. А группировкою нумизматическаго матерьяла по вѣсу въ связи съ хронологическими признаками у насъ еще почти совсѣмъ не занимались.

Такимъ образомъ, въ нашей нумизматикѣ новгородками называется недостаточно опредѣленная группа монетъ, составляющая *лишь часть* тѣхъ монетъ, которыя въ реальной исторической жизни *были* и *назывались* новгородскими денгами или новгородками. Даже для времени Ивана III, послѣ покоренія Новгорода, слѣдовательно съ 1471 по 1505 г. (періодъ, охватывающій 35 лѣтъ) нельзя имѣть увѣренности, что всѣ новгородки чеканились съ рисункомъ покорности, первоначально новгородскимъ; возможно, что чеканились въ Новгородѣ монеты съ иными рисунками, но одинаковаго вѣса съ тѣми, которые считаются новгородками у нумизматовъ.

Изложенныя объясненія указываютъ, однако, лишь на одну причину, по которой трудно оставаться на той почвѣ, на которой обыкновенно стоятъ нумизматы, когда они говорятъ о новгородкахъ. Гораздо болѣе существенное значеніе имѣетъ еще другая причина той же трудности. Причина эта заключается въ господствующемъ у нумизматовъ взглядѣ на вѣсъ новгородокъ. По этому взгляду новгородки во все время своего существованія (а это время, какъ выше объяснено, далеко не отличается опредѣленностью) *всегда сохраняли одинъ и тотъ же вѣсъ*, въ среднемъ около 18 долей. Предполагается, слѣдовательно, что этотъ вѣсъ въ XV ст. *никогда не измѣнялся*. И этотъ вѣсъ никогда нумизматами не былъ соображенъ съ ясными указаніями лѣтописи о вѣсѣ новгородской денги при Василіи Іоанновичѣ и съ того времени, когда новгородская денга стала копейкою.

Это отношеніе нумизматовъ къ вѣсу новгородской денги едва ли пра-

вильно, тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ совершенно ясное и очень полное извѣстіе лѣтописи о томъ, что въ 1447 г. произведена была перемѣна въ вѣсѣ новгородки. Лѣтопись разсказываетъ, что въ этомъ году «начаша люди денги хулити серебряные даже и вси новгородци, другъ на друга смотря, и бысть между ними голка и мятежъ и нелюбовь». Причина же этой смуты тутъ же и объясняется такъ: «посадникъ и тысяцкіа и *весь Новгородъ* (т. е. вѣче) уставиша 5 денежниковъ и начаша *переливать* старыя денги и *новыя* ковати». Такимъ образомъ денги, которыхъ чеканка началась въ 1420 г., оказались въ 1447 г. уже «старыми» и весь Новгородъ взялъ въ свое непосредственное вѣдѣніе чеканку монеты и «уставиша 5 денежниковъ, начаша переливати» старыя денги, «а новыя ковати». При этомъ, правда, объясняется, что новыя денги начали чеканить «въ ту же *мѣру*, по 4 почки таковы же». Къ сожалѣнію мы не знаемъ, что такое были въ 1447 г. 4 почки и довольно странно, что по ихъ поводу говорится о *мѣрѣ* денегъ (т. е. ихъ размѣрѣ), а не объ ихъ *вѣсѣ*. (Изъ Торговой Книги мы знаемъ, что въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в. считали въ золотникѣ 25 почекъ, въ гривенкѣ 1200, а слѣдовательно въ фунтѣ 2400; но это видимо относилось только къ денгамъ, которыя чеканились по распоряженію 1535 г., т. е. по 300 новгородокъ изъ гривенки, слѣдовательно по 1200 : 300 = 4 почки въ денгѣ 1535 г. Такъ какъ мы въ точности знаемъ, что въ 1535 г. *увеличено* было число денегъ, чеканившихся изъ гривенки, даже противъ 260 денегъ, чеканившихся при Василіи Іоанновичѣ, а тѣмъ болѣе противъ числа денегъ, чеканившихся въ 1447 г., то очевидно, что 4 почки 1447 г. и 4 почки 1535 г. представляли подъ однимъ названіемъ *различныя* вещи, а изъ извѣстія, что денги 1447 г. были въ 4 почки «въ ту же мѣру» мы ровно ничего не узнаемъ; можетъ быть словами «въ ту же мѣру» указано лишь, что въ 1447 г. денги были такого же *размѣра*, какъ въ 1420 г., и только ихъ вѣсъ былъ измѣненъ).

Если вѣсъ новгородки былъ въ 1420 г. одинъ, въ 1447 г. другой, въ 1510 г. третій, а съ 1535 г. четвертый, то «средній» вѣсъ новгородки, показываемый нумизматами въ 18 долей, намъ ровно ничего не говоритъ ни о томъ, какой онъ былъ въ 1420 г., ни о томъ, какой онъ былъ въ 1447 г., какъ мы ничего не знаемъ о томъ, какой онъ былъ послѣ покоренія Новгорода до 1505 г.[1]). Очевидно, во всякомъ случаѣ одно: что если

1) Не излишне здѣсь отмѣтить, мимоходомъ, одно изъ послѣдствій, которое имѣло заблужденіе, будто бы новгородка всегда имѣла вѣсъ 18 долей. Исходя изъ этого вѣса и изъ того, что по распоряженію 1535 г. изъ 96 золотниковъ чеканили 600 новгородокъ, изъ этого заключили, что вѣсъ 96 золотниковъ, изъ которыхъ чеканили 600 новгородокъ, составлялъ $600 \times 18 = 10800$ долей $= 112\frac{1}{2}$ золотниковъ нынѣшнихъ. Отсюда — увѣренія Прозоровскаго, что существовалъ старинный русскій фунтъ, тоже изъ 96 золотниковъ, равнявъ-

въ общемъ среднемъ (съ 1420 до 1510 г.) вѣсъ новгородки былъ 18 долей, то значитъ *въ началѣ* чеканки новгородокъ онъ былъ *больше*. Изъ значительнаго числа взвѣшенныхъ графомъ И. И. Толстымъ новгородокъ естественно выдѣляется группа наиболѣе тяжелыхъ 20 монетъ, общій вѣсъ которыхъ составляетъ 418 долей, т. е. въ среднемъ достигаетъ 20.9 долей или почти 21 доли. Это почти совпадаетъ съ тѣмъ вѣсомъ, который мы считаемъ нормальнымъ для денги Дмитрія Донского и Василія Дмитріевича, считая, что и они чеканили 216 денегъ изъ гривенки въ 48 золотниковъ = 4608 долей. Нормальный вѣсъ составляетъ 4608 : 216 долей = $21\frac{1}{3}$ доли. Этому то вѣсу соотвѣтствуютъ *наиболѣе тяжелыя новгородки*, которыя мы *и считаемъ старѣйшими*. Онѣ намъ ясно показываютъ, почему 216 денегъ новгородскихъ считались новгородскимъ рублемъ: это было потому, что 216 денегъ новгородскихъ имѣли вѣсъ 48 золотниковъ, а этотъ вѣсъ имѣлъ и серебряный слитокъ въ 48 золотниковъ, считавшійся рублемъ. Мы можемъ измѣнить направленіе, въ которомъ дѣлается этотъ выводъ и его выразить иначе: такъ какъ мы достовѣрно знаемъ, что 216 новгородскихъ денегъ считались рублемъ всегда до конца XVI вѣка, а слѣдовательно и при началѣ чеканки новгородокъ, и такъ какъ при началѣ чеканки 216 новгородокъ имѣли 48 золотниковъ, то значитъ рублемъ еще въ 1420 г. считали слитокъ въ 48 золотниковъ серебра.

Мы знаемъ въ точности, что въ 1447 г. вѣсъ новгородки уменьшился. И уже Чертковъ отмѣтилъ сильное уменьшеніе, происшедшее въ вѣсѣ московской денги при Василіи Темномъ, во вторую половину его правленія. Около этого времени московская денга становится по вѣсу половиною новгородской денги. И какъ разъ съ этого времени начинаются дошедшія до насъ, изложенныя выше, извѣстія о различныхъ денежныхъ счетахъ, новгородскомъ и московскомъ. Довольно вѣроятно, что когда вѣсъ новгородки дошелъ до 18 долей и когда Василій Темный уменьшилъ вѣсъ своихъ денегъ до 9 долей, то на этой почвѣ сначала фактически установилось равенство новгородки двумъ московкамъ. Но до этого времени отдѣльнаго московскаго рубля не было. Рублемъ назывался слитокъ въ 48 золотниковъ

шихся нынѣшнимъ $112\frac{1}{2}$ золотникамъ. Въ какой мѣрѣ это заключеніе произвольно и неправильно, видно изъ слѣдующаго. Тоже самое лѣтописное извѣстіе, которое намъ сообщаетъ, что съ 1535 г. чеканили изъ 96 золотниковъ 600 новгородокъ, сообщаетъ намъ, что при отцѣ Ивана Грознаго изъ тѣхъ-же 96 золотниковъ чеканили 520 новгородокъ; слѣдовательно, при вѣсѣ новгородки въ 18 долей, вѣсъ всѣхъ 96 золотниковъ составлялъ $520 \times 18 = 9360$ долей = $97\frac{1}{2}$ золотниковъ. Но несомнѣнно былъ и такой моментъ, когда изъ 96 золотниковъ чеканили 432 новгородки (изъ гривенки 216), въ такомъ случаѣ вѣсъ 96 золотниковъ былъ $432 \times 18 = 7776$ долей = 81 золотникъ нынѣшнихъ. На этой почвѣ можно «открыть» очень много «старинныхъ» вѣсовыхъ единицъ, никогда на самомъ дѣлѣ не существовавшихъ.

серебра, т. е. вѣсомъ въ гривенку, которая отъ этого была рублевая гривенка. Изъ этой то гривенки Москва и Новгородъ первоначально чеканили одинаково 216 денегъ для того, чтобъ русскій денежный счетъ не уклонялся отъ привычнаго для населенія татарскаго денежнаго счета. И пока они оставались на этой общей почвѣ денежный счетъ могъ быть одинъ и тотъ же для Москвы и для Новгорода, а въ ихъ обращеніи могли одновременно состоять и рублевые слитки въ 48 золотниковъ и денга. Но когда началось уменьшеніе вѣса денги, какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Москвѣ, и когда это уменьшеніе пошло однимъ темпомъ, болѣе медленнымъ, въ Новгородѣ, а другимъ, болѣе быстрымъ, въ Москвѣ, то одинаковый денежный счетъ въ Новгородѣ и въ Москвѣ сдѣлался невозможностью. Необходимо должны были возникнуть два различныхъ денежныхъ счета, потому что новгородская денга разошлась съ московскою денгою и новгородскій рубль сталъ больше московскаго рубля. Въ эту то дисгармонію нѣкоторый порядокъ внесенъ былъ, во-первыхъ, тѣмъ, что московскую денгу стали уже сознательно и намѣренно держать на уровнѣ половины новгородской денги, и во-вторыхъ тѣмъ, что московскій рубль былъ фиксированъ въ сто новгородскихъ денегъ и, слѣдовательно, въ 200 московскихъ денегъ; при этомъ, вѣроятно, и московская гривна опредѣлена въ десять новгородокъ или 20 московокъ, вслѣдствіе чего московская полтина стала пятигривеннымъ серебромъ. Вслѣдствіе этого въ окончательномъ результатѣ 100 новгородскихъ рублей уравнены съ 216 московскими рублями, какъ объяснено выше. То обстоятельство, что при этомъ московскія денежныя единицы пригонялись къ новгородкѣ, совершенно ясно доказываетъ, что въ Москвѣ тогда уже не боялись, что новгородка будетъ самостоятельными движеніями разстраивать московскіе расчеты и распоряженія: слѣдовательно, все это могло произойти уже не при Василіи Темномъ, а при Иванѣ III, *послѣ покоренія Новгорода*, вѣроятно, въ началѣ послѣдней четверти XV в.

Но уменьшеніе первоначальнаго вѣса московской и новгородской денги ниже нормы $^2/_9$ золотника ($21^1/_3$ доли), то есть, чеканка изъ гривенки не 216, а большаго числа денегъ, должны были имѣть другое неминуемое послѣдствіе. Герберштейнъ, посѣтившій Россію при Василіи Іоанновичѣ, разсказываетъ, что онъ уже не видѣлъ рублевыхъ слитковъ, а только слышалъ разсказы о томъ, что они прежде были въ употребленіи. Мы въ состояніи указать въ точности дату, когда произошла эта перемѣна: когда рубль пересталъ быть реальнымъ предметомъ въ видѣ слитка въ 48 золотниковъ серебра и сталъ *только счетною единицею*, выражавшею *число* 216 новгородскихъ денегъ, составлявшихъ новгородскій рубль, или 200 московскихъ денегъ, составлявшихъ московскій рубль: когда «рубль серебра» превра-

тился въ «рубль денегъ». Четвертая новгородская лѣтопись сохранила намъ объ этомъ обстоятельное свѣдѣніе подъ 1447 г. Въ томъ же году, когда новгородцы стали переливать свои старыя денги въ новыя, «новгородци охулиша сребро (слитки), рубли *старые и новые*: бѣ денежникомъ прибытокъ, сребро (слитки) *передѣлаша въ денги*». Что такое тутъ значитъ «рубли старые и новые», мы въ точности не знаемъ: быть можетъ, послѣ 1420 г., когда въ Новгородѣ началась чеканка монеты, какая нибудь перемѣна была произведена уже до 1447 г., и оттого явилась возможность различать рубли, вѣсомъ въ гривенку (старые рубли) и рубли уменьшеннаго вѣса (новые рубли). Чтобъ еще болѣе подчеркнуть обширное значеніе переливки рублевыхъ слитковъ въ денги, лѣтопись далѣе разсказываетъ: «того же лѣта выведе Сокира посадникъ *ливца и вѣсца серебряного*, Ѳедора Жеребца, на вѣче, напоивъ его, нача сочити: на кого еси лилъ (т. е. переливалъ въ денги) рубли; онъ же оговори 18 человѣкъ и по его рѣчамъ иныхъ съ мосту сметаша, а иныхъ домы разграбиша и *изъ церквей вывозиша животы ихъ, а преже того по церквамъ не искивали*. И того же Ѳедора начаша безъправдивыи бояре научати говорить на многихъ людей, претяще ему смертью; *онъ же протрезвився*, рече: *на всѣхъ есьмъ лилъ, на всю землю*, и вѣсилъ *съ своею братьею*, ливци; тогда бѣ весь градъ въ сѣтованьи мнозѣ». Между двумя событіями, о которыхъ разсказываетъ лѣтопись подъ 1447 г.: между перечеканкою «старыхъ» новгородскихъ денегъ въ «новыя» и всеобщею переливкою слитковъ рублевыхъ въ денги «на всѣхъ», «на всю землю», вслѣдствіе чего въ дѣлѣ участвовали всѣ «вѣсцы и ливци серебряные», вся ихъ «братья», находится внутренняя необходимая связь. Мы знаемъ, что новгородскій рубль *всегда* оставался рублемъ въ 216 денегъ: вѣсъ древнѣйшихъ, самыхъ тяжелыхъ новгородокъ, показываетъ, что такимъ онъ былъ уже въ 1420 г., а распоряженіе, состоявшееся при Ѳедорѣ Іоанновичѣ, показываетъ, что таковымъ онъ оставался еще въ концѣ XVI в. Такимъ образомъ новгородскій рубль, въ качествѣ счетной единицы, совсѣмъ не измѣнялся въ теченіе всего времени своего существованія. Но отношенія его къ рублю, какъ слитку серебра въ 48 золотниковъ, не могли оставаться одинаковыми въ теченіе того же времени. Пока нормальный вѣсъ новгородской денги составлялъ $^2/_9$ золотника или $21^1/_3$ доли, 216 *такихъ* денегъ, или рубль новгородскій въ *этихъ* денгахъ, представляли вѣсъ въ 48 золотниковъ и поэтому *ничѣмъ не отличались* отъ серебрянаго слитка въ 48 золотниковъ. Поэтому серебряные слитки въ 48 золотниковъ могли обращаться рядомъ съ новгородскими денгами въ $21^1/_3$ долей. Но когда вѣсъ новгородской денги понизился до 18 долей, то есть, когда изъ 48 золотниковъ или 46,08 долей стали чеканить

4608 : 18 = 256 денегъ, тогда положеніе существенно измѣнилось: 256 денегъ составляли 216 + 40 денегъ, то есть, одинъ новгородскій рубль и 3 новгородскія гривны безъ двухъ денегъ (3 × 14 — 2 = 40). Слѣдовательно, обладатель серебрянаго слитка въ 48 золотниковъ, сохранявшій его въ видѣ слитка, какъ рубля, въ натурѣ, терялъ отъ этого 3 гривны безъ двухъ денегъ. Для того же чтобъ не подвергаться этой потерѣ, онъ неминуемо долженъ былъ перелить свой слитокъ въ монету въ видѣ новой новгородской деньги въ 18 долей.

Такъ какъ пониженіе вѣса денги началось въ Москвѣ и въ ней пошло очень скорымъ темпомъ, то прежде всего должны были исчезнуть изъ обращенія серебряные рубли въ Москвѣ; но съ 1447 г. тоже самое должно было произойти въ Новгородѣ. Поэтому то Герберштейнъ чрезъ 50 лѣтъ уже засталъ одни лишь воспоминанія о слиткахъ.

Конечно, странно, что и послѣ покоренія Новгорода въ московскомъ государствѣ еще продолжался новгородскій денежный счетъ. Но и въ XIX столѣтіи послѣ покоренія Польши и Кавказа въ нихъ еще долго продолжался мѣстный денежный счетъ, а выселившіеся недавно въ Канаду русскіе духоборы продолжаютъ въ ней свой денежный счетъ на рубли: эти явленія происходятъ потому, что денежный счетъ принадлежитъ къ органическимъ основамъ жизненной прозы, не легко поддающимся измѣненію и искорененію. Съ новгородскимъ же денежнымъ счетомъ были связаны интересы, весьма серьезные. Московскому фиску было очень выгодно собирать налоги и сборы въ крупныхъ повгородскихъ рубляхъ, гривнахъ и денгахъ. И для всего русскаго населенія нѣкоторыя новгородскія денежныя единицы тоже были болѣе удобными. Вотъ почему до нашихъ дней вмѣстѣ съ московскимъ рублемъ и московскою гривною дошла новгородская (копейная) денга или копѣйка, въ качествѣ одной изъ основныхъ нашихъ единицъ; московская же денга (наша денежка) сохранила лишь подчиненное, второстепенное значеніе. Московскій рубль и московская гривна тоже дошли до насъ по ихъ новгородскому составу (изъ 100 новгородскихъ денегъ или изъ 10 ихъ), но не по ихъ московскому составу (изъ 200 московскихъ денегъ, или изъ 20 ихъ). Это доказываетъ, что и московскій рубль и московская гривна дошли до насъ, только благодаря тому, что въ свое время они были приноровлены къ новгородскому денежному счету. Живучесть, безъ которой нѣтъ историческаго развитія, одинаково была присуща новгородскому и московскому денежному счету. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что долго они параллельно оставались одновременно въ силѣ, что ни одна изъ этихъ системъ счета не покорила другой, а путемъ сліянія они образовали нынѣшній нашъ денежный счетъ.

VI.

Нумизматами, прежде всего Чертковымъ, давно уже констатированъ фактъ сильнаго уменьшенія вѣса московской денги при Василіи Темномъ. Приводя этотъ фактъ въ связь съ начинающимися около половины XV в. извѣстіями о томъ, что въ употребленіи были два денежные счета, мы изъ этого заключили, что около половины XV в. вслѣдствіе сильнаго уменьшенія вѣса московской денги московскій денежный счетъ дифференцировался (отдѣлился и обособился) отъ новгородскаго. Но основаніе ему положено не тѣмъ только, что вѣсъ московской денги былъ пониженъ, а тѣмъ, что этому отдѣльному пониженію вѣса московской денги *былъ положенъ предѣлъ* опредѣленіемъ *отношенія* московскаго денежнаго счета *къ новгородскому*. Для этого то и установлено троякое: 1) московская денга сдѣлана половиною денги новгородской, 2) на московскій рубль положено сто денегъ новгородскихъ и 3) на московскій рубль положено десять гривенъ, т. е. положено считать въ гривнѣ по десяти новгородокъ. Что уже въ XV в. одна новгородская денга равняется двумъ московскимъ, неоднократно видно изъ писцовыхъ книгъ и другихъ дошедшихъ до насъ документовъ, какъ изъ нихъ же видно, что московскій рубль состоялъ изъ полтинъ по пяти гривенъ. Все это сдѣлано Иваномъ III, чеканка котораго обратила на себя вниманіе нумизматовъ[1]) тѣмъ, что при Иванѣ III «наравнѣ съ легковѣсною монетою, однородною (равною) по вѣсу съ монетою Василія Темнаго второй половины его княженія, около 8—9 долей, стала(?) чеканиться тяжеловѣсная монета въ 16—18 долей со всадникомъ (съ занесеннымъ мечемъ, или съ копьемъ); по вѣсу эти денги одинаковы съ новгородками». Но невѣрно усматривать въ этомъ «уравненіе московскихъ денегъ съ новгородскими», которое будто бы сдѣлано «послѣ покоренія въ 1478 г. Великаго Новгорода». Никакого уравненія московскихъ денегъ съ новгородскими не произошло послѣ 1478 г.; напротивъ, съ этого времени окончательно установилось различіе между ними. Это категорически доказываютъ всѣ, дошедшіе до насъ документы, въ которыхъ упоминаются денежныя суммы. Иванъ III, какъ и его преемники, чеканилъ и маловѣсныя (московскія) и полновѣсныя (новгородскія) денги. И если онъ не установилъ отдѣльнаго для нихъ рисунка, то и безъ этого его заслуга въ дѣлѣ чеканки монеты очень велика уже потому, что онъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ чеканку монеты[2])

1) А. В. Орѣшниковъ, Русскія монеты до 1547 г., стр. 120.

2) «А сынъ мой Юрій зъ братьею по своимъ удѣломъ въ московской землѣ и въ тверской денегъ дѣлати не велятъ, а денги велитъ дѣлати сынъ мой Василей, на Москвѣ и во Твери, *какъ было при мнѣ*». Духовная Іоанна III, С. Г. Г., I, № 144, стр. 397.

и съ его времени отношеніе между новгородскимъ и московскимъ денежнымъ счетомъ установилось на прочномъ основаніи.

Входить въ разсмотрѣніе денегъ Василія Ивановича нѣтъ надобности, такъ какъ по точному лѣтописному извѣстію онъ чеканилъ изъ скаловой гривенки 260 новгородскихъ денегъ или 520 московскихъ денегъ. Нормальный вѣсъ первыхъ въ $4608 : 260 = 17.72$ доли и вторыхъ $4608 : 520 = 8.86$ доли даетъ намъ возможность посредствомъ взвѣшиванія его монетъ получить убѣжденіе, что скаловая гривенка уже съ начала XVI в. состояла изъ 48 нынѣшнихъ золотниковъ.

Для доказательства же, что и въ два предшествовавшія столѣтія, XV и XIV, гривенка имѣла тотъ же вѣсъ, все наше изложеніе обстоятельствъ, касающееся денежнаго счета въ эти столѣтія, даетъ, надѣемся, достаточное основаніе. Древнѣйшія денги московскія, Дмитрія Донского и Василія Дмитріевича, также точно какъ древнѣйшія денги новгородскія, имѣли нормальный вѣсъ $^2/_9$ золотника; 216 ихъ составляли рубль и имѣли вѣсъ 48 золотниковъ. Изъ этого мы заключаемъ, что рубль первоначально имѣлъ вѣсъ 48 золотниковъ, какъ въ XV, такъ и въ XIV ст. А такъ какъ этотъ рубль былъ и гривенкою, то поэтому гривенка въ 48 золотниковъ называлась рублевою гривенкою. Въ этомъ названіи выражалось первоначальное совпаденіе рубля и гривенки, ихъ тождество. *Рублевая гривенка одновременно была и денежною, и вѣсовою единицею*, какъ древнегреческая мина, или древнегреческая драхма, или въ столѣтія ранняго средневѣковья французскій и англійскій ливръ, нѣмецкая и скандинавская марки, были одновременно и денежными, и вѣсовыми единицами. Фактовъ этого совпаденія историческая метрологія знаетъ довольно много и оно на извѣстной степени развитія культуры даже необходимое явленіе, какъ будетъ ниже выяснено. Но денежная и вѣсовая единицы у насъ совпадали въ рублевой гривенкѣ только въ XIV столѣтіи и въ началѣ XV ст. Какъ только началось пониженіе вѣса денги, московской и новгородской, ниже первоначальной нормы $^2/_9$ золотника, рубль и гривенка разошлись. Рубль сталъ означать только *рубль денегъ*, то есть 216 новгородскихъ денегъ у новгородцевъ и 100 этихъ денегъ или 200 московскихъ въ низовыхъ земляхъ. Рубль потерялъ свою непосредственную связь съ вѣсомъ, т. е. онъ уже не означалъ *всегда одинъ и тотъ же* вѣсъ, состоя въ зависимости отъ вѣса денги. Оторвавшаяся же отъ рубля (дифференцировавшаяся отъ него) гривенка потеряла значеніе денежной единицы и стала *исключительно вѣсовою* единицею. Поэтому она получила *новое* названіе гривенки *скаловой* или вѣсовой. Скаловыми вѣсы назывались у насъ изстари.

Но если первоначально рубль и гривенка составляли одно цѣлое и оба

вмѣстѣ служили своему назначенію, то мы въ точности знаемъ, что рубль явился въ очень опредѣленное время, до котораго его не было. Очевидно, что этотъ фактъ имѣетъ первостепенную важность и для исторіи той вѣсовой единицы, которая называлась гривенкою.

Еще въ началѣ XIV в. мы встрѣчаемъ денежныя суммы, выраженныя въ гривнахъ серебра и лишь около конца первой четверти XIV вѣка появляются денежныя суммы выраженныя въ рубляхъ, и съ тѣхъ поръ, какъ было выше указано, денежныя суммы въ гривнахъ серебра уже перестаютъ упоминаться. Съ тѣхъ поръ также, всегда, когда вѣсъ вещей упоминается, онъ всегда выражается въ гривенкахъ. Въ гривнахъ вѣсъ уже не выражается никогда. Даже когда со временъ Грознаго являются упоминанія о вѣсѣ, выраженномъ въ «большихъ» гривенкахъ, большая гривенка составляетъ лишь удвоеніе малой гривенки въ 48 золотниковъ. Основное значеніе имѣетъ съ XIV в., какъ центральная вѣсовая единица, только эта малая гривенка. Въ этой роли ее вытѣсняетъ нынѣшній нашъ фунтъ лишь съ царствованія Алексѣя Михайловича.

Подобно тому, какъ рублевая гривенка была одновременно *и вѣсовою, и денежною* единицею, домонгольская гривна тоже была одновременно и вѣсовою, и денежною единицею. И подобно тому, какъ рублевая гривенка долгое время, до начала чеканки монеты Дмитріемъ Донскимъ, реально представлялась серебрянымъ слиткомъ, имѣвшимъ вѣсъ 48 золотниковъ или гривенки и представлявшимъ реальное воплощеніе рубля, — такъ точно и домонгольскою гривною, по опредѣленію Соловьева, назывался *кусокъ серебра, имѣвшій вѣсъ гривны*[1]). Почему же слитокъ — гривна смѣнился слиткомъ — рублемъ; почему вѣсъ гривны смѣнился вѣсомъ гривенки? По какой причинѣ произошла эта перемѣна?

Эти вопросы у насъ никогда даже еще и не ставились ни въ XVIII, ни въ XIX ст. Конечно, произвольно утверждать, что рубль произошелъ отъ того, что гривну разрубили пополамъ, еще не значитъ подходить къ поставленному нами вопросу. Во-первыхъ, это произвольное утвержденіе совсѣмъ ничего не говоритъ о причинѣ, по которой гривна была разрублена, а именно этой причины только и касается нашъ вопросъ. Во-вторыхъ, болѣе чѣмъ сомнительно, чтобъ слово «рубить» въ старину имѣло одинъ только тотъ механическій и матеріальный смыслъ, который оно сохранило въ нашемъ послѣ-петровскомъ языкѣ. Въ старину слово рубить и особенно «разрубъ», «разрубы» употреблялось еще въ податномъ языкѣ въ смыслѣ ум-

1) Соловьевъ. Исторія Россіи, III, 53 (изд. 1857 г.); впрочемъ Соловьевъ-же, IV, 258 утверждалъ, что «старая гривна серебра и новый рубль одно и тоже». Но почему «старая гривна» въ XIV ст. была переименована въ «новый рубль», этого Соловьевъ не объясняетъ.

ственнаго дѣленія на доли или части и для обозначенія въ этомъ смыслѣ дѣйствій по распредѣленію податныхъ тяготъ. Подобнымъ же образомъ слово «шиллингъ» произошло отъ древне-нѣмецкаго слова, означавшаго раздѣленіе. Любопытно, что на это родство между словомъ рубль и словомъ шиллингъ указалъ уже 35 лѣтъ тому назадъ знаменитый нѣмецкій ученый нумизматъ, Гроте, въ его обширной монографіи о солидахъ и денаріяхъ меровинговъ [1]).

Труднѣйшая часть поставленнаго нами вопроса касается *не слитковъ* гривны и гривенки (эта сторона вопроса, какъ мы сейчасъ увидимъ, рѣшается сравнительно просто). Труднѣйшую нужно считать ту сторону вопроса, которою онъ обращенъ къ *вѣсу*: почему вѣсовая единица въ видѣ гривенки замѣнила вѣсовую единицу въ видѣ гривны?

Къ сожалѣнію до насъ не дошло никакихъ указаній, ни письменныхъ, ни археологическихъ, на основаніи которыхъ можно было въ какомъ бы то ни было видѣ сдѣлать какое нибудь заключеніе, относящееся къ нашему вопросу. Догадокъ по нему тоже никогда не было высказываемо, потому что вопросъ никогда не ставился.

При такомъ положеніи всегда обращаются къ сравнительно-историческимъ указаніямъ, особенно если они имѣются при обстоятельствахъ однородныхъ. А указанія этого рода въ настоящемъ случаѣ имѣются.

Какъ извѣстно, германскіе народы, столкнувшись съ римлянами, у нихъ заимствовали ихъ вѣсовую единицу, либру въ 327,456 граммовъ или $^4/_5$ нашего фунта. По этому вѣсу чеканили свои монеты и франки, и вестготы, и остъ-готы, и лонгобарды, и бургунды и проч. Въ Скандинавіи тоже найдены гири, доказывающія, что и въ нее очень рано проникъ римскій вѣсъ. Проникъ онъ въ тоже время и въ Англію, или въ ней оставался со временъ римскаго господства. Такимъ образомъ, повсюду, гдѣ осѣли германцы, сначала распространена была римская либра. Но при Карлѣ Великомъ, можетъ быть даже уже при его отцѣ, происходитъ перемѣна. Германцы уже съ V ст. считали 240 денаровъ на либру. Этотъ счетъ такъ глубоко вкоренился, что у французовъ онъ продержался до французской революціи, у англичанъ держится до сихъ поръ, а въ Германіи держался очень долго въ томъ же видѣ, а потомъ только слегка измѣнился. Сначала 240 монетъ (денаровъ, денье, пенинговъ или пенязей, пфенниговъ или пенсовъ) имѣли вѣсъ римской либры. Но съ Пипина Короткаго, а еще болѣе при Карлѣ Великомъ, 240 монетъ представляютъ вѣсъ, чувствительно уве-

1) Grote, Die Solidi und Denarii der Merowinger (Münzstudien Bd. II, S. 853). Здѣсь между прочимъ приводится цитата изъ одного датскаго писателя: skillia quod est *separare, distribuere*, совсѣмъ какъ въ нашемъ старинномъ податномъ словоупотребленіи.

личившійся. Изъ этого заключаютъ, что измѣнилась вѣсовая единица, что Карлъ Великій вмѣсто римской либры ввелъ новый фунтъ, который принято называть по его имени (pondus Caroli M., la livre de Charlemagne). Въ зависимости отъ взглядовъ различныхъ изслѣдователей на вѣсъ монетъ Карла Великаго, одни принимаютъ вѣсъ фунта Карла Великаго въ 15 римскихъ унцій (по 27,288 граммовъ = $6^2/_5$ золот.), другіе его опредѣляютъ въ $13^2/_3$ римскихъ унцій ($87^1/_2$ золотниковъ), третьи совсѣмъ подвергаютъ сомнѣнію самое его существованіе, допуская, что его никогда не было. Но какъ бы ни обстояло дѣло съ фунтомъ Карла Великаго, — въ половинѣ XI в., въ связи съ окончательно устанавливающимся тогда укладомъ государственнымъ и особенно экономическимъ, во всей западной Европѣ происходитъ всеобщая и любопытная перемѣна въ отношеніи употребляемаго вѣса. Повсюду оказывается, что не только фунтъ Карла Великаго, превышающій древне-римскій, представляетъ слишкомъ *крупную* вѣсовую единицу, но даже и древне-римская либра оказывается *слишкомъ большою* вѣсовою единицею. Слишкомъ большими оказываются и различныя видоизмѣненія римской либры, возникшія въ Скандинавіи и въ Англіи. Повсюду обнаруживается стремленіе къ *уменьшенію* вѣса и къ установленію на много столѣтій *уменьшенной* вѣсовой единицы. Эта уменьшенная вѣсовая единица особенно требуется потому, что повсюду еще продолжается ея тѣсная связь съ главною, самою значительною, денежною единицею и эта связь даже еще болѣе обостряется. Денежныя же единицы, какъ и вѣсовыя, повсюду на Западѣ были позаимствованныя у древняго міра, построенныя на подражаніи ему, но оказавшіяся совершенно непосильными для германцевъ, совершенно несоотвѣтствующими низкому уровню ихъ культуры въ тѣ времена. Они уже въ концѣ VII ст. отстали отъ золотой монеты, которую они сначала чеканили по образцу римской и византійской; по впослѣдствіи не въ состояніи были остаться и при той болѣе тяжеловѣсной серебряной монетѣ, которую для нихъ чеканилъ Карлъ Великій и его ближайшіе преемники. Параллельно этому то уменьшенію вѣса единственной, тогда чеканившейся, монеты, серебряной, около половины XI вѣка происходитъ и уменьшеніе вѣсовой единицы. Сначала въ Скандинавіи и въ Англіи, а затѣмъ во Франціи и Германіи, либра, фунтъ, ливръ, о которыхъ до этого часто упоминаютъ западно-европейскіе источники, *уступаетъ мѣсто маркѣ*. Марка возникаетъ, будучи одновременно и денежною, и вѣсовою единицею, и въ этой двойственной роли остается долгое время, подобно тому, какъ до нея, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ одновременно съ нею, ливръ являлся въ той и другой роли. Откуда взялся вѣсъ марки, въ различныхъ странахъ сильно разнообразившійся, до сихъ поръ еще очень мало изслѣдовано. Но въ одномъ нѣтъ сомнѣнія, а именно въ

томъ, что въ однихъ странахъ, напр. во Франціи, марка составляла половину новаго ливра марковаго вѣса (la livre au poid de marc), *впослѣдствіи* установившагося (во Франціи съ XIII в.). Въ другихъ странахъ, напр. въ Англіи марка составляла $^2/_3$ фунта, тоже лишь потомъ установившагося въ Англіи въ видѣ монетнаго тоуэрнаго ливра (the moneyers Tower pound). Еще разнообразнѣе былъ вѣсъ марки въ Германіи, въ которой различныя мѣстности на ея почвѣ потомъ усвоили себѣ различные фунты.

Полнѣйшую апалогію *появленія уменьшеннаго вѣса въ видѣ марки*, замѣняющей предшествующій ей болѣе значительный вѣсъ либры или ливра, который самъ впослѣдствіи уступаетъ свое мѣсто вѣсу, болѣе значительному въ два или полтора раза, — полнѣйшую этому аналогію представляетъ у насъ въ XIV столѣтіи появленіе гривенки. Уже ея уменьшительное названіе, съ которымъ новый вѣсъ упоминается въ нашихъ источникахъ до XVI в., показываетъ, что передъ нимъ населеніе было знакомо съ болѣе значительнымъ вѣсомъ, о которомъ мы изъ источниковъ достовѣрно знаемъ, что онъ существовалъ въ домонгольской Руси, называясь гривною и *никогда* не называясь гривенкою. И что гривенка даже уже въ древней Руси считалась вѣсомъ, аналогичнымъ марковому вѣсу, ясно изъ прямыхъ извѣстій объ этомъ, до насъ дошедшихъ. «Зовется марка, а у насъ гривенка», говорится въ посольскихъ актахъ XVI в., цитируемыхъ Карамзинымъ. Изъ этого Заблоцкій-Десятовскій даже прямо заключалъ, что гривенка и марка были *равныя* вѣсовыя единицы; а Костомаровъ и Никитскій, приводя отрывки изъ ливонскихъ актовъ, въ которыхъ говорится о маркѣ, переводятъ эти мѣста на русскій языкъ, замѣняя слова марка словомъ гривна. Этотъ переводъ грубо ошибочный: мы *ничего* не знаемъ о равенствѣ марки и гривны или гривенки, *никакихъ* основаній не имѣемъ для допущенія ихъ равенства, а насколько имѣются основанія для того, чтобы знать, какой вѣсъ представляла марка (объ этомъ будетъ рѣчь ниже), этотъ вѣсъ совсѣмъ не совпадаетъ съ нашею гривенкою, а всегда *больше* ея, иногда даже значительно больше (хотя иногда только «полъзолотникомъ болши въ одново рубля»). Отъ аналогіи до равенства очень далеко. Но отвергая равенство, не только можно, но должно признавать аналогію, когда для нея имѣются реальныя основанія.

Изложенныя указанія объ аналогіи между обстоятельствами, при которыхъ въ западной Европѣ возникъ марковый вѣсъ, а у насъ вѣсъ гривенки, подкрѣпляются очень важнымъ археологическимъ фактомъ.

До насъ дошло довольно много старинныхъ серебряныхъ слитковъ, ихъ очень много въ Эрмитажѣ, немало въ Румянцевскомъ и въ разныхъ провинціальныхъ музеяхъ и въ частныхъ коллекціяхъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ

никакой возможности по нимъ распознавать время, къ которому они принадлежатъ. Никакого не можетъ быть сомнѣнія, что нѣкоторая ихъ часть принадлежитъ къ домонгольской эпохѣ. Въ точности, однако, объ этомъ можно судить не столько по слиткамъ, сколько по другимъ предметамъ, вмѣстѣ съ которыми они были найдены, по общему характеру кладовъ, въ составѣ которыхъ они найдены. Въ настоящій моментъ нашего изслѣдованія, однако, для насъ важно другое обстоятельство, болѣе непосредственно касающееся вѣса серебряныхъ слитковъ. Оно заключается въ слѣдующемъ. Къ какой бы эпохѣ ни относились слитки, къ домонгольской или послѣмонгольской, во всякомъ случаѣ огромнѣйшее, подавляющее ихъ большинство имѣетъ вѣсъ 48 золотниковъ. Я составилъ себѣ это представленіе по коллекціямъ Эрмитажа и Румянцевскаго музея[1]) и по свѣдѣніямъ объ отдѣльныхъ кладахъ, содержавшихъ слитки, насколько я могъ собрать эти свѣдѣнія. Но достаточно показаній коллекцій Эрмитажа и Румянцевскаго музея.

Что показываетъ этотъ фактъ? Что показываетъ рядомъ съ нимъ другой фактъ, что серебряные слитки съ вѣсомъ, болѣе 48 золотниковъ, составляютъ *большую рѣдкость*? Очевидно оба факта указываютъ на то, что жизнь въ огромномъ, преобладающемъ числѣ случаевъ предъявляла требованія, которыя могли удовлетворяться слитками въ 48 золотниковъ, и въ очень ограниченномъ числѣ случаевъ предъявляла требованія на слитки болѣе крупные, особенно вдвое болѣе крупные. Быть можетъ, во многихъ случаяхъ, когда требовались слитки въ 96 золотниковъ, эти требованія удовлетворялись удвоеніемъ числа слитковъ въ 48 золотниковъ, хотя продолжали считать, принимая за единицу болѣе крупные слитки. Такъ, и въ наши дни, напримѣръ, при уплатѣ 5 рублей десятью полтинниками уплата все-таки считается въ суммѣ 5 рублей. Если, слѣдовательно, вѣсовой единицѣ гривенкѣ предшествовала болѣе значительная вѣсовая единица гривна, а въ жизни при производствѣ платежей слитками чаще приходилось пользоваться вѣсомъ въ 48 золотниковъ, чѣмъ вѣсомъ въ 96 золотниковъ, — то опытъ жизни указывалъ на то, что ей предоставлено пользоваться *слишкомъ крупною* вѣсовою единицею, что для жизни въ огромномъ большинствѣ случаевъ была достаточна вдвое меньшая вѣсовая единица.

Какъ мы ниже увидимъ, домонгольская Русь располагала въ гривнѣ вѣсовою единицею, которую до сихъ поръ всѣ изслѣдователи всегда считали заимствованною, одни въ Германіи, другіе въ Византіи. Къ сожалѣнію при этомъ никто изъ нашихъ изслѣдователей не изучалъ ни Германіи, ни Ви-

---

1) А. В. Орѣшниковъ. Опись серебрянымъ монетнымъ слиткамъ изъ собранія И. Р. Историч. Музея. (Труды Моск. Нумизм. Общ., т. II, вып. 2, стр. 216—222).

зантіи въ видахъ опредѣленія, было-ли у нихъ что-бы то ни похожее на то, что у насъ оказалось на лицо и должно быть признано заимствованнымъ. Съ своей стороны мы въ состояніи доказать, что тѣ сношенія съ Востокомъ, которыя къ намъ занесли въ огромномъ количествѣ куфическія монеты, вмѣстѣ съ ними къ намъ занесли вѣсъ, на которомъ эти монеты были основаны. Этимъ вѣсомъ былъ иракскій фунтъ, тождественный съ нынѣшнимъ нашимъ фунтомъ, въ 96 золотниковъ. Именно только таковымъ, въ 96 золотниковъ, мы могли его заимствовать, потому что въ иномъ видѣ его не знали и арабы. И домонгольская Русь усвоила этотъ вѣсъ, какъ на Западѣ Европы германцы, франки, англосаксы и скандинавы первоначально позаимствовали у древняго Рима его либру. Хотя эта либра оказалась слишкомъ крупнымъ вѣсомъ для народовъ, заимствовавшихъ либру, она однако у нихъ была въ пользованіи нѣсколько столѣтій прежде, чѣмъ всѣ западно-европейскія страны умудрились, наконецъ, приспособить себѣ, соотвѣтственно своимъ нуждамъ, уменьшенную вѣсовую единицу въ видѣ марки. И вотъ это самое явленіе обнаруживаетъ наша исторія. Домонгольская Русь тоже безпомощно должна была пользоваться слишкомъ крупнымъ вѣсомъ, который совсѣмъ не соотвѣтствовалъ ея скромнымъ нуждамъ, силамъ и средствамъ. Возможность долговременнаго пользованія такимъ несоразмѣрнымъ заимствованіемъ, вѣроятно, у насъ, какъ на Западѣ Европы, объясняется одинаково: благопріятными обстоятельствами, внушавшими надежду и ожиданіе, что страна скоро дорастетъ, такъ сказать, до потребности въ болѣе крупной вѣсовой единицѣ. Такъ могли думать на Западѣ Европы по мѣрѣ того, какъ создавалась монархія Карла Великаго, и тоже было возможно у насъ, особенно въ княженія Владиміра Святого и Ярослава Мудраго, даже его сыновей, т. е. до конца XI в. Но на Западѣ Европы одни причины, а у насъ разореніе отъ безконечныхъ удѣльныхъ неурядицъ XII в. и татарскаго разгрома XIII в. — подорвали надежды и ожиданія. Приходилось мириться съ весьма неблагопріятными условіями жизни, государственной и экономической, при которыхъ прежняя крупная вѣсовая и денежная единица теряла всякое основаніе. Поэтому на Западѣ либру замѣнила марка, а у насъ вѣсовая и денежная полугривна домонгольской Руси съ XIV ст. получила значеніе самой крупной и потому главной вѣсовой и денежной единицы въ видѣ рублевой гривенки.

VII.

Переходя къ послѣдней части настоящаго опыта, я долженъ еще разъ напомнить, что главный предметъ, которому этотъ опытъ посвященъ, составляетъ вѣсъ; это особенно важно имѣть въ виду, потому что домонголь-

ская гривна дѣйствительно допускаетъ чрезвычайно разнообразное ея разсмотрѣніе съ очень различныхъ сторонъ. Но я уклонился бы очень далеко отъ предмета настоящаго опыта, еслибъ я пожелалъ здѣсь коснуться всѣхъ этихъ сторонъ. Я долженъ ограничиться разсмотрѣніемъ гривны, *какъ вѣсовой единицы*, и только въ той мѣрѣ, въ какой съ этимъ связано ея значеніе, какъ денежной единицы, долженъ буду касаться и этого ея значенія. Что гривна имѣла въ домонгольской Руси значеніе вѣсовой единицы, явствуетъ изъ двоякаго: во-первыхъ, изъ прямыхъ о ней упоминаній въ этомъ смыслѣ въ первоначальной лѣтописи, и во-вторыхъ изъ того, что для выраженія вѣса золота и серебра никакого другого слова кромѣ гривны не было. Кромѣ своего вѣсового значенія во всѣхъ дошедшихъ до насъ памятникахъ гривна главнымъ образомъ упоминается, какъ *самая крупная и главная* денежная единица домонгольской Руси. Въ такомъ смыслѣ она упоминается уже подъ 882 г. при Олегѣ (когда разсказывается, что онъ въ Новгородѣ «устави дань даяти варягомъ гривенъ 300 на лѣто») и подъ 907 г., когда Олегъ желаетъ получить отъ грековъ для своего войска «по 12 гривенъ на человѣка». Въ послѣдующія времена упоминанія гривны въ денежномъ смыслѣ становятся все болѣе и болѣе частыми. Наконецъ непосредственное значеніе для насъ имѣетъ еще третій смыслъ гривны, какъ обозначеніе *серебрянаго слитка*, имѣющій тотъ вѣсъ, который называется гривною. Мы имѣемъ прямое доказательство, что *серебряные слитки* назывались гривнами въ домонгольской Руси, въ разсказѣ первоначальной лѣтописи, какъ Владиміръ Васильковичъ Волынскій «блюдя великаа серебреная и кубькы золоты и серебряные самъ предъ своими очима поби и польа въ гривны»[1]).

Самыя раннія упоминанія о гривнѣ въ первоначальной лѣтописи считаются всѣми нашими изслѣдователями очень сбивчивыми, потому что въ нихъ нельзя разобрать, о какой гривнѣ въ нихъ говорится, о вѣсовой или денежной, о гривнѣ ли серебра, или иной. На это жалуются даже спеціалисты-изслѣдователи нашей древнѣйшей денежной системы, Бѣляевъ и Казанскій. Эти жалобы неправильны. Лѣтопись правильно передаетъ фактъ, въ которомъ изслѣдователи не могутъ разобраться по ихъ винѣ. Фактъ этотъ заключается въ томъ, что гривна у насъ первоначально и довольно долго (до XII в.) была *одновременно вѣсовою и денежною единицею.* Нашимъ изслѣдователямъ видимо не было извѣстно, что этотъ фактъ *очень распространенный,* который въ извѣстные періоды наблюдался во многихъ странахъ. Наблюдался онъ и въ Россіи не только домонгольской, но и XIV и отчасти XV в. Онъ коренится въ томъ, что *металличеекія* деньги первоначально

1) П. С. Р. Л., II, стр. 219.

возникаютъ, *какъ слитки извѣстнаго вѣса*, и обозначеніе на нихъ этого вѣса вмѣстѣ съ его удостовѣреніемъ и есть первое ихъ превращеніе въ монету. Отсюда давно уже высказанный взглядъ, что «по своему происхожденію монета представляетъ только слитокъ удостовѣреннаго вѣса»[1]). Вся сравнительно-историческая метрологія преисполнена доказательствъ этого. Отсюда указанные уже выше факты, что въ древней Греціи названія вѣсовыхъ единицъ совпадали съ названіями денежныхъ единицъ, что отчасти повторилось у римлянъ; отсюда же однородные факты средневѣковой Европы: двойственный, вѣсовой и денежный, смыслъ французскаго ливра до французской революціи конца XVIII в. и тотъ же двойственный смыслъ фунта (pound) у англичанъ до нашихъ дней, двойственный смыслъ нѣмецкой марки и т. д. Но всего любопытнѣе факты этого рода, относящіеся къ исторіи древнѣйшихъ народовъ передняго востока, пользовавшихся золотомъ и серебромъ для денежныхъ уплатъ за 10—15 вѣковъ до изобрѣтенія чеканки монетъ: древнихъ египтянъ, ассиріянъ, вавилонянъ, финикійцевъ, іудеевъ. Шекель или сикль, древнѣйшее дошедшее названіе денежной единицы, составляетъ также названіе вѣсовой единицы и въ его смыслѣ понятіе платежа сливается съ понятіемъ взвѣшиванія. Отъ древнихъ египтянъ до насъ дошли не только надписи съ упоминаніями о суммахъ золотомъ и серебромъ, выраженныхъ въ вѣсовыхъ единицахъ (фунтахъ = дебенахъ и лотахъ = ките), но дошли подлинные египетскіе рисунки съ изображеніемъ отвѣшиванія слитковъ различныхъ видовъ, въ которыхъ золото служило для платежей[2]); наконецъ до насъ дошли и подлинные древне-египетскіе слитки, употреблявшіеся для платежей, въ видѣ толстыхъ золотыхъ колецъ (кренделей) небольшого діаметра. Всего любопытнѣе факты этого рода, добытые раскопками древней Ассиріи и Вавилона, доставившими между прочимъ, обширный археологическій матеріалъ въ видѣ гирь съ надписями на нихъ, иногда удостовѣряющими, что онѣ были образцовыя. На основаніи этихъ и иныхъ разобранныхъ надписей вѣсовая и денежная система древнихъ ассиріянъ и вавилонянъ возстановлена съ большими подробностями. Важнѣйшая ея особенность заключается не только въ томъ, что она подтверждаетъ совпаденіе вѣсовыхъ и денежныхъ единицъ, но сверхъ того раскрываетъ довольно сложную систему способовъ, служившихъ для того, чтобы на почвѣ этого

---

1) «Die Münze ist ihrem Ursprunge nach nichts anderes als ein gestempeltes Gewichtsstück». Hultsch Griechische und römische Metrologie, 2. Ausg. SS. 132, 165.

2) Lepsius, Die Metalle in den aegyptischen Inschriften (Abhandl. d. K. Akad. d. Wissensch. zu Berlin, 1871). Въ первый разъ французскій археологъ Chabas въ 1861 г. привелъ въ извѣстность древнеегипетскія вѣсовыя единицы; окончательно онѣ установлены Лепсіусомъ: ките или лотъ въ 9,096 граммовъ = $^{32}/_{15}$ золотникамъ, а дебенъ или фунтъ, равный 10 лотамъ, въ 90,96 граммовъ = $^{2}/_{9}$ русскаго фунта.

совпаденія возможно было достиженіе такихъ цѣлей, для которыхъ въ XIX ст. считались необходимыми самыя сложныя монетныя системы, а именно биметаллическія. Ассиріяне желали пользоваться, какъ деньгами, и золотомъ, и серебромъ, и притомъ на почвѣ опредѣленнаго отношенія между стоимостью золота и серебра. Поэтому у нихъ были троякаго рода вѣсовыя единицы: одинъ видъ ихъ служилъ для опредѣленія вѣса вообще, когда это требовалось независимо отъ необходимости производить денежные платежи; другой видъ вѣсовыхъ единицъ употреблялся только тогда, когда приходилось производить денежные платежи и притомъ именно серебромъ; наконецъ, третій видъ вѣсовыхъ единицъ служилъ для платежей золотомъ. Каждый изъ этихъ трехъ видовъ состоялъ изъ вѣсовыхъ единицъ крупныхъ (соотвѣтствующихъ нашему пуду), которыя принято называть греческимъ словомъ талантъ, среднихъ (соотвѣтствующихъ нашему фунту), которыя составляютъ центръ вѣсовой системы и которыя принято называть минами (у вавилонянъ — мана), и мелкихъ (соотвѣтствующихъ нашему лоту или золотнику), которыя принято называть сиклями или шекелями; шекели еще подраздѣлялись на *сэ*. Каждый изъ указанныхъ трехъ видовъ вѣсовыхъ единицъ въ дошедшемъ до насъ археологическомъ матеріалѣ представляется такъ разнообразно, что въ немъ приходится различать *нормы* вѣса и различные его *типы*. Принято поэтому различать древнѣйшія или первоначальныя нормы, впослѣдствіи, какъ догадываются, по фискальнымъ соображеніямъ возвышенныя; эти возвышенныя нормы въ надписяхъ на гиряхъ называются царскими. Въ каждомъ видѣ вѣсовыхъ единицъ крупныхъ, среднихъ и мелкихъ, первоначальной и царской нормы, приходится еще различать два типа: легкій (вавилонскій) и тяжелый (ассирійскій), соотвѣтственно очень распространенному во всемъ древнемъ мірѣ явленію, что всякой вѣсовой единицѣ, имѣющей значеніе, всегда соотвѣтствуетъ другая, представляющая или удвоеніе или половину первой; болѣе древнимъ считается тяжелый типъ, отъ котораго легкій типъ считается происшедшимъ.

Эта-то система вѣсовыхъ единицъ приспособлена была къ пользованію ею для денежныхъ платежей слѣдующимъ образомъ. Вѣсовая мина, служившая только для взвѣшиванія, состояла изъ 60 шекелей. Тѣ же мины, которыя служили для денежнаго счета на золото или серебро, состояли лишь изъ 50 шекелей. Вслѣдствіе этого золотая мина состояла изъ 50 шекелей, изъ которыхъ каждый составлялъ $^1/_{60}$ вѣсовой мины (т. е. шекель золотой и вѣсовой были другъ другу равны по вѣсу) и потому всѣ 50 золотыхъ шекелей по вѣсу составляли $^{50}/_{60} = {}^5/_6$ вѣсовой мины. Серебряная же мина была приспособлена къ тому, чтобы въ ней выражалась сравнительная стоимость золота и серебра и притомъ на почвѣ привычнаго

для населенія денежнаго счета. Фактически въ Вавилонѣ золото было дороже серебра въ $13^1/_3 = {}^{40}/_3$ раза; то есть, стоимость золота относилась къ стоимости серебра, какъ 3 : 40. Но населеніе привыкло съ незапамятныхъ временъ считать за одну единицу золотую десять единицъ серебромъ. Поэтому, чтобъ не разстраивать счетныхъ привычекъ населенія, шекель серебра по вѣсу принятъ былъ на $^1/_3$ тяжелѣе золотого, или въ $^4/_3$ золотого; вслѣдствіе этого десять такихъ болѣе тяжелыхъ серебряныхъ шекелей (или $10 \times {}^4/_3 = {}^{40}/_3 = 13^1/_3$ шекелей вѣсовыхъ) уравнивались съ 1 шекелемъ золота соотвѣтственно ихъ дѣйствительной внутренней стоимости. Вся мина серебряная (всѣ 50 серебряныхъ шекелей) сравнительно съ золотою миною составляла $^1/_{60} \times {}^4/_3 \times 50 = {}^{10}/_9$ вѣсовой мины. Это можно выяснить еще другимъ путемъ. Золотой шекель составлялъ $^1/_{60}$ вѣсовой мины и серебряный его эквивалентъ долженъ былъ имѣть вѣсъ въ $13^1/_3$ раза болѣе значительный, потому что во столько разъ золото было дороже серебра; поэтому серебряный эквивалентъ золотого шекеля составлялъ $^1/_{60} \times 13^1/_3 = {}^2/_9$ вѣсовой мины. Такъ какъ этотъ вѣсъ былъ слишкомъ значительный для денежной единицы, то для этой цѣли взяли, сообразуясь со счетными привычками населенія вѣсъ въ 10 разъ меньшій, не въ $^2/_9$, а $^2/_{90} = {}^1/_{45}$ вѣсовой мины и ее сдѣлали серебрянымъ шекелемъ. Такихъ-то 50 шекелей составили вавилонскую серебряную мину, имѣвшую поэтому вѣсъ $50 \times {}^1/_{45} = {}^{10}/_9$ вѣсовой мины, какъ показано было и выше.

Мы остановились на этихъ подробностяхъ не только потому, что они очень полно характеризуютъ ту группу культурно-историческихъ явленій, къ которымъ принадлежитъ наша гривна въ ея самомъ раннемъ видѣ въ домонгольскомъ періодѣ, но еще и потому, что изложенныя подробности прямо и непосредственно связаны съ тѣмъ вѣсомъ, который представляла домонгольская гривна. Поэтому мы должны здѣсь еще прибавить числовыя указанія о томъ, какой вѣсъ представляли ассирійско-вавилонскія вѣсовыя единицы, которыхъ касались наши объясненія, по ихъ перечисленію на современный вѣсъ. Намъ нѣтъ надобности входить въ большія подробности по этому предмету и достаточно ограничиться такъ называемыми первоначальными нормами, оставляя въ сторонѣ возвышенныя «царскія» нормы. Само собою разумѣется, что сообщаемыя нами числа имѣютъ основаніемъ дѣйствительный вѣсъ гирь, найденныхъ при раскопкахъ. Первоначальныя нормы вѣса для различныхъ единицъ мы даемъ для мины и шекеля, какъ легкаго, такъ и тяжелаго типа. Талантъ всегда состоялъ изъ 60 минъ, какой бы мина ни была категоріи.

Въ нашей небольшой таблицѣ числа приведены не только въ граммахъ и золотникахъ, но и въ древнеегипетскихъ лотахъ (ките) для того, чтобъ

Первоначальныя нормы [1]).	ЛЕГКІЯ				ТЯЖЕЛЫЯ			
	въ граммахъ.	въ золотникахъ.	въ египетскихъ лотахъ.	Стоимость въ русской монетѣ.	въ граммахъ.	въ золотникахъ.	въ египетскихъ лотахъ.	Стоимость въ русской монетѣ.
мины:								
вѣсовой . .	491.184	$115^{1}/_{5}$	54	—	982 368	$230^{2}/_{5}$	108	—
золотой. . .	409.32	96	45	—	818.64	192	90	—
серебряной .	545.7$\frac{1}{2}$	128	60	—	1091.52	256	120	—
шекеля:								
вѣсового . .	8.186	$1^{22}/_{25}$	$^{9}/_{10}$	—	16.373	$3^{21}/_{25}$	$^{9}/_{5}$	—
золотого . .	8.186	$1^{22}/_{25}$	$^{9}/_{10}$	10 р. 57.85 к.	16.373	$3^{21}/_{25}$	$^{9}/_{5}$	21 р. 15.7 к.
серебрянаго.	10.916	$2^{14}/_{25}$	$^{6}/_{5}$	60.68 »	21.830	$5^{3}/_{25}$	$^{12}/_{5}$	1 » 21.36 »

указать еще на одну любопытную особенность разсматриваемыхъ вѣсовыхъ единицъ: что мины всегда состоятъ изъ *цѣлаго* числа египетскихъ лотовъ, указывая этимъ на связь, соединявшую вавилоно-ассирійскій вѣсъ съ древне-египетскимъ. Связь эта подтверждается огромнымъ матеріаломъ древне-египетскихъ гирь, добытымъ, благодаря раскопкамъ англійскаго египтолога, Петри, показывающимъ, что все разнообразіе вавилонско-ассирійскихъ вѣсовыхъ единицъ не только было извѣстно въ Египтѣ, но было тамъ въ практическомъ употребленіи. Это обстоятельство тоже не лишено для насъ довольно существеннаго значенія [2]).

Изъ объясненнаго ясно, что нашимъ предшественникамъ, писавшимъ о древнѣйшемъ видѣ домонгольской гривны, она казалась чѣмъ то неуловимымъ только потому, что имъ недоставало той сравнительно исторической почвы, на которой только и можетъ быть раскрытъ ея общій характеръ единицы, одновременно денежной и вѣсовой.

Еще менѣе были удачны старанія нашихъ изслѣдователей уловить тотъ вѣсъ, который представляла домонгольская гривна. Предметъ этотъ считали возможнымъ выяснить, исходя изъ вѣса дошедшихъ до насъ древ-

---

1) Brandis, Das Münz- Maas- und Gewichtswesen in Vorderasien bis auf Alexander den Grossen, SS. 158, 159; Lehmann, Das altbabilonische Maas und Gewichtssystem (tiré des actes du 8-me congrès des orientalistes en 1889), pp. 17, 39, 40; Lehmann, Altbabylonisches Maas und Gewicht und deren Wanderung (Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Antropologie, Ethnologie und Urgeschichte, Jahrgang 1889), SS. 257, 259, 261; Hultsch, Die Gewichte des Alterthums in ihrem Zusammenhange betrachtet, S. 25. Русскія выраженія вычислены непосредственно изъ древнеегипетскихъ, принимая лотъ или ките$=^{32}/_{15}$ золотниковъ, одинъ рубль золотомъ $=^{363}/_{2000}$ золотника (0.1815 золотника $=17^{53}/_{125}$ долей $=17.424$ долей), а одинъ рубль серебромъ $=^{135}/_{32}$ золотниковъ $=405$ долей чистаго металла.

2) Тщательную разработку всего этого матеріала представляетъ приведенный въ предъидущемъ примѣчаніи трудъ Гульча.

нѣйшихъ серебряныхъ слитковъ и строя всякаго рода, *совершенно произвольныя и никогда не повторявшіяся* предположенія о томъ, что вѣсъ этихъ слитковъ будто бы былъ заимствованный или въ Германіи, благодаря сношеніямъ новгородцевъ, или въ Византіи, благодаря сношеніямъ кіевлянъ.

VIII.

Уже въ XVIII в., подъ вліяніемъ Татищева и Болтина, сложился такой взглядъ, что дошедшіе до насъ серебряные гривенные слитки образуютъ двѣ различныя группы: сѣверную, новгородскую, въ 48 золотниковъ, и южную кіевскую, въ 36 золотниковъ. Вѣсъ слитковъ первой группы объясняли торговыми сношеніями Новгорода съ Западомъ, благодаря которымъ и произошло заимствованіе вѣса въ 48 золотниковъ. Вѣсъ слитковъ второй группы объясняли сношеніями Кіева съ Византіею, которыя повели къ позаимствованію греческаго вѣса, литры, въ которой будто бы было $2 \times 36 = 72$ золотника. Объ этой то литрѣ утверждали, что она была въ употребленіи въ Кіевѣ до тѣхъ поръ, пока ее (неизвѣстно когда и почему) ни вытѣснилъ новгородскій вѣсъ въ 48 золотниковъ. Подкрѣпляется это византійское заимствованіе будто бы тѣмъ, что золотникъ, о которомъ говорится въ договорахъ съ греками и который несомнѣнно въ нихъ означаетъ византійскую золотую монету, очень распространенную въ ту эпоху, по вѣсу яко бы совпадаетъ съ нашимъ нынѣшнимъ золотникомъ, тѣмъ самымъ, котораго 48 шло на *новгородскій* вѣсъ, заимствованный не у Византіи, а на Западѣ. Другое подтвержденіе находятъ въ сопоставленіи договоровъ съ греками Олега и Игоря съ Русской Правдою.

Эти взгляды въ продолженіи XIX ст. повторялись всѣми, безъ исключенія, изслѣдователями, касавшимися гривны, считаясь незыблемымъ достояніемъ нашей исторической науки.

Къ сожалѣнію эти взгляды никакой критики не выдерживаютъ.

На очень шаткой почвѣ стоитъ даже самое коренное основаніе изложенныхъ взглядовъ: раздѣленіе серебряныхъ гривенныхъ слитковъ на новгородскую и кіевскую группу. Что слитки, дошедшіе до насъ, различаются по вѣсу, это безспорно. Но что на югѣ находились только слитки въ 36 золотниковъ и совсѣмъ не находились слитки въ 48 золотниковъ, это противорѣчитъ фактамъ: на югѣ неоднократно находились слитки въ 48 золотниковъ и въ немаломъ числѣ. Никто никогда еще у насъ не составилъ топографіи кладовъ, въ которыхъ оказывались гривенные слитки различнаго вѣса, чтобы на ея основаніи можно было бы утверждать хотя бы лишь то, что на югѣ *чаще* находились слитки въ 36 золотниковъ, чѣмъ слитки

въ 48 золотниковъ. Да едва ли это и возможно: вѣдь по разбираемому взгляду признается, что уже въ древнѣйшей, домонгольской, Руси былъ такой моментъ, когда и на югѣ распространились новгородскіе слитки. Удивительно ли въ такомъ случаѣ, что ихъ находятъ на югѣ? Но тогда, очевидно, по мѣсту, гдѣ слитки въ 48 золотниковъ были находимы, никакого заключенія сдѣлать нельзя. — Въ первоначальной лѣтописи, какія бы мы ни взяли ея редакціи, сѣверныя или южныя, *ни о какомъ различіи между гривною сѣверною и южною никогда не упоминается.* А едва ли это различіе осталось бы незамѣченнымъ, если бы дѣйствительно, вслѣдствіе различія въ вѣсѣ слитковъ, южная гривна составляла бы только $^{36}/_{48} = {}^{2}/_{3}$ сѣверной гривны. Различіе это слишкомъ значительное, чтобъ оно долго могло оставаться незамѣченнымъ. Я поэтому скорѣе склоненъ думать, что если лѣтописецъ не знаетъ различія между южною и сѣверною гривною, то лишь потому что *на самомъ дѣлѣ этого различія не было.* Въ этомъ, впрочемъ, никто никогда и не сомнѣвался. Ошибка разбираемаго мнѣнія въ томъ именно и заключается, что повторяющіе его не замѣчаютъ тѣсной связи, состоящею между допущеніемъ, что въ Кіевѣ и въ Новгородѣ были въ употребленіи слитки различнаго вѣса, и необходимостью въ такомъ случаѣ допустить, что и *гривна* въ Кіевѣ была иная, чѣмъ въ Новгородѣ. *Гривна только въ видѣ слитковъ и имѣла реальное существованіе.*

Но разсмотрѣнное мнѣніе шатко еще по другой причинѣ. Никто никогда не доказалъ, что слитки въ 36 золотниковъ, которые были находимы на югѣ, были находимы въ *домонгольскихъ* кладахъ и только въ нихъ. А это очень важно, потому что случайно, *сумы* или *саумы*, которыми уплачивалась дань татарамъ, тоже имѣли вѣсъ 36 золотниковъ. Поэтому, если слѣды заимствованія у Византіи усматриваются въ слиткахъ вѣсомъ въ 36 золотниковъ, то очень возможно, что *татарскіе слитки принимаются за византійскіе.* Южная Русь тоже уплачивала дань татарамъ и, если эта дань уплачивалась «саумами», то удивительно ли, что на югѣ въ кладахъ находятъ слитки въ 36 золотниковъ, какъ ихъ находятъ вмѣстѣ съ татарскими монетами въ другихъ, сѣверныхъ и южныхъ, мѣстностяхъ.

Но разбираемые взгляды шатки еще и потому, что они основаны на допущеніи, что въ Византіи и Германіи заимствовано то, чего въ Византіи и Германіи *совсѣмъ не было.*

Мысль, что въ Кіевѣ былъ въ употребленіи «греческій» вѣсъ литры, заимствованный у Византіи, держится на представленіи объ этомъ вѣсѣ, имѣвшемся *въ Москвѣ въ XVI и XVII ст.* и нашедшемъ себѣ выраженіе въ Торговой Книгѣ и «Аріѳметикѣ» Магницкаго, изданной по повелѣнію Петра Великаго въ 1703 г. Едва ли имѣются основанія для сомнѣнія въ

томъ, правильно ли Торговая Книга и Арифметика Магницкаго передавали представленія о литрѣ, господствовавшія *въ Москвѣ* въ XVI и XVII ст. Напротивъ, мы имѣемъ достаточно основаній для признанія, что передача правильна. Но какое отношеніе имѣютъ московскіе взгляды XVI и XVII в. на литру къ вопросу о томъ, заимствовалъ ли Кіевъ въ IX ст. литру у Византіи? Очевидно, никакого. Даже при допущеніи, что въ Кіевѣ былъ въ употребленіи вѣсъ въ 36 золотниковъ, необходимо обратиться *къ Византіи, а не къ Москвѣ*, чтобъ знать, *имѣла ли этотъ вѣсъ Византія* и могъ ли Кіевъ заимствовать его у Византіи? А этого ни одинъ изслѣдователь у насъ никогда не сдѣлалъ. И это тѣмъ болѣе странно, что старинныя московскія свѣдѣнія о «греческомъ вѣсѣ», которыми въ XIX ст. у насъ руководствовались, были болѣе чѣмъ сомнительны. На основаніи этихъ свѣдѣній у насъ признавалось, какъ нѣчто безспорное, что «греческимъ» вѣсомъ была византійская литра въ 72 золотника. Откуда же проистекало это свѣдѣніе Торговой Книги и Ариѳметики Магницкаго? Конечно, не изъ ученыхъ изысканій, а изъ указаній практики, притомъ практики XVI и XVII в. Объ этой практикѣ мы можемъ судить по разсказу Котошихина о греческихъ торговцахъ, наѣзжавшихъ на Москву и продававшихъ въ ней золотые, серебряные и шелковые товары на свой собственный, греческій, вѣсъ, литру. Котошихинъ очень невысокаго мнѣнія о греческихъ торговцахъ, вѣроятно, потому что они не брезгали и обвѣшиваніемъ своихъ покупателей. По ихъ то литрѣ сложилось московское представленіе о греческомъ вѣсѣ литры. Въ оффиціальныхъ сферахъ московскихъ, однако, уже и въ XVI ст. отлично знали, что въ Москвѣ литра бываетъ (конечно, у греческихъ торговцевъ) *очень различная*; поэтому одна таможенная грамота въ 1586 г., устанавливая сборъ съ шелка, съ литры, прямо оговариваетъ «съ большіе, съ середней и съ худой»[1]). Такимъ образомъ, въ таможенномъ вѣдомствѣ хорошо знали, что въ Москвѣ тогда была всякая литра, большая, средняя и худая. Худая, конечно, означаетъ — маловѣсная. Можетъ быть, именно «худая» преобладала, и поэтому только объ ней, какъ о литрѣ въ 72 золотника, говорятъ Торговая Книга и Арифметика Магницкаго. Во всякомъ случаѣ очевидно, даже по нашимъ только источникамъ, что если въ Москвѣ знали три литры: большую, среднюю и худую, и только объ одной изъ нихъ до насъ дошло московское же извѣстіе, что литра была въ 72 золотника, то на этомъ извѣстіи ничего строить нельзя, потому что мы не знаемъ, къ какой изъ трехъ литръ это извѣстіе относится. И если тѣмъ не менѣе, исходя изъ этого основанія, дѣлались заключенія, то едва ли эти заключенія могутъ претендовать на основательность.

1) А. А. Э., I, № 331, стр. 399.

Но хуже всего то, что въ Византіи «греческаго» вѣса, въ видѣ литры въ 72 золотника, *никогда не было*. Греческій вѣсъ несомнѣнно былъ въ Византіи, какъ онъ въ разсматриваемую эпоху существовалъ на всѣхъ берегахъ Чернаго моря, гдѣ жили греки; но повсюду ихъ собственный «греческій» вѣсъ выражался въ талантахъ, минахъ и драхмахъ, въ христіанское, какъ и въ языческое время. Литра же *въ Византіи* греческимъ вѣсомъ никогда не была. Была литра и греческимъ вѣсомъ, но не въ Византіи, а въ южной Италіи. Въ Византіи же литра была не греческимъ, а *римскимъ государственнымъ* вѣсомъ; литра была только *греческое названіе* для этого римскаго государственнаго вѣса. Когда римляне завоевывали новую область, то они всегда оставляли ея населенію мѣстный его вѣсъ, къ которому оно привыкло; но одновременно при этомъ вводился римскій вѣсъ, какъ общегосударственный. Также точно было поступлено и въ Византіи: населенію былъ оставленъ его старинный греческій вѣсъ, но одновременно введена *римская* либра, которое греческое населеніе по своему *называло* литрою. Но и подъ названіемъ литры либра въ Византіи была таже, что въ Римѣ, Равеннѣ, Массиліи, Нарбонѣ, Лютеціи, Лондинумѣ, Афинахъ, Коринфѣ, Александріи и т. д., т. е. во всѣхъ частяхъ римскаго государства.

Такимъ образомъ, всѣ тѣ, которые у насъ повторяли, что Кіевъ заимствовалъ у Византіи ея литру и ее ввелъ у себя, какъ греческій вѣсъ, впадали по невѣдѣнію въ очень странное недоразумѣніе. Они собственно желали утверждать, что тогда какъ Западъ Европы заимствовалъ у Рима его либру, — древнѣйшая Русь пошла по иному пути и заимствовала у Византіи ея греческій вѣсъ. На самомъ же дѣлѣ они утверждали прямо противуположное: что Кіевъ подъ видомъ литры ввелъ у себя ту же самую либру, которую у Рима заимствовали всѣ народы западной Европы.

Византійскую литру, то есть, римскую либру въ Византіи, сравнительно-историческая метрологія знаетъ съ совершенною точностью, благодаря обилію дошедшаго до насъ археологическаго матеріала, въ видѣ гирь и монетъ, и благодаря достаточности письменныхъ о ней свѣдѣній, до насъ дошедшихъ. Византійскій золотой, котораго чеканили 72 монеты изъ литры, ничѣмъ, по вѣсу и чистотѣ, не отличается отъ римскаго золотого, ауреуса, котораго чеканилось 72 монеты изъ римской либры съ Константина Великаго. Достаточно взять 72 хорошо сохраненныхъ монетъ, римскихъ или византійскихъ, и взвѣсить ихъ, чтобъ получить одинаковый результатъ, доказывающій тождественность римской либры и византійской литры и въ тоже время раскрывающій ихъ вѣсъ совершенно точно. Вѣсъ этотъ составлялъ предметъ разностороннихъ изысканій съ XVI в. въ Голландіи, Италіи, Франціи, Англіи и Германіи, и въ теченіе первой трети XIX вѣка эти изы-

сканія получили законченный видъ въ трудахъ французскаго ученаго Летронна и особенно въ знаменитой книгѣ нѣмецкаго ученаго, Бэка[1]). Бэкъ установилъ вѣсъ римской либры въ 327,45 граммовъ и эта установка оказалась столь удачной, что съ тѣхъ поръ она остается незыблемою и неизмѣнною; когда Моммзенъ въ 1860 г. въ первый разъ издавалъ свою Исторію денегъ въ Римѣ, то и онъ, какъ всѣ послѣдующіе изслѣдователи послѣ него, ничего не измѣнилъ въ результатѣ, который установилъ Бэкъ. Въ новѣйшее время этотъ результатъ получилъ новое блестящее потвержденіе. Когда египетскія раскопки раскрыли новый метрологическій матеріалъ въ видѣ гирь древняго Египта, то трудами Шабà и Лепсіуса установлено было, что древнеегипетскій фунтъ (дебенъ) имѣлъ вѣсъ 90,96 граммовъ, состоя изъ 10 лотовъ (ките) по 9.096 гр. Совершенно независимо отъ этихъ изслѣдованій Шаба и Лепсіуса, въ концѣ XIX ст., подъ вліяніемъ новыхъ раскопокъ и открытій, два германскихъ метролога, Гульчъ и Леманъ, выяснили удивительную связь между вѣсовыми системами древнихъ народовъ. При этомъ, между прочимъ, оказалось, что связующею нитью между ними служитъ ихъ отношеніе къ вѣсовымъ единицамъ ассирійско-вавилонскимъ и древне-египетскимъ. Особенно осязательно это выражается въ фактѣ, что вѣсовыя единицы мѣстностей, пріобрѣтавшихъ всемірно-историческое значеніе, всегда состояли изъ цѣлаго числа древне-египетскихъ лотовъ. Къ такимъ вѣсовымъ единицамъ, конечно, принадлежитъ и римская либра, которая оказывается равною 36 древне-египетскимъ лотамъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣсъ древне-египетскаго лота, взятый 36 разъ, даетъ $36 \times 9.096 = 327.456$ граммовъ, то есть, какъ разъ то число, которое со времени Бэка принято за выраженіе вѣса римской либры въ граммахъ.

Выраженіе въ граммахъ нашего фунта въ 96 золотниковъ установлено теперь (по гирѣ, переданной въ петербургскій Монетный Дворъ въ 1747 г.) закономъ 4 іюня 1899 г.: по этому закону 96 золотниковъ равняются 409 граммамъ 512.41 миллиграммамъ. Еслибъ въ Византіи была литра въ 72 золотника, то она составляла бы $^{72}/_{96} = {}^{3}/_{4}$ нашего фунта. Въ такомъ случаѣ она равнялась бы ${}^{3}/_{4} \times 409.5124 = 307.134$ граммовъ. А такой литры въ Византіи не было. Византійская литра имѣла вѣсъ 327.456 граммовъ, т. е. на 20 граммовъ, съ лишкомъ, большій, чѣмъ принято у насъ считать. Это различіе очень значительное: оно равнозначуще тому, какъ еслибъ кто-нибудь о нашемъ фунтѣ сказалъ, что въ немъ не 96, а только 90 золотниковъ. Еслибъ торговецъ, продавая товаръ на нашъ вѣсъ, поль-

1) Letronne, Considérations générales sur l'évaluation des monnaies grecques et romaines. Paris 1817.—A. Boekh, Metrologische Untersuchungen über Gewichte, Münzfüsse und Maasse im Altherthum in ihrem Zusammenhange, Berlin 1838.

зовался бы гирею въ 90 золотниковъ, выдавая ее за нашъ фунтъ, то его осудили бы за преступный обманъ и его постигло бы наказаніе. Еслибъ кто-нибудь сталъ утверждать, что въ Россіи пользуются фунтомъ не въ 96, а въ 90 золотниковъ, то на это возразили бы, что такого фунта въ 90 золотниковъ въ Россіи нѣтъ. Поэтому и въ томъ случаѣ, когда намъ говорятъ о византійской литрѣ въ 72 золотника, т. е. въ 307.134 граммовъ, тогда какъ на дѣлѣ византійская литра имѣла вѣсъ 327.456 граммовъ, то мы вправѣ утверждать, что въ Византіи литры въ 72 золотника или въ 307.134 граммовъ не было. Подобной литры въ 72 золотника или 307.134 граммовъ не могъ заимствовать у Византіи и Кіевъ.

Вотъ почему въ памятникахъ нашей древней письменности *нигдѣ не встрѣчается никакого упоминанія* о томъ, что въ Кіевѣ когда-либо была въ употребленіи литра вообще, а въ частности литра въ 72 золотника. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что при оживленности сношеній съ Византіею кіевляне не могли не знать литры. И это знакомство прямо доказывается упоминаніемъ литры въ договорахъ съ греками. Но отъ знакомства съ литрою до заимствованія ея — очень далекій путь. Важнѣйшее основаніе, по которому у насъ допускалось, что въ Кіевѣ заимствована была и нѣкоторое (неизвѣстное) время была въ употребленіи литра, заключалось въ томъ, что серебряные слитки въ 36 золотниковъ или 153.567 граммовъ принимались за половину византійской литры. А принимался вѣсъ въ 36 золотниковъ или 153.567 граммовъ за половину литры только потому, что въ XVI и XVII ст. въ Москвѣ такой вѣсъ выдавался за половину литры греческими торговцами, которымъ авторы Торговой Книги вѣрили, а составители таможенныхъ грамотъ не вѣрили, зная, что литры въ Москвѣ бываютъ «худыи, середніи и добрыи». Эти основанія мы разсмотрѣли и, кажется, доказали, что вѣсъ въ 36 золотниковъ или 153.567 граммовъ никогда не былъ половиною византійской литры и поэтому *не могъ быть заимствованъ и быть въ употребленіи* въ домонгольское время въ Кіевѣ, какъ половина литры. Московскіе же взгляды XVI и XVII в. на литру никакого отношенія къ нашему предмету не имѣютъ.

Другое доказательство связи нашего вѣса съ византійскою литрою усматривали въ золотникѣ. Золотникъ нашъ отожествляли съ византійскою золотою монетою, о которой нѣсколько разъ упоминается въ договорахъ съ греками: въ договорѣ Олега монета называется просто золотомъ («се продаеми бываютъ по 20 *золота*»), а въ договорѣ Игоря монета называется золотникомъ (да вдасть золотникъ 10, да вдасть золотникъ 5, да искупаютъ є Русь по 10 золотникъ и т. п.). Золотникъ здѣсь служитъ названіемъ *золотой монеты* подобно тому, какъ серебряная называлась *серебреникомъ*.

Никакого основанія мы не имѣемъ для допущенія, что въ договорахъ съ греками слово золотникъ служитъ для обозначенія какой бы ни было *вѣсовой* единицы и особенно той вѣсовой единицы, которая у насъ называлась всегда золотникомъ, — какъ никакого основанія нѣтъ для того, чтобъ усматривать названіе *вѣсовой* единицы въ словѣ серебреникъ. Этого, впрочемъ, никто никогда и не утверждалъ. Основаніе для отожествленія нашего золотника, какъ вѣсовой единицы, съ византійскою золотою монетою, которая въ договорахъ съ греками называется золотникомъ, усматривалось въ томъ, что вѣсъ этой византійской золотой монеты, будто-бы, совпадалъ съ нашимъ золотникомъ. Въ XVIII ст. это мнѣніе утверждалось голословно, да и взгляды на это еще сильно расходились; но въ XIX ст. наши изслѣдователи повторяли мнѣніе о тожественности византійской золотой монеты съ нашимъ золотникомъ, ссылаясь на авторитетъ академика Круга. Кругъ, дѣйствительно, опираясь на собственныя взвѣшиванія имѣвшихся въ его коллекціи византійскихъ монетъ, утверждалъ [1]), что онѣ имѣли вѣсъ нашего золотника. Но Кругъ и самъ не считалъ себя авторитетомъ въ метрологіи, и его мнѣніе расходится съ взглядомъ, господствующимъ въ научной нумизматикѣ. Съ Константина Великаго, говоритъ Сабатье, «римская золотая монета (solidus) чеканилась по 72 монеты изъ либры *и это осталось въ силѣ до паденія Восточной имперіи*» [2]). Слѣдовательно, нормальный вѣсъ римско-византійской золотой монеты составлялъ 327.456 : 72 = 4.548 граммовъ или $^4/_5 \times {}^{96}/_{72} = {}^{16}/_{15}$ золотника. Еслибъ вѣсъ солида равнялся одному золотнику, то онъ составлялъ бы 4.266 граммовъ. Такимъ образомъ, нормальный вѣсъ солида былъ больше золотника, не 96 долей, а $102^2/_5$ долей. Эта разница можетъ казаться не существенною. Но для *золотой* монеты она — значительная. Объ этомъ можно судить по слѣдующимъ указаніямъ. Еслибъ нормальный вѣсъ византійской золотой монеты былъ одинъ золотникъ, то на нашъ нынѣшній русскій фунтъ въ 96 золотниковъ (стоимость такого фунта чистаго золота составляетъ 528 руб. $92^1/_2$ коп. на нашу нынѣшнюю золотую монету) шло бы ровно 96 византійскихъ золотыхъ монетъ. Но такъ какъ вѣсъ византійскаго золотого составлялъ $^{16}/_{15}$ золотника или $102^2/_5$ доли, то на нашъ фунтъ византійскихъ солидовъ идетъ 96 : $^{16}/_{15}$ = 90 монетъ. Даже еслибъ рѣчь шла о нашихъ маленькихъ, пятирублевыхъ,

---

1) Krug, Zur Münzkunde Russlands, St. Petersb. 1805, стр. 133, 134.

2) Sabatier, Description générale des monnaies byzantines frappées sous les empereurs d'Orient, Paris. 1862, I, p. 51. По мнѣнію Сабатье, «искусство чеканки монеты въ Византіи пошло назадъ и уже при Геракліяхъ, въ началѣ VII в., оно стало варварскимъ». Недостатокъ единообразія въ величинѣ и вѣсѣ монеты тоже доказываетъ, что безпорядокъ и отсутствіе твердой системы были отличіемъ византійской чеканки». Ib., p. 38.

золотыхъ (византійскій золотой, впрочемъ, не очень сильно отъ нихъ отличался, имѣя на нынѣшнюю нашу русскую золотую монету стоимость 5 р. $87^2/_3$ к.), — то едва ли кто либо считалъ бы несущественнымъ на 529 рублей недополучить 30 рублей или получить лишніе 30 рублей. А тысяча лѣтъ тому назадъ золотыя и серебряныя деньги имѣли гораздо болѣе значительную цѣну, чѣмъ въ наши дни; 6 золотыхъ монетъ больше или меньше на сотню ихъ тогда значили гораздо больше, чѣмъ нынѣ, когда ими тоже не пренебрегаютъ. — Другое указаніе на значеніе разсматриваемой разности даетъ намъ дѣйствующій нынѣ у насъ монетный уставъ, опредѣляя допускаемую имъ «терпимость въ вѣсѣ», т. е. уклоненіе отъ нормальнаго вѣса золотой монеты. Мы видѣли, что нормальный вѣсъ византійскаго солида былъ 4.548 грамма и что еслибъ онъ имѣлъ вѣсъ золотника, то этотъ вѣсъ составлялъ бы 4.266 гр., или меньше на 0.282 грамма. Нашъ монетный уставъ допускаетъ для вѣса пятирублевой золотой монеты терпимость въ размѣрѣ 0.003 вѣса. Это составляетъ для византійскаго солида $4.548 \times 0.003 = 0.013644$, то есть, 13,644 миллиграммовъ вмѣсто вышепоказанныхъ 282 миллиграммовъ. Такимъ образомъ, фактическое уклоненіе отъ нормы въ вѣсѣ солида, еслибъ онъ равнялся золотнику, было бы съ лишнимъ въ 20 разъ больше, чѣмъ допускаемое нынѣ закономъ уклоненіе фактическаго вѣса отъ нормальнаго. При такомъ уклоненіи никто бы ее не принималъ иначе, какъ на вѣсъ, какъ ломъ. Въ Византіи допускалось обращеніе золотой монеты на вѣсъ, но лишь тогда, когда этотъ вѣсъ былъ меньше нормальнаго, т. е. менѣе $^1/_{72}$ литры или либры[1]).

Изъ изложеннаго ясно, что никакой связи между нашимъ золотникомъ и византійскимъ золотымъ (ауреусомъ) не существуетъ и что изъ вѣса византійскаго золотого никакого нельзя сдѣлать заключенія о той вѣсовой единицѣ, которая у насъ издавна называется золотникомъ. Никакого сомнѣнія не можетъ быть въ томъ, что названіе нашей вѣсовой единицы (золотникъ) произошло отъ *какой-нибудь* золотой монеты. Но отъ *какой именно* золотой монеты, этого не можетъ намъ раскрыть одно только *слово* «золотникъ». Подобно тому, какъ слово «серебреникъ» означало не одну какую-либо опредѣленную, а *всякую* серебряную монету, и слово «золотникъ» означало не одну опредѣленную, а *всякую* золотую монету, византійскую *и иную*. О древнерусскомъ же населеніи нельзя съ достовѣрностью утверждать, что оно было знакомо *съ одною только византійскою* золотою монетою, какъ это ниже будетъ показано.

---

1) Sabatier, Description générale des monnaies byzantines frappées sous les empereurs d'Orient. Paris 1862. I, 52.

Стремясь выяснить вѣсъ древнерусской гривны посредствомъ византійской литры, наши изслѣдователи еще обращались къ третьему способу, тоже очень популярному, имѣющему за себя даже такіе авторитеты, какъ М. П. Погодинъ и П. С. Казанскій. Способъ этотъ заключается въ сопоставленіи штрафа въ «5 литръ серебра по закону руському» въ договорѣ Олега съ греками съ вирою въ 12 гривенъ по Русской Правдѣ за ударъ «мечемъ, кацѣмъ любо съсудомъ, батогомъ, любо жердью». Изъ этого сопоставленія выводится *равенство между 12 гривнами и 5 литрами серебра* и, слѣдовательно, равенство гривны $^5/_{12}$ литры. Такъ какъ литра, по приведеннымъ выше точнымъ о ней даннымъ, составляетъ $^4/_5$ нашего фунта, то изъ этого слѣдовало бы, что гривна равнялась $^5/_{12} \cdot {}^4/_5 = {}^1/_3$ нашего нынѣшняго фунта, или 32 золотникамъ.

Этотъ выводъ столь же шатокъ, какъ и предыдущіе, выше разсмотрѣнные.

Тѣ, которые сопоставляютъ договоры съ греками съ Русскою Правдою, обыкновенно исходятъ изъ убѣжденія, что штрафъ въ 5 литръ серебра «по закону Руському» тождественъ съ вирою въ 12 гривенъ, такъ какъ «законъ Руській» выраженъ несомнѣнно и въ Русской Правдѣ, а договоръ съ греками тоже передалъ этотъ законъ *вполнѣ правильно*. Но въ послѣднемъ, что «законъ руській» вполнѣ правильно переданъ въ договорѣ съ греками, позволительно сомнѣваться. По мнѣнію такого авторитета въ вопросахъ исторіи права, какъ проф. В. И. Сергѣевичъ, въ договорахъ Олега и Игоря при установленіи вознагражденія въ 5 литръ за оскорбленіе дѣйствіемъ «греки изъ русскаго закона взяли только то, что казалось имъ удобнымъ» [1]), то есть, взяли *лишь часть*, *а не все*, содержавшееся въ законѣ русскомъ. Это значитъ: греки были поставлены въ необходимость мириться съ денежнымъ вознагражденіемъ за оскорбленіе дѣйствіемъ, потому что это допускалъ законъ русскій. Уже Эверсъ [2]) указывалъ на то, что греческій законъ былъ совсѣмъ иной. Если договоры Олега и Игоря устанавливали денежное вознагражденіе въ 5 литръ серебра по закону русскому, то это указаніе на законъ русскій относится, по мнѣнію Эверса, не къ 5 литрамъ: литры устанавливалъ въ Византіи законъ греческій и не литры устанавливалъ въ Кіевѣ, Новгородѣ, Смоленскѣ, Полоцкѣ и т. д. законъ русскій. Русскій законъ устанавливалъ денежное вознагражденіе за обиду дѣйствіемъ. Съ этимъ то греки должны были мириться. Но, говоритъ проф. Сергѣевичъ, «изъ русскаго закона греки взяли только то, «что казалось имъ удобнымъ».

---

1) В. И. Сергѣевичъ, Лекціи и изслѣдованія, 3-е изд., Спб. 1903, стр. 642.
2) Evers, Das älteste Recht der Russen, стр. 144.

Чтобъ выяснить это наглядно, возьмемъ старѣйшій списокъ Русской Правды, который нѣкоторые изслѣдователи считаютъ правомъ языческой Руси, даже болѣе раннимъ, чѣмъ договоры съ греками[1]). Въ статьѣ 3 академическаго списка Русской Правды (по изд. Калачева) или въ статьѣ 7 списка новгородской лѣтописи (по изд. В. И. Сергѣевича) говорится: «аще ли кто кого ударить батогомъ, любо жердью, любо пястью, или чашею, или рогомъ, или тылѣснію (тыломъ меча), то 12 гривенъ. *Аще сего не постигнуть*, то платити ему, то ту тому конець». Въ такомъ видѣ опредѣленіе, очевидно, не полно, потому что оно касается только случая, когда оскорбленный оскорбителя *не постигнетъ*: когда оскорбитель обидитъ и успѣетъ скрыться: тогда онъ долженъ уплатить 12 гривенъ и дѣлу конецъ. А если оскорбленный «постигнетъ» оскорбителя? Если послѣднему не удастся уйти? Очевидно, что опредѣленіе Русской Правды, какъ оно до насъ дошло въ ея древнѣйшемъ видѣ, до насъ дошло въ неполномъ составѣ и не даетъ очень важнаго указанія. Это то указаніе даетъ Русская Правда въ распространенныхъ ея спискахъ. И указаніе, ими даваемое, по своему существу — такое, что если оно сохраняло силу въ послѣдующее время, то тѣмъ болѣе оно имѣло силу въ болѣе раннее время. А именно, въ пространной Правдѣ[2]) приведенное выше опредѣленіе выражено такъ: «аще кто кого ударить батогомъ, любо чашею, любо рогомъ, любо тылѣснію, то 12 гривнъ. *Не терпя ли противу тому, ударитъ мечомъ, то вины ему въ томъ нетуть*». Изъ этого опредѣленія Эверсъ[3]) дѣлалъ тотъ выводъ, что «первоначально при всѣхъ тѣлесныхъ поврежденіяхъ допускалось право частной мести». И если право частной мести допускала болѣе поздняя Правда, то тѣмъ болѣе ее допускала Правда болѣе ранняя: позднѣйшая Правда урѣзываетъ, ограничиваетъ и иногда даже упраздняетъ, а не устанавливаетъ или усиливаетъ ее. Слѣдовательно, въ полномъ видѣ «Русскій законъ» содержалъ *не только* то, что ему приписываютъ договоры съ греками. Русскій законъ допускалъ денежное вознагражденіе въ 12 гривенъ, «если обиженный обратится въ судъ»[4]); но Русскій законъ допускалъ и другое: что обиженный на ударъ отвѣтилъ ударомъ, что онъ даже употребилъ при этомъ мечъ, то есть, что онъ воспользовался правомъ частной мести. Вотъ это то послѣднее допущеніе Русскаго закона было для грековъ неудобно и *они его не взяли*. «Изъ русскаго закона греки взяли только то, что казалось имъ удобнымъ». Но если все

---

1) Tobien, Sammlung der kritisch bearbeiteten Quellen der Geschichte des russischen Rechts. Die Prawda, стр. 87, Die ältesten Tractate, стр. 10, прим. 3.

2) Троицкій списокъ, ст. 20, изд. Калачева, ст. 27 и 28 изд. В. И. Сергѣевича.

3) о. с. р. 289.

4) В. И. Сергѣевичъ, о. с., р. 642.

это — такъ, то откуда у насъ можетъ быть увѣренность, что установленное Русскимъ закономъ денежное вознагражденіе въ размѣрѣ 12 гривенъ было для грековъ удобнымъ *во всей его цѣлости*? Быть можетъ, для нихъ было удобнѣе вознагражденіе въ размѣрѣ той или иной *части* 12 гривенъ? А если часть для нихъ была удобнѣе цѣлаго, то очевидно 5 литръ могутъ выражать *только часть* 12 гривенъ.

Ясно въ такомъ случаѣ, что строить что бы то ни было на уравненіи 5 литръ съ 12 гривнами нельзя: это уравненіе не только ни на чемъ не основано, оно — прямо сомнительно.

Но уравненіе шатко еще по другой причинѣ. Прибѣгающіе къ нему обыкновенно ссылаются на «лѣтопись», которая, будто бы, штрафъ въ 5 литръ одинаково показываетъ, какъ по Олеговому договору, такъ и по Игореву договору. Но это число пяти (по славянски ѕ) литръ одинаково *только въ нѣкоторыхъ* изданіяхъ первоначальной лѣтописи, а въ другихъ изданіяхъ оно *совсѣмъ не всегда одинаково пять*, а напротивъ *различное*: по договору Олега пять литръ, а по договору Игоря *десять* (по славянски і) литръ[1]). Единственный ученый, критически издавшій договоры, Тобіенъ, тоже показываетъ десять литръ въ договорѣ Игоря. Это различіе зналъ уже Эверсъ, который не только отмѣчалъ его, но строилъ догадки о его причинѣ. Зналъ это и другой историкъ русскаго права, Рейтцъ.

Но если дѣйствительно въ одномъ договорѣ было 5 литръ, а въ другомъ 10 литръ, вмѣсто 12 гривенъ русскаго закона, то тогда уже внѣ всякаго сомнѣнія, что 5 литръ составляли лишь удобную для грековъ часть 12 гривенъ, и допустимо, что даже 10 литръ могли все еще составлять лишь часть 12 гривенъ; во всякомъ же случаѣ не недопустимо, что быть можетъ только при 15 литрахъ достигалось дѣйствительное уравненіе съ 12 гривнами, какъ мы и надѣемся ниже доказать.

Едва ли стоитъ еще долго разъяснять, что еслибъ даже удалось придать какой либо видъ допустимости мысли о равенствѣ гривны $^5/_{12}$ литры, т. е. 32 золотникамъ, то этотъ результатъ былъ бы совершенно безплодный. Онъ опровергался бы всѣми дошедшими до насъ слитками, среди которыхъ никогда не наблюдали выдѣляющихся группъ слитковъ вѣсомъ въ 32, 16 и 8 золотниковъ.

Мы разсмотрѣли во всѣхъ видахъ попытки привести домонгольскую

---

1) 5 и 10 литръ показываетъ Schlözer, Nestor, III, 316 и IV, 90. Въ Россійской лѣтописи по списку Софійскому изд. 1795 г., I, 27 въ договорѣ Игоря показано десять литръ. Въ Софійскомъ Временникѣ по изд. Строева, I, 35 въ Игоревомъ договорѣ десять литръ. Tobien, Die ältesten Tractate, p. 29; Ewers, S. 166; Reitz, Versuch über die geschichtliche Ausbildung der russischen Staats- und Rechtsverfassung, S. 69.

гривну въ связь съ византійскою литрою и, кажется, вправѣ признать всѣ эти попытки совершенно несостоятельными, далеко не заслуживающими той чести, которая имъ оказывается въ нашей исторической литературѣ.

Но гипотеза о литрѣ имѣла хоть кажущіяся основанія, требовавшія разбора и представлявшія матеріалы для этого. Она исходитъ хоть изъ какого нибудь реальнаго факта, изъ византійской литры.

Подлежащая нашему разсмотрѣнію вторая гипотеза, о позаимствованіи новгородскаго вѣса въ 48 золотниковъ изъ Германіи, не имѣетъ даже и кажущагося основанія. Она ни изъ какого реальнаго факта не исходитъ. Она всецѣло представляетъ только носящійся въ воздухѣ звукъ словъ, которымъ ничто реальное не соотвѣтствуетъ. Она вся представляетъ только паутину, сплетенную изъ произвольныхъ допущеній: 1) что Новгородъ уже въ IX ст., когда Олегъ обложилъ его платежемъ въ 300 гривенъ на лѣто мира дѣля, зналъ вѣсъ въ 48 золотниковъ, 2) что вѣсъ этотъ могъ быть заимствованъ только съ Запада, 3) что этотъ вѣсъ въ IX ст. существовалъ въ Германіи, 4) что Новгородъ въ IX ст. имѣлъ торговыя сношенія съ Германіею и именно Германія дала Новгороду свой вѣсъ. Мы достовѣрно знаемъ, что уже въ IX ст. не только Новгородъ, но и Кіевъ знали гривну, потому что платежъ въ 300 гривенъ уплачивался Олегу, когда онъ уже былъ въ Кіевѣ. Но составлялъ ли вѣсъ гривны 48, или 96, или иное число золотниковъ, этого мы совсѣмъ не знаемъ, это должно быть выяснено изслѣдованіемъ, а не произвольнымъ допущеніемъ. Мысль о заимствованіи непремѣнно съ Запада тоже произвольна, потому что мы достовѣрно знаемъ, что Новгородъ и Кіевъ имѣли сношенія не только со странами, лежащими на Западъ отъ нихъ, но и со странами, лежащими на Востокъ отъ нихъ. Слѣдовательно, и вопросъ, откуда сдѣлано заимствованіе, съ Запада или Востока, долженъ быть выясненъ изслѣдованіемъ, и не рѣшаться произвольнымъ допущеніемъ. Третье и четвертое допущеніе еще болѣе произвольны, чѣмъ предыдущія, потому что они вторгаются въ чужую исторію и навязываютъ ей факты, ей совершенно чуждые, фантастическіе.

Такъ какъ древняя Русь началась ранѣе, чѣмъ началась ея лѣтописная исторія въ половинѣ IX вѣка, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что и гривна была извѣстна древней Руси не съ IX ст., но быть можетъ даже уже и въ VIII ст. И если вѣсъ гривны былъ заимствованъ, то несомнѣнно не позже IX в., а болѣе вѣроятно уже въ VIII в. Но о торговыхъ сношеніяхъ Новгорода въ VIII и IX ст. мы ничего не знаемъ и даже о томъ, существовала ли уже въ эти столѣтія та сѣверная Германія, съ которою Новгородъ впослѣдствіи имѣлъ торговыя сношенія, мы тоже ничего не знаемъ. Такимъ образомъ, сомнительно *даже существованіе* того Запада, у котораго

Новгородъ будто бы заимствовалъ свой вѣсъ. А еще болѣе сомнительно существованіе на Западѣ того вѣса, который Новгородъ будто бы заимствовалъ: впослѣдствіи этотъ вѣсъ оказался *только русскимъ*. Нигдѣ, на Балтійскомъ поморьѣ, куда новгородскія сношенія проникали, *этого вѣса не было*. Повсюду существовалъ *свой* вѣсъ, отличный отъ русскаго. Какимъ же образомъ Новгородъ могъ заимствовать на Западѣ то, что впослѣдствіи не было извѣстно Западу? Былъ ли у древнихъ Германцевъ свой особенный вѣсъ, этого и до сихъ поръ въ Германіи не знаютъ. Предметъ этотъ обстоятельно былъ изслѣдованъ только разъ, извѣстнымъ экономистомъ, А. Сэтбеeромъ[1]), но и онъ пришелъ къ заключеніямъ, очень далеко отстоящимъ отъ вѣса въ 48 и 96 золотниковъ. Допуская, что германцы имѣли какой нибудь собственный вѣсъ до столкновенія съ римлянами, Сэтбееръ склоненъ думать, что германцы получили основанія своего вѣса тѣмъ же путемъ, который давало имъ золото: чрезъ торговлю съ греческими колоніями сѣвернаго берега Чернаго моря, въ зависимости отъ того, какія здѣсь были въ употребленіи вѣсовыя единицы въ IV и V ст. до Р. Х.[2]). За отсутствіемъ всякихъ указаній о древнѣйшихъ вѣсовыхъ единицахъ германцевъ, Сэтбееръ догадывается, что англосаксонскій фунтъ въ 250 граммовъ (82 золотника) и кельнская марка въ 234 грамма (54.855 золотника) были самыми древними германскими вѣсовыми единицами, тѣмъ болѣе что они даютъ почти одинаковую унцію въ $29^1/_6$ или $29^1/_4$ граммовъ. Пользуясь свѣдѣніями о вѣсѣ въ греческихъ колоніяхъ Черноморскаго побережья и заимствуя эти свѣдѣнія изъ труда испанскаго изслѣдователя, Васкеца Куэйпо, Сэтбееръ останавливается на данныхъ о босфорской драхмѣ города Сизика на Босфорѣ, въ 3.71 грамма; 8 такихъ драхмъ даютъ унцію въ 29.68 граммовъ, почти совпадающую съ унціей англосаксонскаго фунта и древнѣйшей кельнской марки. Это даетъ мину въ 371 граммовъ или 87 золотниковъ, отъ которой Сэтбееръ и выводитъ древнѣйшій германскій вѣсъ[3]). Все это, очевидно, никакого отношенія къ нашей гривнѣ имѣть не можетъ. Во-первыхъ, это приводитъ къ вѣсу въ 87 золотниковъ, а не къ вѣсу въ 96 золотниковъ. Во-вторыхъ, дико было бы допустить, что новгородцы чрезъ сношенія съ отдаленнымъ западомъ дѣлали заимствованія того, что происходило отъ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря, когда Кіевъ былъ го-

---

1) Ad. Söttbeer, Beiträge zur Geschichte des Geld und Münzwesens in Deutschland, напечатаны въ Forschungen zur deutschen Geschichte, Bände I, II, IV, VI. Bd. I, содержитъ первую часть, pp. 207—262: das Geldwesen der Germanen bis zum Untergange des weströmischen Reichs.

2) Söttbeer, o. c., I, p. 241, 242.

3) Ib., p. 242.

раздо ближе къ этимъ берегамъ, тоже съ ними имѣлъ сношенія и ничего подобнаго у нихъ не заимствовалъ. И въ третьихъ, все изложенное изъ изысканій Сэтбеера никакихъ отношеній не имѣетъ къ VIII и IX ст., а относится ко времени, предшествующему эпохѣ, когда германцы пришли въ соприкосновеніе съ римлянами. Сэтбееръ отлично знаетъ, что прійдя въ соприкосновеніе съ римлянами, германцы заимствовали у нихъ либру въ 327.456 граммовъ, или $^4/_5$ нашего фунта въ 96 золотниковъ. До XI ст. германцы такъ крѣпко держались этого римскаго фунта въ 12 унцій, что попытка Карла Великаго замѣнить ее другимъ фунтомъ въ 15 римскихъ унцій признается безуспѣшною даже тѣми изслѣдователями, которые вѣрятъ въ реальность этой попытки (нѣкоторые изслѣдователи совсѣмъ ее отвергаютъ). Новый фунтъ Карла Великаго, говоритъ одинъ изъ изслѣдователей, недавно подвергнувшій предметъ новому пересмотру [1]), продержался едва ли далѣе ближайшихъ преемниковъ его; римскій фунтъ опять возобладалъ и въ концѣ IX в. онъ былъ основаніемъ монетныхъ системъ въ земляхъ по Рейну, на Эйфелѣ, въ Фрисландіи и на нижнемъ Рейнѣ. Съ XI в. однако въ нѣкоторыхъ мѣстахъ начинаетъ исчезать и римскій фунтъ, очищая мѣсто маркѣ въ 8 римскихъ унцій или $51^1/_5$ золотниковъ. Въ Даніи, Швеціи, Норвегіи и Исландіи впродолженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ считали въ маркѣ 8 эровъ, а эръ ничто иное, какъ римская унція: это доказывается найденными гирьками. Старый сѣверный лотъ, или половину эра, принимаютъ въ $3^1/_8$ золотника и поэтому сѣверная марка опредѣляется въ 16 такихъ лотовъ или 50 золотниковъ; это тоже подтверждается найденною гирею и близко къ 8 римскимъ унціямъ [2]).

Изъ всего этого слѣдуетъ, что насколько имѣются какія бы то ни было положительныя свѣдѣнія о вѣсѣ въ тѣхъ западныхъ странахъ, у которыхъ новгородцы будто бы заимствовали свой вѣсъ, эти свѣдѣнія никакой связи не имѣютъ съ заимствованнымъ вѣсомъ, оказавшимся въ Новгородѣ въ IX и въ слѣдующихъ столѣтіяхъ, и ни въ какомъ отношеніи къ нему не состоятъ. Мысль о западномъ заимствованіи вѣса въ 48 золотниковъ *ни на какихъ свѣдѣніяхъ о чемъ бы то ни было* не основана. Она совершенно безпочвенна.

Такимъ образомъ, господствующіе у насъ въ исторической литературѣ взгляды на происхожденіе нашего вѣса, или вѣса въ 48 и 96 золотниковъ, а также на вѣсъ домонгольской гривны, приходится признать очень пе-

---

1) B. Hilliger, Studien zu mittelalterlischen Maassen und Gewichten I. Kölner Mark und Karolingerpfund, напечатано въ Seeliger's Historische Vierteljahrschrift, III. Jahrg. 1900, pp. 161—215, см. особ. pp. 201 sq.

2) Ibid. id.

чально обставленными. Всѣ ихъ повторяютъ, всѣ къ нимъ относятся, какъ къ знанію, между тѣмъ какъ на дѣлѣ они лишь представляютъ весьма неискусно прикрытое незнаніе.

Говоря это, я нисколько не думаю, что утверждаю что нибудь новое. Въ археологическихъ кругахъ неоднократно уже указывалось на то, что если поиски на Западѣ и въ Византіи корней нашего вѣса до сихъ поръ не были удачны, — то слѣдовало бы попытаться направить эти поиски на Востокъ; вѣдь сношенія древнѣйшей Россіи съ Востокомъ, особенно въ VIII и IX ст., по крайней мѣрѣ въ глазахъ археолога, гораздо болѣе удостовѣрены, чѣмъ сношенія съ Западомъ. Куфическія монеты и ихъ преобладающее значеніе въ нашемъ древнѣйшемъ археологическомъ матеріалѣ дають это удостовѣреніе въ такомъ грандіозномъ и убѣдительномъ видѣ, который, казалось бы, прямо указываетъ, что на почвѣ изученія вѣса *куфическихъ монетъ* прежде всего долженъ быть изслѣдованъ и вопросъ о происхожденіи нашего вѣса, а слѣдовательно и вѣса домонгольской гривны.

Было бы несправедливо упрекать блестящую плеяду нашихъ оріенталистовъ съ Френомъ во главѣ, въ томъ, что они до Тизенгаузена совсѣмъ не обращали вниманіе на вѣсъ куфическихъ монетъ, которыя у насъ были находимы въ такомъ поразительномъ обиліи. Не только у насъ, но и на Западѣ Европы на вѣсъ куфическихъ монетъ не обращали вниманія, съ тѣхъ поръ какъ ихъ стали усердно изучать въ концѣ XVIII вѣка и вплоть до половины XIX вѣка. *Надписи* на монетахъ представляли такой новый, обширный и важный матеріалъ, что неудивительно, если оріенталисты прежде всего старались его разобрать, какъ раскрывшій историческій источникъ новыхъ свѣдѣній. И они съ такимъ усердіемъ разрабатывали эти свѣдѣнія: П. С. Савельевъ сдѣлалъ изъ нихъ такое блестящее употребленіе для древнѣйшей исторіи русской торговли, что всякій читатель его «Мухамеданской нумизматики» охотно ему прощаетъ то, что она, строго говоря, *ничего нумизматическаго* не содержитъ.

До какой степени печально обстояло дѣло выясненія вѣса куфическихъ монетъ еще въ половинѣ XIX в., можно судить по факту, что даже еще въ 1870 г. одинъ изъ западно-европейскихъ изслѣдователей, заинтересовавшійся этимъ предметомъ, находилъ его метрологическое изслѣдованіе еще невозможнымъ на томъ основаніи, что матеріала, даваемаго вѣсомъ монетъ, еще «совсѣмъ нѣтъ»[1]). Это послѣднее, впрочемъ, тогда уже было не совсѣмъ вѣрно. Правда, большихъ каталоговъ восточныхъ монетъ Британ-

1) Bergmann, Die Nominale der Münzreform des Chalifen Abdulmelik. (Sitzungsber. d. phil.-hist. Cl. d. K. Ak. d. W. in Wien., Bd. 65, особ. SS. 239, 240); о матеріалѣ взвѣшиваній говорится: fehlt nahezu gänzlich.

скаго Музеума, французской Національной Библіотеки и берлинскихъ Королевскихъ Музеевъ тогда еще не было. Но тогда уже болѣе десяти лѣтъ прошло со времени появленія труда дона Васкеза де Куэйпо, «Опытъ о системахъ метрическихъ и денежныхъ древнихъ пародовъ, отъ самыхъ раннихъ историческихъ временъ до конца восточнаго калифата». Въ третьемъ томѣ этого изслѣдованія былъ помѣщенъ огромный матеріалъ произведенныхъ самимъ авторомъ взвѣшиваній монетъ, пользоваться которымъ не брезгали такіе изслѣдователи, какъ Моммзенъ, Брандисъ, Гультчъ, Сэтбееръ, даже въ Германіи (гораздо большимъ авторитетомъ Куэйпо считается въ Англіи и во Франціи). Совершенною новостью въ книгѣ Куэйпо былъ значительный матеріалъ взвѣшиваній восточныхъ монетъ, произведенныхъ самимъ Куэйпо, который для этого объѣхалъ всѣ знаменитые европейскіе музеи.

Для насъ, однако, главный интересъ представляетъ не сырой матеріалъ, впервые сообщенный въ книгѣ Куэйпо, а въ настоящее время имѣющійся въ гораздо большемъ обиліи, благодаря обнародованію вышеназванныхъ каталоговъ, — а поводы, побудившіе Куэйпо къ собиранію и изслѣдованію опубликованнаго имъ матеріала и результаты, имъ добытые.

Въ 1830-хъ годахъ въ Испаніи былъ поднятъ вопросъ о введеніи французской метрической системы и разработка этого предмета была возложена на Куэйпо. Это собственно было толчкомъ къ его занятіямъ метрологіею, которыя вслѣдствіе обширности матеріала, ожидавшаго разработки, приняли весьма разностороннее направленіе. Естественно, конечно, что въ составѣ этого матеріала, въ Испаніи непослѣднюю роль долженъ былъ играть матеріалъ арабскій. Особенное вниманіе Куэйпо поставленъ былъ въ необходимость обратить на фунтъ (livre) съ острова Майорки въ видѣ подлинной образцовой гири, которая, какъ образцовая, хранилась въ архивѣ главнаго города этого острова, Пальмѣ, и повидимому, хранилась съ самаго завоеванія острова арабами, то есть, около 1000 лѣтъ. Лишь въ 1805 г. эта гиря была доставлена въ Мадридъ. Особенность этой гири представлялъ ея вѣсъ въ 408 граммовъ и распространенность этого вѣса: представляемая ею вѣсовая единица, безспорно арабская, была въ употребленіи почти по всѣмъ побережьямъ Средиземнаго моря, европейскому, азіатскому и африканскому. Повсюду, гдѣ были арабы, они заносили этотъ фунтъ въ 408 граммовъ. На изученіе арабскихъ писателей для выясненія этого вѣса Куейпо былъ наведенъ англійскимъ математикомъ и филологомъ, знавшимъ и восточные языки (оксфордскимъ профессоромъ) Эдуардомъ Бернаромъ, авторомъ трактата «о древнихъ мѣрахъ и вѣсахъ»[1]). Со словъ арабскихъ

1) Ed. Bernardi, De mensuris et ponderibus libri tres. Oxoniae 1683.

писателей уже Бернаръ установилъ, что серебряная монета у арабовъ, диргемъ, имѣла вѣсъ, составлявшій $^2/_3$ вѣса золотой монеты, динара. Округляя это отношеніе, одни арабскіе писатели его показываютъ, какъ 6 : 10, а другіе какъ 7 : 10 (вмѣсто того, чтобы сказать $6^2/_3 : 10$). Бернаръ также знаетъ уже арабскаго писателя Магомета Сефада, сообщающаго, что *144 диргема составляютъ александрійскій ротль* и что каждый изъ диргемовъ содержитъ 64 зерна (грана). Намъ нѣтъ надобности входить въ подробности дальнѣйшихъ изысканій Куэйпо, обстоятельно изучавшаго арабскихъ писателей о предметѣ; достаточно здѣсь сообщить только важнѣйшіе результаты его изысканій. Куэйпо выяснилъ, что ротль или фунтъ, по которому арабы чеканили свою золотую и серебряную монету, былъ *иракскій* и въ Иракѣ былъ въ употребленіи задолго до начала чеканки куфическихъ монетъ. На основаніи показаній арабскихъ писателей и дѣйствительнаго вѣса взвѣшенныхъ имъ монетъ, Куэйпо опредѣлилъ вѣсъ арабскаго золотого динара въ $4^1/_4$ грамма или одинъ золотникъ. Динаръ раздѣлялся на 96 зеренъ. На иракскій ротль шло 96 динаровъ и, слѣдовательно, вѣсъ ротля былъ 409.32 грамма или 96 золотниковъ, т. е. ровно нынѣшній нашъ русскій фунтъ. На этотъ же фунтъ шло 144 серебряныхъ диргема по 64 грана. Слѣдовательно вѣсъ диргема составлялъ $^{96}/_{144} = ^2/_3$ динаря или $^2/_3$ золотника, 64 доли. Куэйпо выяснилъ также, что одновременно съ иракскимъ ротлемъ въ 96 золотниковъ, у арабовъ была также въ употребленіи легкая серебряная вавилонская мина въ 128 золотниковъ и половина ея, какъ особый ротль въ 64 золотника, составлявшій $^2/_3$ иракскаго ротля въ 96 золотниковъ[1]).

Все это, конечно, требуетъ самой тщательной повѣрки: дѣйствительно ли 96 динаровъ и 144 диргема, изъ куфическихъ монетъ, представляютъ вѣсъ 96 нынѣшнихъ нашихъ золотниковъ или нынѣшняго нашего фунта? Но для этой повѣрки мы въ настоящее время располагаемъ весьма обширнымъ и очень разнообразнымъ матеріаломъ, открывающимъ возможность очень осторожно дѣлать каждый шагъ въ повѣркѣ и сличеніемъ результатовъ всѣхъ сдѣланныхъ повѣрочныхъ шаговъ убѣдиться, достаточно ли согласны ихъ показанія. Матеріалъ, которымъ мы располагаемъ для этого, троякаго рода: каталоги куфическихъ монетъ изъ большихъ коллекцій Лондона, Парижа и Берлина, каталогъ подлинныхъ арабскихъ стеклянныхъ гирекъ, служившихъ арабамъ для повѣрки вѣса куфическихъ монетъ и наконецъ золотыя и серебряныя монеты Владиміра Святого и Ярослава Мудраго.

1) Queipo, Systèmes métriques, II, 196, 205.

Для повѣрки посредствомъ вѣса куфическихъ, золотыхъ и серебряныхъ, монетъ англійской коллекціи, мы исходимъ изъ того, что нынѣшній нашъ фунтъ содержитъ, по таблицамъ нашей Палаты мѣръ и вѣсовъ, 6319.76 тройскихъ грановъ. Слѣдовательно, вѣсъ динара долженъ быть 6319.76 : 96 = 65.83 тройскихъ грана, если онъ равняется нашему золотнику, а вѣсъ диргема долженъ быть 6319.76 : 144 = 43.88 тройскихъ грановъ, если онъ равняется $^2/_3$ нашего золотника.

Для повѣрки посредствомъ вѣса монетъ изъ коллекцій Парижа и Берлина, мы будемъ исходить изъ того, что нынѣшній нашъ фунтъ, по тѣмъ же таблицамъ Палаты мѣръ и вѣсовъ, содержитъ 409.512 граммовъ. Слѣдовательно, вѣсъ динара долженъ быть 4.26 грамма, а вѣсъ диргема долженъ быть 2.84 грамма.

Эти требованія самымъ полнымъ образомъ удовлетворяются показаніями каталоговъ Лондона, Парижа и Берлина. Такъ, по показанію лондонскаго каталога 35 золотыхъ динаровъ омейадскихъ халифовъ имѣютъ вѣсъ 2294.6 тройскихъ грановъ, т. е. вѣсъ динара составляетъ 65.53 тройскихъ грановъ, или противъ нормы менѣе лишь на 0.3 тройск. грана или (такъ какъ 1 тройскій гранъ = 1.46 доли) 0.44 доли[1]). То есть, динаръ имѣетъ вѣсъ 95.56 долей вмѣсто 96 долей. По французскому каталогу вѣсъ диргемовъ составляетъ 2.74 грамма вмѣсто 2.84 гр. По берлинскому каталогу получается для диргемовъ тоже 2.74 грамма вмѣсто 2.84 грамма.

Въ своемъ трудѣ о монетахъ восточнаго халифата Тизенгаузенъ тоже собралъ довольно значительный матеріалъ о вѣсѣ этихъ монетъ, который онъ показалъ въ аптечныхъ гранахъ. Я ихъ перечислилъ въ доли и свелъ весь матеріалъ. Для 654 диргемовъ получается общій вѣсъ въ $29566^1/_2$ аптечныхъ грановъ или $41361^1/_2$ долей. Средній вѣсъ $63^1/_4$ долей вмѣсто нормальнаго вѣса въ 64 доли или $^2/_3$ золотника. Въ томъ числѣ 515 монетъ имѣютъ вѣсъ $23596^1/_2$ аптечныхъ грановъ = 33035 долей или каждый диргемъ сполна всѣ 64 доли.

Такимъ образомъ нумизматическій матеріалъ блестяще подтверждаетъ двоякое: 1) полное тожество нынѣшняго нашего фунта съ иракскимъ фунтомъ, на основаніи котораго чеканились куфическія монеты, на которомъ держалась ихъ монетная стопа; 2) такъ какъ вопросъ о вѣсѣ гривны неразрывно связанъ съ объясненіемъ того вѣса въ 48 и 96 золотниковъ, которымъ отличается огромное, подавляющее большинство дошедшихъ серебряныхъ гривенныхъ слитковъ, то мы вправѣ признать вѣсъ этихъ гривен-

1) Стоимость одного золотника чистаго золота 5 р. 50.96 копѣекъ на нынѣшнюю русскую золотую монету; 0.44 доли чистаго золота стоятъ $2^1/_2$ копѣйки и составляютъ 0.0045 золотника.

ныхъ слитковъ въ 48 и 96 золотниковъ только повтореніемъ арабскаго вѣса иракскаго фунта.

Второй матеріалъ, которымъ мы располагаемъ для повѣрки этихъ заключеній, состоитъ въ гирькахъ, приготовленныхъ изъ стекла, съ арабскими на нихъ надписями, указывающими на оффиціальность ихъ происхожденія и назначеніе — служить для повѣрки вѣса монетъ. Гирьки эти найдены при раскопкахъ въ Египтѣ. Большая ихъ коллекція имѣется у насъ въ Эрмитажѣ, но къ сожалѣнію она не издана. Другая коллекція ихъ имѣется въ Британскомъ Музеумѣ, который въ 1891 г. издалъ ея каталогъ[1]). Выше мы вычислили *по нынѣшнему нашему русскому фунту,* выраженному въ тройскихъ гранахъ, сколько составляетъ $^1/_{96}$ и $^1/_{144}$ его части, то есть, нормальный вѣсъ золотого динара (65.83 тр. гран.) и серебрянаго диргема (43.88 тр. грана). Достаточно бросить взглядъ на сводную таблицу вѣса изданныхъ Британскимъ Музеемъ гирь, служившихъ для повѣрки вѣса 1 динара, $^1/_2$ динара и $^1/_3$ динара, а также гирь для повѣрки вѣса двойныхъ диргемовъ, диргемовъ и половинъ диргемовъ, чтобъ убѣдиться въ удивительной правильности, съ которою въ нихъ повторяются вычисленныя нами числа. Издатели гирь тоже отмѣчаютъ, что, напримѣръ, изъ 37 гирь для повѣрки вѣса динара 28 показываютъ вѣсъ 65 или 66 тройскихъ гран. (нормальный вѣсъ по русскому фунту 65.83 тр. гран.); «гирьки для полудинаровъ всегда вѣсятъ 33 грана, гирьки для трети динара всегда имѣютъ вѣсъ 22 грана»; туже однообразную правильность совпаденія показаній обнаруживаетъ вѣсъ гирекъ для повѣрки диргемовъ[2]).

Такимъ образомъ и второй матеріалъ, которымъ мы располагаемъ для повѣрки нашихъ заключеній, тоже самымъ строгимъ образомъ ихъ обосновываетъ на незыблемой почвѣ.

Но мы располагаемъ еще третьимъ матеріаломъ для повѣрки и доказательства нашихъ заключеній, матеріаломъ, можетъ быть, наиболѣе субъективно-убѣдительнымъ, а именно, матеріаломъ вѣса золотыхъ и серебряныхъ монетъ Владиміра Святого и Ярослава Мудраго. При изложеніи данныхъ объ ихъ вѣсѣ я буду придерживаться изслѣдованія гр. И. И. Толстого[3]).

Изъ описанныхъ гр. Толстымъ золотыхъ монетъ 3 экземпляра имѣютъ вѣсъ по 99 долей, 3 по 97 долей, 1 вѣситъ 92 доли, и 1 вѣситъ 90 долей;

---

1) Catalogue of arabic glass wheights in the British Museum, by Stanley Lane Poole and by Reg. Stuart Poole, London 1891. См. особ., p. IX—XI table of wheights of glass for gold and silver coins.

2) Ib., p. XII.

3) гр. И. И. Толстой, Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества Кіевскаго, Спб. 1882.

совокупный вѣсъ всѣхъ этихъ экземпляровъ составляетъ 770 долей; слѣдовательно, ихъ средній вѣсъ составляетъ $96^1/_4$ доли или одинъ нынѣшній золотникъ; гр. Толстой считаетъ средній вѣсъ въ 99 долей.

Во времена Владиміра Св. золотая монета чеканилась внѣ Кіевской земли только Византіею и арабами. Вѣсъ византійскихъ солидовъ былъ: нормальный — $102^2/_5$ доли, а фактическій — немного меньше. Даже если допустить, что тогда византійскій фунтъ уменьшился до 324 граммовъ или $7291^1/_2$ долей, то на каждую изъ 72 монетъ, изъ него чеканившихся, приходилось $101^1/_5$ доля. Арабскій золотой динаръ имѣлъ нормальный вѣсъ 1 золотника или 96 долей — фактически — немного больше. Слѣдовательно, фактически, средній вѣсъ золотыхъ Владиміра Святого совпадаетъ съ нормальнымъ вѣсомъ арабскаго динара, а предполагаемый гр. Толстымъ нормальный вѣсъ занимаетъ средину между вѣсомъ динара и вѣсомъ солида.

Владиміръ Святой приступилъ къ чеканкѣ монеты уже послѣ принятія христіанства, чрезъ 100 лѣтъ послѣ перваго лѣтописнаго упоминанія о гривнѣ, когда въ древней Руси обращалось уже много куфическихъ монетъ. Если съ этими монетами занесенъ былъ и вѣсъ, на которомъ онѣ основывались, то гривна съ вѣсомъ иракскаго фунта, т. е. въ 96 нынѣшнихъ золотниковъ, тогда уже была давно установившимся фактомъ, быть можетъ, за $1^1/_2$ столѣтія. Трудно допустить, чтобы Владиміръ Святой, приступая къ чеканкѣ своей собственной золотой монеты, не зналъ вѣса византійскаго золотого и арабскаго динара; вѣроятнѣе, что тотъ и другой вѣсъ принимались во вниманіе. Большею частью въ подобныхъ случаяхъ, нумизматическая исторія показываетъ (напр. при началѣ чеканки серебряной и золотой монеты въ древнемъ Римѣ, или когда франки начали чеканить свою золотую монету, или при чеканки монеты Дмитріемъ Донскимъ), что стремленія увеличить вѣсъ монетъ противъ имѣющихся образцовъ не наблюдается; скорѣе наблюдается наклонность предпочитать уменьшенный вѣсъ. А меньшимъ былъ въ тѣ времена вѣсъ динара. И только его вѣсъ совпадаетъ съ тою вѣсовою единицею, которая впослѣдствіи у насъ получила названіе золотника отъ золотой монеты, имѣвшей этотъ вѣсъ. Наконецъ и нормальному вѣсу византійскаго золотого монета Владиміра Святого ни въ одномъ экземплярѣ не подходитъ. Поэтому я заключаю, что золотая монета Владиміра Святого по вѣсу была *повтореніемъ арабскаго динара.*

Утверждая это, я конечно вполнѣ сознаю, что сравненіе золотой монеты Владиміра Св. съ золотою монетою Византіи и арабовъ представляло бы весьма недостаточный аргументъ, еслибъ онъ одинъ только у меня имѣлся бы для доказательства моихъ заключеній. Охотно допускаю, что на почвѣ

означеннаго сравненія можно вести безконечный и едва ли полезный споръ о томъ, къ какимъ золотымъ монетамъ, арабскимъ или византійскимъ, по вѣсу, ближе подходятъ золотыя монеты Владиміра Св. Такъ какъ разница между нормальнымъ вѣсомъ византійской и арабской золотой монеты составляетъ только $102^2/_5 - 96 = 6^2/_5$ долей, а золотая монета Владиміра Святого занимаетъ средину между ними, то особенно при разновѣсности всѣхъ трехъ видовъ разсматриваемыхъ монетъ, во всякой большой коллекціи монетъ, въ которой имѣются монеты разсматриваемыхъ видовъ, нетрудно найдти основанія для любого заключенія. Но мнѣ представляется для хода моей аргументаціи совершенно достаточнымъ, что золотыя монеты Владиміра Св. *допускаютъ* признаніе ихъ вѣса повтореніемъ вѣса арабскихъ динаровъ. На почвѣ одного только этого аргумента, конечно, еще ничего нельзя было бы построить. Но при имѣющихся другихъ аргументахъ возможность видѣть въ вѣсѣ золотыхъ монетъ Владиміра Св. повтореніе нормальнаго вѣса динаровъ получаетъ очень большое значеніе. Усиливается же это значеніе особенно тѣмъ, что сближеніе съ византійскимъ вѣсомъ можетъ опираться лишь на то, что въ Византіи золотыя монеты тогда чеканились небрежно, нерѣдко маловѣсныя, по византійскимъ же законамъ принимавшіяся лишь на вѣсъ.

Серебряныя монеты Владиміра Св. различаются гр. И. И. Толстымъ по ихъ различнымъ типамъ. Средній вѣсъ монетъ перваго типа опредѣляется гр. И. И. Толстымъ въ 68 долей или немного болѣе $^2/_3$ золотника (64 долей); средній вѣсъ монетъ второго типа по опредѣленію гр. Толстого 54 доли (самая тяжелая вѣситъ 89 долей, самая легкая — 39 долей); средній вѣсъ 31 экземпляра монетъ третьяго типа опять 63 доли или почти ровно $^2/_3$ золотника; наконецъ средній вѣсъ 18 экземпляровъ четвертаго типа составляетъ 64 доли или ровно $^2/_3$ золотника. Сообщаемыя гр. Толстымъ свѣдѣнія о серебряныхъ монетахъ Владиміра касаются 103 экземпляровъ съ вѣсомъ 6525 долей; слѣдовательно, ихъ средній вѣсъ 63.35 долей, то есть безъ ничтожной разности $^2/_3$ золотника.

Какъ выше показано, вѣсъ арабскаго диргема составляетъ $^2/_3$ золотника и никакого сомнѣнія не можетъ быть въ томъ, что при чеканкѣ серебряной монеты Владиміръ Святой *шелъ за арабами*: изъ гривны въ 96 золотниковъ онъ чеканилъ, подобно арабамъ, 144 серебреника и потому каждый его серебряникъ имѣлъ вѣсъ $^{96}/_{144} = ^2/_3$ золотника. И наоборотъ можно утверждать, что серебряныя монеты Владиміръ своимъ вѣсомъ указываютъ, что ихъ основаніемъ служила таже вѣсовая единица, которая была основаніемъ куфическихъ монетъ.

Средній вѣсъ 28 экземпляровъ серебряныхъ монетъ Святополка со-

ставляетъ $63^1/_2$ доли. Ярославле серебро имѣетъ нѣсколько увеличенный вѣсъ, но остается на той же почвѣ.

Мы не останавливаемся на вѣсѣ серебряныхъ византійскихъ монетъ, потому что объ этомъ предметѣ ничего опредѣленнаго никто не знаетъ и знать не можетъ; до насъ дошли монеты, чрезвычайно разновѣсныя и, повидимому, въ Византіи одной опредѣленной системы не слѣдовали, а напротивъ намѣренно слѣдовали разнымъ системамъ, для извлеченія фискальныхъ выгодъ изъ всѣхъ системъ [1]).

Такимъ образомъ всѣ, имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи матеріалы, согласно приводятъ къ одинаковому заключенію. Вопросъ о вѣсѣ, который представляла домонгольская гривна, долженъ быть разрѣшенъ на почвѣ, на которую сго ставятъ дошедшіе до насъ серебряные слитки, указывающіе на вѣсъ въ 48 и 96 золотниковъ. Изслѣдованіе должно выяснить: *было ли откуда явиться этому вѣсу*, подтверждается ли онъ другими указаніями?

На это наше изслѣдованіе даетъ совершенно опредѣленные, доказательные и убѣдительные отвѣты, потому что оно показываетъ, что 1) съ западомъ и Византіею вѣсъ въ 48 и 96 золотниковъ ничего общаго никогда не имѣлъ и никакой связи никогда не имѣлъ, 2) съ востокомъ же его соединяетъ тѣсная, прямая и непосредственная, связь, которая крѣпче всѣхъ иныхъ связей: связь происхожденія.

Это нашимъ изслѣдованіемъ доказано. И мы въ состояніи прибавить еще нѣкоторыя подробности. Арабы знали иракскій фунтъ и этотъ фунтъ распространяли. Если они его занесли въ Испанію, южную Францію и другія мѣста, то естественно, что вмѣстѣ съ куфическими монетами они его занесли въ домонгольскую Русь. Пользуясь иракскимъ фунтомъ въ 96 золотниковъ, арабы, какъ и всѣ, кромѣ нихъ пользовавшіеся этою и всякою другою вѣсовою единицею, употребляли ея половину и четверть и разные другіе ея дробные виды. Но эти части иракскаго фунта не были *самостоятельными* вѣсовыми единицами. Если домонгольская Русь заимствовала иракскій фунтъ въ 96 золотниковъ, то *только въ этомъ видѣ, какъ цѣлое въ 96 золотниковъ (динаровъ)* возможно было заимствованіе. Вѣсовой единицы, самостоятельной и составляющей сама цѣлое, въ 48 золотниковъ, *у арабовъ не было*, и поэтому подобная вѣсовая единица *не могла быть и предметомъ заимствованія*. Но ничто и не указываетъ на то, что домонгольская Русь знала такую *самостоятельную* вѣсовую единицу. До насъ дошло очень много слитковъ въ 48 золотниковъ, но до насъ дошли, хотя и въ весьма не-

1) Срв. замѣчанія у Sabatier, I, p. 47; Queipo, II, p. 47.

большомъ количествѣ, и слитки въ 96 золотниковъ. И хотя они дошли въ меньшемъ числѣ, только послѣдніе представляли цѣлое, цѣлыя гривны; а слитки въ 48 золотниковъ были только полугривны. Это должно думать, какъ по тому, что заимствована была только вѣсовая единица въ 96 золотниковъ, а въ иномъ видѣ она для заимствованія не имѣлась, — такъ еще и потому, что, когда впослѣдствіи опытъ выяснилъ ея недостатокъ именно въ ея чрезмѣрной значительности и вмѣсто нея пожелали имѣть менѣе значительную вѣсовую единицу въ 48 золотниковъ, какъ самостоятельную, то она получила *новое названіе* гривенки. А въ домонгольской Руси мы съ этимъ названіемъ *не встрѣчаемся*. Это ясно показываетъ, что сначала основною единицею вѣса, гривною, было нѣчто иное, чѣмъ потомъ явилась гривенка. А это другими словами лишь означаетъ, что если, какъ предметъ, какъ слитокъ въ 48 золотниковъ, гривенка уже существовала въ домонгольской Руси, то она для этого могла существовать только въ видѣ полугривны. Гривна же была вѣсомъ въ 96 золотниковъ, иракскимъ фунтомъ, пустившимъ корни въ русской почвѣ.

Эти-то корни онъ пустилъ очень глубоко, потому что представляемый имъ вѣсъ проходитъ чрезъ всю нашу исторію (и остается до сихъ поръ у насъ). Это мы доказали для каждаго изъ періодовъ нашей исторіи на основаніи данныхъ, которыя мы всегда искали въ предѣлахъ каждаго отдѣльнаго періода, въ прямыхъ указаніяхъ, которыя каждый періодъ самъ о себѣ даетъ, не прибѣгая къ освѣщенію со стороны, данными, идущими извнѣ и не относящимися къ изслѣдуемому времени.

Теперь, когда мы эту работу закончили и наши тезисы доказали, мы позволимъ себѣ на мгновеніе возвратиться къ XVI в., къ Торговой Книгѣ, къ нѣкоторымъ ея указаніямъ, которыя только послѣ нашего изложенія становятся совершенно ясными.

Торговая Книга, между прочимъ, намъ сообщаетъ, что въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка въ Москвѣ были въ употребленіи *двѣ* вѣсовыя единицы съ *восточнымъ* названіемъ *ансыря*: одна даже прямо называется *бухарскимъ* ансыремъ и ея вѣсъ показывается въ 128 золотниковъ (полтри гривенки малыя и 8 золотниковъ). Но мы только что разсказали выше, по Куэйпо, что у арабовъ, кромѣ иракскаго фунта была въ употребленіи еще другая вѣсовая единица въ $545\frac{3}{4}$ грамма, которую Куэйпо (совершенно правильно) называетъ вавилонскою миною. А эта вѣсовая единица содержитъ ровно 128 золотниковъ. Слѣдовательно, у арабовъ мы встрѣчаемся и съ бухарскимъ ансыремъ, который въ Москвѣ еще хорошо знали въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в. Очевидно, что и эта вѣсовая единица влачила долгое существованіе въ древней Руси. Мы даже изъ за нея дол-

жны еще разобраться въ вопросѣ: не могъ ли этотъ бухарскій ансырь въ 128 золотниковъ быть домонгольскою гривною?

Мы въ состояніи однако категорически рѣшить этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ. Основаніе для отвѣта намъ даютъ серебряные слитки; между ними никогда не оказывалось такихъ, которые имѣли бы вѣсъ 128 или 64 или 32 золотниковъ. Значитъ, такихъ гривенъ, полугривенъ и четвертей гривенъ не было.

Но въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в. въ Москвѣ былъ еще ансырь: *нынѣшній*. Этотъ *«нынѣшній ансырь»* вѣситъ *фунтъ* въ 96 золотниковъ, а деньгами вѣситъ шесть рублей. Мы доказали, что золотникъ, о которомъ говоритъ Торговая Книга, тождественъ съ нынѣшнимъ нашимъ золотникомъ, и что «фунтъ», который уже знаетъ Торговая Книга, тождественъ съ нынѣшнимъ нашимъ фунтомъ. Но въ Торговой Книгѣ нѣмецкое названіе «фунтъ» служитъ для обозначенія той же вѣсовой единицы, которой она даетъ еще другое, восточное, названіе «ансыря». Это очень любопытно: въ XVI в. еще *знали*, что вѣсовая единица въ 96 золотниковъ *восточнаго* происхожденія. Впослѣдствіи это основательно забыли и въ настоящее время необходимо заниматься своего рода раскопками и розысканіями, чтобы дойти до того же.

Но почему «ансырь» въ 96 золотниковъ былъ «нынѣшній»? Потому что въ концѣ XVI вѣка вѣсовая единица въ 96 золотниковъ была, хотя и лишь возобновленною новостью, но все-таки новостью. Съ XIV ст. основная единица вѣса древней Россіи была малая гривенка въ 48 золотниковъ, сначала рублевая, а потомъ скаловая. И она еще продолжаетъ быть и главною въ XVI ст.: это видно не только изъ того, что упоминанія о вѣсѣ всего чаще въ ней выражаются, но особенно изъ того, что монетная стопа, по которой производится чеканка, имѣетъ основаніемъ именно ее. И она остается еще самостоятельною единицею вѣса, рядомъ съ большою гривенкою. Но и послѣдняя съ XVI в. начинаетъ все сильнѣе и сильнѣе распространяться; а такъ какъ она это распространеніе свое еще только начинаетъ, то она — новая, «нынѣшняя». Но хотя она и въ новомъ видѣ большой гривенки или двойной малой гривенки, это все-таки «ансырь», вѣсъ восточнаго происхожденія по тогдашнему воззрѣнію. Очевидно, что и гривенка всегда считалась того же восточнаго происхожденія.

Весьма любопытно и другое обстоятельство, раскрывающееся свѣдѣніемъ Торговой Книги о томъ, что въ Москвѣ были два ансыря, въ 96 и 128 золотниковъ, и въ связи съ указаніями Куэйпо, что и у арабовъ тоже были въ употребленіи именно эти двѣ вѣсовыя единицы. Выше мы для объясненія того, какъ на извѣстной ступени развитія культуры вѣсовыя и де-

нежныя единицы обыкновенно являются еще тѣсно связанными и даже слитыми во-едино, мы привели (стр. 63) важнѣйшія данныя устройства вавилоно-ассирійской системы. Важнѣйшая ея особенность заключается въ ея устройствѣ изъ троякаго рода вѣсовыхъ единицъ, для которыхъ мы и привели числа выражаемаго ими вѣса въ граммахъ, золотникахъ и древне-египетскихъ лотахъ. Взглянувъ на эти числа, читатель легко узнаетъ двѣ вѣсовыя единицы въ 96 и 128 золотниковъ. Первая была вавилоно-ассирійскою легкою миною, которая употреблялась для платежей золотомъ, вторая была легкою же вавилоно-ассирійскою миною, употреблявшеюся для платежей серебромъ [1]). Раскопками развалинъ Вавилона и Ассиріи добыты гири, представляющія эти вѣсовыя единицы. Эти же вѣсовыя единицы были въ употребленіи не только въ Вавилонѣ и Ассиріи, но и въ древнѣйшемъ Египтѣ: это доказывается не только дошедшими до насъ гирями, найденными при раскопкахъ въ Египтѣ, но и древне-египетскими надписями. Такъ, въ надписяхъ Аммонова храма въ Карнакѣ, между прочимъ, показывается, что Тутмесъ III собралъ въ 33 года своего правленія дани съ некоей земли 10 легкихъ золотыхъ минъ, составлявшихъ на египетскій вѣсъ 45 дебеновъ и $^1/_9$ ките золотомъ [2]). Такъ какъ на дебенъ шло 10 ките, а вѣсъ ките установленъ по дошедшимъ до насъ гирямъ въ 9.096 граммовъ, то вся дань составила $450^1/_9$ ките или 4094.21 граммовъ золотомъ. А такъ какъ эта сумма показана десятью минами, то значитъ мина при этомъ считается въ 409.421 граммовъ или 96 золотниковъ. — Серебряная мина тоже была въ употребленіи въ Египтѣ, и даже очень долго впослѣдствіи въ Птолемеевскомъ Египтѣ; Галенъ ее знаетъ, какъ содержащую 20 римскихъ унцій (ровно 128 золотниковъ) и называетъ александрійскою [3]). Впрочемъ и малый золотой фунтъ въ 409.3 граммовъ или 96 золотниковъ еще оставался въ употребленіи въ Птолемеевскомъ Египтѣ и носилъ странное названіе дровяного фунта [4]). Арабы, слѣдовательно, могли узнать объ вѣсовыя единицы въ Египтѣ, если они ихъ не знали ранѣе завоеванія Египта ими. Иракъ — близкій сосѣдъ Вавилона и Ассиріи и ихъ вѣсовыя единицы могли быть ему нечужды съ очень давнихъ временъ.

Въ заключеніе, считаемъ не излишнимъ отмѣтить, что иноземные изслѣдователи неоднократно съ удивленіемъ указывали на то, что сохранив-

---

1) Третья вѣсовая единица въ 491.14 граммовъ или $115^1/_5$ золотниковъ была прототипомъ марковаго фунта (la livre au poid de marc), который былъ въ употребленіи во Франціи и въ Нидерландахъ вплоть до введенія киллограмма.

2) Hultsch, Die Gewichte des Alterthums, S. 26.

3) Ib. S. 46.

4) Hultsch, Griechische und römische Metrologie, 2 Ausg., S. 644.

шійся до нашихъ дней въ Россіи фунтъ въ 409.5 граммовъ необычайно близко совпадаетъ съ одною изъ древнѣйшихъ вѣсовыхъ единицъ. На это въ 1859 г. указывалъ съ недоумѣніемъ въ своемъ большомъ трудѣ Куэйпо, по поводу арабскаго вѣса, а въ новѣйшее время это указаніе повторилъ Лейманъ, по поводу вавилонскаго вѣса. Наше изложеніе, надѣемся, даетъ достаточное объясненіе этихъ указаній.

Библиотека Коммунистической Академии.

ОПЕЧАТКИ.

На стр.	*Строка.*	*Сказано.*	*Должно быть.*
4	1 текста снизу	цѣлой	первой
13	13 примѣч. „	8 × 20	8 × 200
14	13 текста „	принадлежать	принадлежитъ
„	10 „ „	были	были-бы
28	1 „ сверху	свѣдѣніи	владѣніи
64	8 „ „		
78	18 „ „		
90	6	491.141	491.184